

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ТАТАРСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ им. М. ХАСАНОВА

ДИАЛОГИ
С МАНСУРОМ ХАСАНОВЫМ

Биографические
и литературные размышления

БУЛАТ ХАСАНОВ

КАЗАНЬ – 2025

УДК 001(47)(092.4)
ББК 72.3 (2рос).-8
Д44

Издание подготовлено в рамках проведения Международной научной конференции
«Мансур Хасанович Хасанов: государственный деятель, ученый и организатор науки»,
организованной Институтом татарской энциклопедии и регионоведения
им. М. Хасанова АН РТ (г. Казань, 25–27 июня 2025 г.)

Рекомендовано к печати Ученым советом ИТЭР им. М. Хасанова АН РТ

Научно-редакционная коллегия:

Э. М. Галимова (председатель), Л. М. Айнутдинова, Н. М. Валеев,
И. А. Гилязов, А. А. Тимерханов, Б. Л. Хамидуллин, Р. В. Шайдуллин

Литературные редакторы:

Л. Т. Мухаметшина, Л. Т. Нигъмязянова

Д44 **Диалоги с Мансуром Хасановым** // Б. М. Хасанов. — Казань: Институт татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова АН РТ, 2025. — 252 с., ил.

Книга представлена в формате диалога с ученым и государственным деятелем, первым президентом Академии наук Республики Татарстан доктором филологических наук, профессором Мансуром Хасановичем Хасановым. Он рассказывает о детстве и юности, событиях и коллегах, с которыми взаимодействовал в годы учебы в Елабуге и Казанском университете, о работе в областном комитете партии и правительстве и деятелях науки, культуры, искусства. Большой биографический и фактический материал позволяет раскрыть черты его личности и суть мироощущения.

УДК 001(47)(092.4)
ББК 72.3 (2рос).-8

ISBN 978-5-902375-92-0

© ОСП «Институт татарской энциклопедии
и регионоведения АН РТ», 2025.

© Хасанов Б. М., 2025.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Данное издание приурочено к 95-летию со дня рождения выдающегося ученого и государственного деятеля, основателя и первого президента Академии наук Республики Татарстан, организатора и первого директора Института татарской энциклопедии профессора Мансура Хасановича Хасанова.

Лидерские качества и стратегическое мышление М. Х. Хасанова способствовали проведению структурных изменений в организации научного процесса, которые определили новые направления в развитии науки и образования. Деятельность Мансура Хасановича содействовала сохранению научного потенциала республики и его интеграции в общероссийскую и мировую научную среду в сложные 90-е годы XX века.

За шестнадцать лет руководства М. Х. Хасанова Институтом Татарской энциклопедии благодаря правильно выбранной тактике в научно-организационной работе было достигнуто многое: выработана стратегия создания фундаментальных трудов, продуманы их концепция и четкая методология. Его личное участие способствовало быстрой разработке научно-концептуальных основ национально-региональной энциклопедистики.

По инициативе Института татарской энциклопедии и регионоведения и благодаря решению президента Академии наук Республики Татарстан Р. Н. Минниханова с 2023 года институт носит имя М. Хасанова.

В рамках проведения Международной научной конференции «Мансур Хасанович Хасанов: государственный деятель, ученый и организатор науки», направленной на обсуждение актуальных вопросов развития науки и образования в контексте наследия М. Хасанова, подготовлена и издана эта книга.

McKenney

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Во время открытия мемориальной доски Мансуру Хасановичу Хасанову на здании Академии наук Республики Татарстан ко мне подошли журналисты, чтобы взять интервью об отце. Что можно спросить у сына? Конечно же, о том, каким он был в семье и каким он был отцом. Меня эти вопросы поставили в тупик — я не сразу понял, о чем говорить, что вспоминать... Но такова стилистика журналистского жанра. Я и раньше задавал себе вопрос: в чем заключался его процесс воспитания? Простого ответа у меня не было.

Когда мне было десять лет, родители решили, что неплохо было бы мне освоить азы музыкальной грамоты. Занятия проходили у нас дома, и вот что об этом пишет мой первый и единственный в этом наставник, тогда студент консерватории, Рубин Абдуллин: «...Ко времени, когда я должен был начинать занятия, подъезжал Мансур Хасанович... и он слушал, как дети играют». Что это было со стороны отца — контроль или что-то другое? Ответа у меня нет и сейчас. Я совершенно не помню, наверное, такого и не было, чтобы он спрашивал, какие оценки я получаю в школе. Но много лет спустя я обнаружил в его бумагах распечатку моей школьной успеваемости. Я не обсуждал с ним, что подам документы на физический факультет университета. Он только удивился тому, что это не механико-математический. Мне казалось, его мало интересовало, чем жил тогда я, еще молодой и во многом наивный. Только сейчас я стал понимать, что отец незримо всегда был рядом со мной. В то же время были моменты, когда и ему было необходимо мое присутствие рядом с ним. Тогда он брал меня с собой: это могли быть поездки по районам республики, в другие города или в его отпуск, на отдых. Бывало, что он и сам неожиданно приезжал туда, где я находился, например в Гурзуф, где я был в свои каникулы, или в Вашингтон, где я проводил семестр в

Мэрилендском университете. Кому это было больше нужно — мне или ему?

Так что же все-таки для меня подразумевается под словами «отцовское воспитание». В первую очередь я вспоминаю о наших с братом ранних годах, когда мы ходили на прогулку в лес, где он учил нас слышать и понимать природу. После он повторял то же самое уже и с нашими детьми, своими внуками. Он привил мне навыки столярного дела, и они остались у меня до сих пор. Отец покупал очень много книг, это делалось примерно раз в месяц. Привозили большую коробку, в которую помещалось до ста различных изданий: от художественной литературы, мемуаров и публицистики до исторической, философской и справочной литературы и энциклопедий. Я даже не подозревал о существовании такой тематики энциклопедий, там были музыкальная, театральная, литературная, физическая, математическая. Отец говорил, на какие книги надо обратить особое внимание. Со всем этим он ознакомиться, конечно, не мог. Тогда он поручал нам с братом сделать обзор по тем или иным из них, и возникали разговоры и беседы на ту или иную тему. В них отец никогда не выступал как назидатель, он не поучал, а только направлял в ту или иную сторону. Он мог мне позвонить на кафедру в университет из своего кабинета в Кремле и срочно запросить информацию, например о лазерных технологиях в офтальмологии. На все мне давалось минут десять, если я что-то не знал, то бежал в читальный зал за информацией.

После ухода отца с поста президента Академии наук мы больше времени проводили вместе. Он стал приводить в порядок свой архив, в котором скопилось невероятное количество документов, рукописей, писем. Именно в этот период у него возникла потребность в том, чтобы я больше времени находился рядом с ним. Перебирая все эти бумаги, он погружался в воспоминания, а я всячески этому способствовал. Задавая вопросы и комментируя его повествование, я старался уходить в темы, которые он и сам не затрагивал, а некоторые и подзабыл. Тогда нам приходилось основательно работать с имеющимися у него материалами — он вообще ничего никогда не выбрасывал, нужно было только найти. Порой это было непросто. Позже беседы стали записываться на диктофон, хотя расшифровывались записи не сразу. Сейчас я понимаю, что отцу было настолько много чего мне поведать, что он переходил с одной темы на другую. Часто не прослеживалась никакая логика и хронология рассказа, и мне приходилось возвращать его обратно к начатой теме. Много раз отец откладывал начатую тему в

сторону, а затем спустя время мог к ней вернуться в самых неожиданных местах. Это было интересно в диалоге, но крайне сложно при переводе записи на бумагу. Бывало, что вернуться к первоначальной теме уже не получалось.

В наших беседах для меня важно было мое понимание предмета разговора. Чтобы получить хороший ответ, нужно задать хороший вопрос. К некоторым темам мне приходилось основательно готовиться, но отцу, как мне казалось, временами не столько нужны были мои вопросы, сколько ему хотелось просто высказаться. Иногда мы настолько глубоко погружались в обсуждаемые события с упоминанием имен и дат, что порой казалось — нас никто не сможет понять. Со временем мы стали заранее обговаривать тему разговора, и мне оставалось только удерживать нить беседы, оставляя ее в рамках заготовленного сценария.

В беседах с ним я видел, каким он может быть внимательным к деталям и немного небрежным в формулировках. То, что в окончательном варианте «Диалогов...» кажется более или менее логически выстроенным разговором, вначале выглядело как некий хаос. Приходилось из отдельных кусков собирать единое целое. Некоторые части наших бесед отец читал и правил сам — мы хотели их опубликовать, но при его жизни не успели этого сделать. В дальнейшем работа с перерывами продолжалась уже без него. Определенные куски явно не предназначались для печати. И если не вдаваться в детали процесса, важен только результат, получились «Диалоги...» такими, какие они есть. Сюда вошла примерно половина наших разговоров. Все, что есть в этой книге — это только его взгляд на те вопросы, которые мы затрагивали в наших беседах.

Что я узнал нового, неведомого для себя, об отце во время наших разговоров... Он, безусловно, человек системы и человек компромиссов. Но, если у тебя есть некоторые способности, если у тебя есть некоторые ресурсы и возможности и ты можешь это применить на благо других, вот это хорошо. Но ты это делаешь внутри системы и по правилам системы. Если же ты можешь корректировать ее, если у тебя хватает на это ресурсов и ты говоришь себе «я могу», когда другие не могут, это вдвойне хорошо. Я увидел отца таким. Все эти годы за мной оставался долг перед ним, из записанного материала сделать книгу. И сейчас у меня нет ничего, кроме благодарности за мудрость и опыт, и по мере удаления от того времени, оставшегося лишь в памяти, эти чувства только усиливаются.

Вот таким отцом он для меня и остался.

В начале работы существенную помощь мне оказала Гульнара Фатыховна Хасанова. Если бы не она, то эта книга в данном формате, скорее всего, не состоялась бы.

Некоторое время назад директор Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан Эльмира Мунировна Галимова, узнав, что у меня готов материал к «Диалогам с Мансуром Хасановым», решительно настояла на срочном выпуске книги. Она организовала весь процесс подготовки ее к печати и участвовала вплоть до создания дизайна обложки. Я глубоко признателен ей за это.

За поддержку и существенную помощь на завершающем этапе работы над макетом текста и при верстке книги я чрезвычайно благодарен Ларисе Махмутовне Айнутдиновой и Рафику Рашитовичу Салахиеву.

Большой труд взяли на себя литературные редакторы Л. Т. Мухаметшина и Л. Т. Нигъмязянова, за что им большое спасибо.

ГЛАВА 1

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ: Бегишево и Елабуга

1. Вспоминая деда и отца

Б.Х.: Ты всегда много рассказывал о Хайрулле бабае. Каким он был человеком? Что всплывает в памяти, когда ты вспоминаешь о нем?

М.Х.: Бабай родился в 1856 году. Характер у него был крутой и властный, при этом он выделялся образованностью среди односельчан. Не случайно в 1920 году они избрали его своим старостой. На эту должность ведь кого попало не ставили: староста был обязан знать грамоту, уметь составлять финансовые отчеты, разбираться со многими повседневными вопросами сельской жизни. Эти функции, по существу, перешли затем к сельскому совету, который был образован в Бегишеве в конце 20-х годов.

Бабай был хорошим пчеловодом и имел пасеку из более чем пятидесяти ульев, что довольно много — например, колхозные пасеки такими бывали. Конечно, он деревню держал в порядке, да и в районном масштабе мог работать, но, видимо, не сложилось, причин этого я не знаю.

Б.Х.: Где он получил образование?

М.Х.: Точных данных у меня нет, но в Бегишеве действовали мечеть и училище-медресе. В них мулла учил детей чтению и письму на основе арабской графики, основам арифметики. Я предполагаю, что бабай, как и мой отец, учился там. У деда, как сейчас бы сказали, был математический склад ума. Это особое отношение к математике и у Фатиха¹, и у меня в

¹ Фатих — старший брат М. Х. Хасанова, 1928 г.р.

какой-то степени проявилось. Думаю, оно от бабая передалось. Говорят же, что наследственность очень выпукло проявляется через поколение.

Б.Х.: Бабай и его семья были крепостными?

М.Х.: Нет, по-моему, крепостных крестьян в Бегишеве вообще не было. Население села относилось к разряду государственных крестьян. Их положение, по сравнению с крепостными, было гораздо лучше, они находились в государственном управлении. Земля, на которой они проживали и которой пользовались, также считалась собственностью государства. Но государственные крестьяне могли покупать земельные наделы. Так, в Бегишеве перед революцией 1917 года в частной собственности было примерно по одной десяatine земли на душу населения.

Б.Х.: Сколько человек проживало в Бегишеве в то время?

М.Х.: В селе было примерно 240 дворов, а общая численность населения — порядка 1300 человек. Хайрулла бабай нас учил, что до седьмого колена нужно знать свой род. И перечислял нам предков до седьмого поколения. Всех, к сожалению, я сейчас назвать не смогу, но основную линию помню: Надыр (год его рождения я не знаю), далее Якуп (родился в 1745 году), затем Якшамет (1794), Губайдулла (1832), Хайрулла (1856) и мой отец Хасан (1895).

Б.Х.: Кстати, у бабая же была пасека, вряд ли крепостные могли ее иметь...

М.Х.: У многих пасеки не было и не могло быть. А у нас была. Я помню еще расположение настоящей пасеки. Могу хоть сейчас поехать и найти то место в лесу. Мы там с Фатихом выросли, это место для нас родное. Я всегда говорил, что найду дорогу туда даже с завязанными глазами, ведь запомнил этот путь с детства, узнаю его по множеству мельчайших деталей. Хотя сейчас там все изменилось. Дороги, наверное, не осталось, все заросло.

Через несколько лет после образования колхоза, в 1930 году, нашу пасеку передали в колхоз, и ее переместили в другое место. Бабай стал там работать. Наверное, он принял такое решение, чтобы не попасть под раскулачивание. И хотя семья бабая не подверглась раскулачиванию, он хорошо понимал, чем это может закончиться для них. Он был очень мудрым. После раскулачивания зажиточных крестьян выселяли в город Магнитогорск на строительство металлургического завода. А нас записали середняками — нечто среднее между кулаком и бедняком. Не раскулачили, и мы особо не бедствовали, сами себя обеспечивали.

Б.Х.: А в селе были раскулаченные?

М.Х.: У нас по соседству был раскулаченный. Это я помню. В нашей

деревне их, кажется, немного было, может, один-два-три человека. Возможно, я не совсем хорошо знал другой конец деревни. Деревня-то длинная, две улицы у нас. Другая улица тоже протяженная, она чуть подальше начиналась, а в другом конце села они сходились.

В нашем конце как раз была заводь Кармановской мельницы, мы туда ходили купаться. А в другом конце — заводь Бегишевской мельницы, и там тоже купались, особенно студенты, возвращавшиеся на каникулы. Воды для купания было достаточно. Село располагалось вдоль реки Авлашки, кстати, поэтому в XIX веке оно имело второе название — Нижний Авлаш. А уж если захочешь посмотреть особенно красивые места, идешь через лес, в сторону Юлюзани. В Нижней Юлюзани² тоже была своя речка. Водоемов у нас было достаточно для купания.

Б.Х.: Какие твои самые яркие воспоминания связаны с бабаем?

М.Х.: Он нас постоянно брал с собой в лес за ягодами или работать на пасеке, сначала, когда она была нашей, а потом уже на колхозную. Бабай и привил нам любовь к лесу. В конце августа мы с ним собирали орехи, еще он учил нас различать деревья и заготавливать дрова. У него была страсть — ловить ядовитых змей. Помню, бабай пальцами держал их за голову и играл с ними. До сих пор не могу понять, как он приносил их из леса в обычном мешке.

Еще забирался на верхушку дуба — крепкий был — и тряс его ветви, чтобы осыпались желуди. А мы на земле их собирали. Тогда держали свиней, а желуди — очень хороший корм для них.

Б.Х.: Неужели ели свинину? Или растили на продажу?

М.Х.: Свиней держали на продажу. Сами мы свинину не ели никогда. Даже на стол нельзя было ее ставить или добавлять в еду. Всегда так говорили. Бывало, две свиньи откармливали, некоторые из них очень крупные вырастали. Потом их продавали либо по договоренности, либо иногда на базар, по-моему, вывозили. И в колхозе тоже свиней держали в то время. Я еще помню, хозяйство на выставках грамоты за свиноферму получало. Свинину же есть мы начали, уже когда студентами стали и переехали в город, тогда не обращали внимания на то, что за мясо.

Б.Х.: Фатих абый рассказывал, что козлята всегда дома зимовали и дети с ними возились.

М.Х.: Если имелся утепленный сарай, они там зимовали. А у нас и утепленные сараи были. Чтобы дома козлята находились, у меня в памяти как-то не осталось. Ну раз Фатих так говорит, значит, были.

² Речь идет о Верхних и Нижних Лузах.

Он ведь все-таки на два года меня старше, а в юном возрасте это очень большая разница. Он, конечно, должен помнить больше.

Б.Х.: Скотины много было у вас в хозяйстве?

М.Х.: Корова, несколько овец, гуси, обязательно был теленок. А потом же ввели новый порядок, начали все переписывать. Прямо без предупреждения заходили и проверяли, поставлены ли на учет птица и скот.

Б.Х.: Ты имеешь в виду период, когда были внесены изменения в налоговое законодательство?

М.Х.: Да. После крупных крестьянских восстаний 1920 года в стране продразверстку заменили на единый сельскохозяйственный налог. А вот с 1939 года твердые ставки были заменены прогрессивной шкалой налога.

Б.Х.: Какие у вас были обязанности по дому?

М.Х.: Скажем, осенью, когда уже начиналась учеба, утром встанешь, первым делом сразу выходишь убираться в хлеву. Скотина же была, как правило, корова, без коровы мы никогда не жили. Выйдешь, в сарае быстро-быстро порядок наведешь, потом заходишь, к этому времени уже готово кушать. Утром печь разжигали для приготовления еды, мы дома ели, а чтобы брать с собой что-нибудь в школу — такого особенно не было. Это были бы идеальные условия. Потом шли в школу и после четырех или шести уроков возвращались. Когда приходили домой, сразу не ели, шли в лес, за дровами или еще за чем-нибудь. Помню наш большой фруктовый сад, где мы играли в прятки.

Б.Х.: На вас, маленьких, лежала обязанность в том числе и по заготовке дров?

М.Х.: Бабай нас держал в строгости и приучал к труду. Помню, весной он даже заставлял нас посыпать песком остатки снега во дворе дома, говоря при этом, что он быстрее растает. А в то время, когда я в школу ходил, бабай уже особо в этих делах не участвовал. Умер он 3 апреля 1940 года. Ему было 84 года, это я хорошо запомнил.

Б.Х.: Расскажи подробнее об отце.

М.Х.: Нашего отца родные называли Шәкерт абый. Шакирдами именовали тех, кто учился в медресе. Я так и не выяснил, где, в каком медресе он учился. Смог он окончить медресе или был вынужден прервать обучение? Скорее всего, когда он учился в медресе, сменилась власть, началась Гражданская война и отец не успел завершить обучение. Как это все происходило? Мы с ним никогда на эту тему не разговаривали. Во-первых, сама тема была опасная, а во-вторых, я тогда в силу юного возраста об этом не задумывался.

Б.Х.: Помню, ты говорил о медресе при мечети в селе...

М.Х.: Школы для маленьких детей у мусульман — мектебы — были почти при каждой мечети. Они действовали во многих селах района и давали начальное образование. Классическое же медресе все-таки выполняет функцию средней школы и мусульманской духовной семинарии. В Бугульминском уезде было такое медресе, которое состояло из двух отделений — «Рушди» и «Игдади». Только там или в подобном учебном заведении отец мог обучиться чтению на татарском и арабском языках, правильно читать Коран и чистописанию на основе арабской графики. Мы с ним так переписывались, когда я уехал учиться в Казань.

Б.Х.: Арабскую графику ты изучал уже в университете?

М.Х.: Старотатарский язык нам отдельно не преподавали, была только история татарского языка. Не было достойных специалистов, на ком бы это держалось. И по источникам мы не изучали язык. Конечно, читали тексты на арабской графике. Это было очень увлекательно. Я писал на этой графике письма домой из Казани, потому что отец читал и писал только на арабской графике. Из этого я ретроспективно сделал вывод, что он учился в медресе. А на жизнь он зарабатывал портняжничеством, все время шил. В Бегишеве издавна сеяли коноплю и лен как сырье для изготовления тканей.

В 1937 году сгорел наш дом. Я тогда учился во втором классе. Это случилось в мае. Дом обрушился у нас на глазах. И сегодня воочию вижу картину, как стены дома, догорая, превращаются в угли и рассыпаются...

А на чердаке было столько книг! Все они сгорели. Их читал отец. После бани, надев чистое одеяние, ложился и читал нараспев Коран. Залезать на чердак и смотреть книги нам разрешалось, но вниз спускать их было нельзя. Помню, даже после пожара к нам в гости на Сабантуй приехало более сорока родственников.

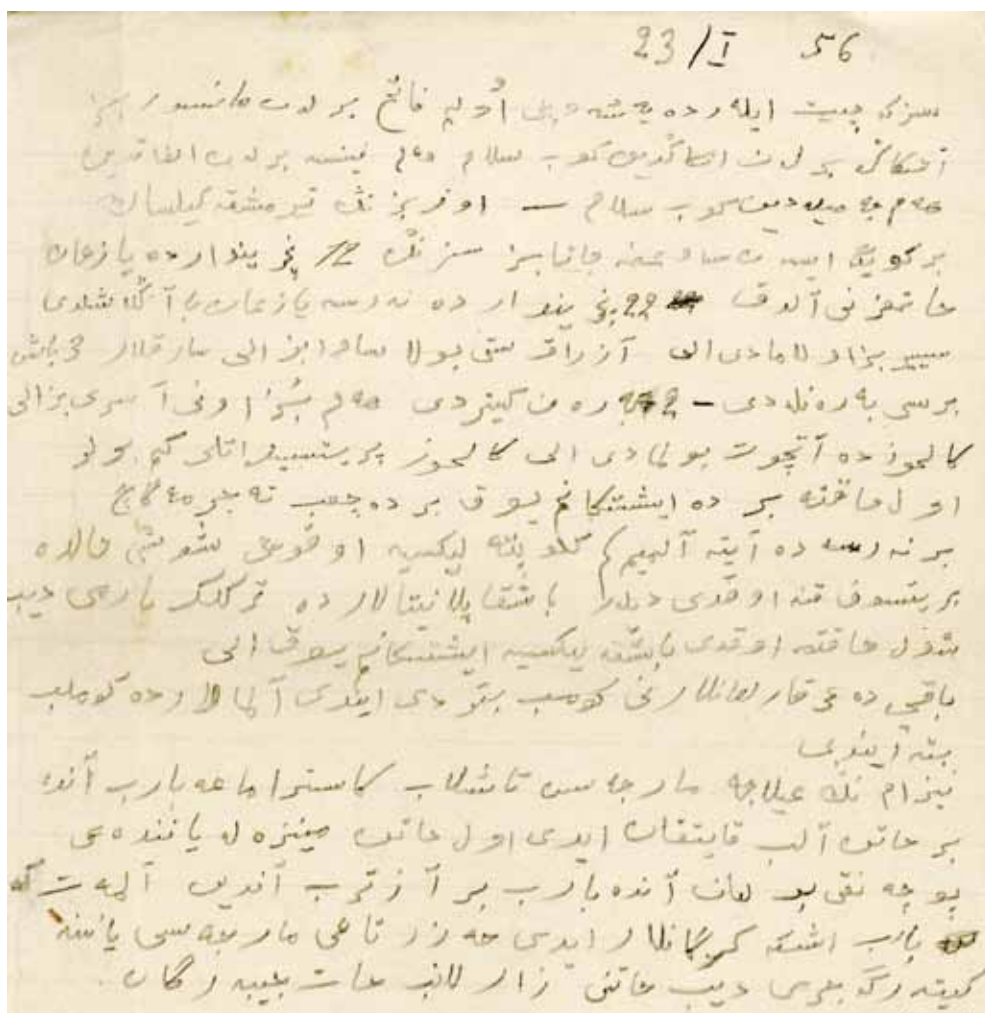
Б.Х.: Откуда могло приехать такое количество родственников? Видимо, из-за пределов Татарстана?

М.Х.: Это потому, что у нас был отчий дом, из которого все родственники вышли. Наш дом был для всех родным гнездом, там прошла их молодость, их тянуло туда. Приезжали из Донбасса, в Перми жило много родственников. Донбасс, он подальше, для наших родных типичным не был. Наши уезжали в Ижевск, в Пермь, в те края, что вверх по Каме.

И спать-то тогда было негде, в бане только. Устраивались на ночлег у других родственников, братьев или сестер. Потом у родных братьев или сестер бабая. Например, у Галиуллы абзый — он был родным братом

Письмо отца. 1956 г.

отца. Вот так и находили, где переночевать. Это же летом не проблема, где спать, и потом, у нас амбар был, остался целым — при пожаре не пострадал. Этот амбар, по-моему, до сих пор сохранился, я видел его, когда ездил в село.

В основном вся жизнь переместилась в баню. Баня — это все-таки в любом случае поддержка. Готовили там, сделав приспособления. Все собирались у нас, здесь ели-пили, сюда приносили подарки, полученные на Сабантуе.

Б.Х.: Как будто бы накануне войны они знали, что скоро не смогут уже ездить домой.

М.Х.: Как чувствовали. Потом, когда война началась, все закончилось, конечно. Приезды родных были исключены...

В довоенное время мы очень ждали Сабантуи, с приближением праздника ощущался подъем. Ходили по домам и собирали полотенца, и не только полотенца, выносили такой длинный шест и с ним ходили... Да, это бывало очень празднично, торжественно.

Б.Х.: А во время войны Сабантуи проводились?

М.Х.: Сабантуи, по-моему, были. И во время войны тоже, когда работа в поле заканчивалась, но обстановка уже к тому времени изменилась, стало строже. Но отмечали.

Б.Х.: Как-то на вопрос «Что вам больше всего запомнилось из тех лет детства и юности?» ты ответил: смерть матери...

М.Х.: Мне было около четырех лет, когда умерла моя мама. Ее звали Камиля. Она была родом из деревни Керекес, что находится недалеко от Бегишева. В моей памяти остался ее расплывчатый образ. Он все эти годы стоит у меня перед глазами. Ее фотографии у меня нет, да и были ли они вообще, я не знаю. Довольно быстро отец вновь женился, и у нас с братом Фатихом появились еще две сестры и два брата.

Б.Х.: Ощущали ли вы, когда росли, что у вас была неродная мать? В чем это проявлялось?

М.Х.: Ну, конечно, ощущалось. По отношению к себе это же чувствуешь. О таких вещах обычно не говорят вслух. Все-таки терпишь, а про себя думаешь: что делать? Другого-то выхода нет. Это проявлялось в отношении к нам. В некоторых ситуациях, скажем, прорывалась несдержанность.

2. Предвоенные и военные годы

Б.Х.: В 1920–1930-е годы в стране проводилось колхозное строительство, и в результате некоторых перекосов возникал недостаток продуктов питания. Это отражалось и на личных хозяйствах, нередко приводило даже к голоду как на селе, так и в городе...

М.Х.: Тут картина вот такая. Во-первых, начнем с того, что неурожай 1921 года привел к массовому голоду в 1921–1922 годах. Но я не помню, чтобы у нас в селе был голод. Если бы раньше был, мы бы слышали, нам бы рассказывали об этом. В наших краях этого, видимо, не было. Хотя могли и не рассказывать...

Б.Х.: Поднялось же в начале 1920-х годов крестьянское восстание, штаб которого находился недалеко от Бегишева — в Заинске. Оно было жестко подавлено, и за ним последовали грабежи сельского населения, изымали даже посевное зерно. Трудно представить, что такое крупное село, как Бегишево, осталось в стороне от этого движения.

М.Х.: У нас в доме в тридцатые годы разговоры на эту тему не велись. Возможно, для нашего края это было не характерно. После пожара мы жили в бане, также уцелел амбар. Хорошо, что новый дом быстро построили — мы заехали в него уже в 1938 году, а пожар случился в 1937-м. Это очень небольшой срок.

В тридцать седьмом году собрали богатый урожай хлеба. Его раздавали по деревне, погрузив на телегу, насыпали кому в мешки, кому в занавески, если мешков не было. Люди отказывались, говорили, что некуда девать. В то время ведь хранилищ нормальных у сельчан не было. Это был первый на моей памяти настоящий, хороший урожай. А после уже, когда война началась, никогда такого не было, чтобы вдоволь наесться. И после войны тоже. Ужасный голод был в 1946-м, ничего не было — все закончилось, запасы иссякли.

Б.Х.: И рабочей силы в колхозе во время войны, конечно же, не было.

М.Х.: На войне очень много людей погибло. Из Бегишева на фронт было призвано 159 мужчин, 105 из них не вернулись домой. Вообще, из мужчин двадцать первого года рождения с войны практически никто не вернулся.

Во время войны не скажу, что мы очень страдали от голода. А вот

в послевоенные годы было очень тяжело. Ели даже перезимовавшую в земле картошку. Из нее, если как следует сварить, тщательно очистить, получались очень хорошие оладьи. После войны, случалось, люди ели перезимовавшее в полях зерно и умирали от септической ангины. В Сармановском районе, что по соседству, такое было.

Б.Х.: Когда началась Великая Отечественная война, тебе было 11 лет. Что осталось в памяти об этом времени?

М.Х.: Перед глазами у меня и по сей день четко, ясно, зримо стоят два дня, связанные с началом войны. Один из них — это первый день войны. В 1941 году, так же как и в 1940-м, я встречал лето в пионерском лагере. Для учеников нашей средней школы, хотя она была очень большая, в нем выделяли одно место. И в лагерь отправляли только одного лучшего ученика. Это всегда был я. В 1940 году я также ездил один. Очень хорошо воспитатель ко мне относился, без меня ни одно мероприятие не проводил. Он без меня и на рыбалку не ходил. Казалось бы, я ведь и рыбачить-то не умел. А он меня научил. Мысленно возвращаясь сейчас в те годы, я понимаю, что отношение ко мне было самое теплое, какое-то особенное. Возможно, это просто мое детское восприятие сказывается... Тогда ведь еще ни войны нет, ни работы в колхозе, поэтому в лагере всего два занятия было: в лесу гулять, ягоды есть и купаться. За купанием, конечно, контроль был строже, чем дома, чтобы, чего доброго, не утонули.

В 1941 году в лагерь со мной поехал еще один ученик, мой одноклассник. Тогда ведь не было параллели, все учились в одном большом классе, тридцать с чем-то учеников. Тот паренек занимался посредственно, но его отец, работавший в райземотделе, достал ему путевку. Поэтому нас оказалось двое.

Мы задержались в Заинске на ночлег. У нашего провожатого даже была мысль заночевать на лугу рядом с Заинском. Как это случилось? Нас сопровождал молодой, наверное, лет на пять старше меня, но совершенно не знающий эту местность человек. Вместо того чтобы поехать в Пальчиково, где располагался лагерь, мы отправились в Поручиково. Когда уже выехали за пределы деревни, стали спрашивать, где пионерский лагерь. А его здесь нет, отвечают нам. Один мужчина предположил, что мы перепутали Поручиково с Пальчиково, где обычно располагался лагерь. Мы уже решили было заночевать на лугу, почему бы и нет, ведь это был летний день. Постелил в телеге все, что есть, или травы накопил и уложил в телегу. У сопровождающего нашего, помнится, коса была, она привязывалась под телегой, в специальном месте.

Но нашим планам помешали цыгане, разместившиеся на лугу. Цыган в Татарстане много бывало. Они ходили по домам, дети их

боялись. То одно, то другое унесут. В связи с цыганами вспомнилось, как проказничал Фатих. Он наряжался как бродяга, заходил во двор, что-то спрашивал, а когда собирался уходить, специально задерживался перед воротами, отец же его прогонял: уходи-уходи. Вот такое бывало. Дедушка у нас очень строгий был.

Мы испугались проводить ночь с цыганами и поднялись до Заинска. Город расположен на некотором возвышении, там, где протекает река Зай. Сейчас это уже и заметить-то трудно, там все изменилось после того, как появилось так называемое рукотворное море, созданное в связи со строительством Заинской ГРЭС. Доехав до Заинска, мы увидели собравшийся на улице народ. Не зная ни слова по-русски, спросить, что случилось, как-то не решались. Но все-таки подошли поближе к толпе. На базар не похоже — базар утром бывает. Когда мы все же набрались смелости и задали вопрос, нам ответили: началась война с Германией. Мне запомнились эти слова — «с Германией». Сначала я даже подумал, что наша страна вместе с Германией воюет против кого-то. Но уточнять не стал.

Там же я слушал выступление Молотова³, подготовленное очень оперативно. Только впоследствии мы узнали, что Сталин⁴ в первые дни войны отказался делать заявление, мотивируя свое решение неясностью политической обстановки. Потом уже я изучал этот вопрос в деталях. У него опустились руки, после нападения Германии он произнес единственную фразу: «Мы потеряли то, что было завоевано Лениным, мы все потеряли».

А в то время народ не знал, почему Сталин не выступил, хотя многие члены Политбюро⁵ считали такой шаг ошибочным. Уже позднее появились идеологические трактовки, факты о том, как это происходило. Под давлением Сталин все же выступил по радио 3 июля. Конечно, немалую роль во всех этих событиях сыграл Молотов. Что бы ему ни поручала партия, он всегда решал поставленную задачу. Сталин в своей речи говорил о возможном разрушении национальной культуры и государственности народов страны. Причем среди народов в составе

³ Вячеслав Михайлович Молотов (1890–1986) — в 1921–1957 гг. один из высших руководителей ВКП(б) и КПСС, в 1930–1941 гг. председатель Совета народных комиссаров СССР.

⁴ Иосиф Виссарионович Сталин (1878–1953) — советский государственный, политический, военный деятель, первый Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), фактический руководитель СССР.

⁵ Политбюро ЦК КПСС (с 1952 по 1966 г. — Президиум ЦК КПСС) — руководящий орган Коммунистической партии Советского Союза в период между пленумами ее Центрального комитета.

России он упомянул лишь русских и татар. Я это хорошо запомнил.

Затем мы с одноклассником пошли на квартиру его отца. Он оказался дома. Наш визит стал для него неожиданностью. Он подтвердил, что началась война. Мы были настолько уставшие, что сразу уснули. Никаких раздумий и размышлений в этот вечер не было. Утром встали, легко перекусили, попили чай. Запрягли лошадь и поехали на телеге в направлении Пальчикова. Выезжали из города тем же маршрутом. На выезде из Заинска нам встретилось много машин, полностью загруженных людьми. Тогда самой ходовой в колхозах была полупорт, других машин мы и не знали. Вот на что я обратил внимание уже тогда: как за ночь смогли оперативно собрать людей, как быстро была организована мобилизация. Никакой растерянности не ощущалось. Переполненные машины ехали одна за другой. В них и плакали, и играли на гармошке, кто-то провожал, кто-то уезжал на фронт. Вот такая в памяти осталась картина.

Я обратил внимание, что во всех деревнях, которые мы проезжали, в нескольких местах были расклеены плакаты о начале войны. Как это удалось так оперативно сделать? Какие типографии работали ночью? Тогда ведь людей не щадили, когда надо было, задачи решали любой ценой.

В конце концов мы нашли Пальчиково. В пионерский лагерь меня сразу не приняли — не было справки о состоянии здоровья, а к этому тогда относились очень строго. Мы не догадались взять справку, хотя у нас в Бегишеве была амбулатория, никто нас не предупредил. Была ли справка в предыдущем году, когда я уже отдыхал в лагере, не известно. Направили нас опять в Пальчиково, а оттуда — в ближайшую деревню, где была амбулатория. Приехав туда, мы обнаружили на двери большой замок.

Такая деталь: сообщив в лагерь, что справку нам получить не удалось, я уже решил было отправиться домой. Сложил вещи в мешок, который надевался на спину. Обычно в такой мы собирали орехи в лесу. Вышел и побежал по лугу в сторону от школы, где был лагерь. И тут появился какой-то мужчина с винтовкой в руках и закричал: «Вернись! Стрелять буду!» Я вернулся, куда деваться. Под винтовку не полезешь. Хотя он никогда бы, конечно, не выстрелил. Много нам пришлось поездить туда-сюда, прежде чем получили справку. Если бы мы вернулись за справкой в Бегишево, я бы уже в лагерь ни ногой.

Б.Х.: Пришлось тебе остаться в пионерском лагере. Что изменилось тогда по сравнению с предыдущим годом?

М.Х.: До войны у нас было два основных занятия — купаться в реке и ходить в лес за ягодами. Около Заинска очень красивые места. Как

говорят, ашау — байдан, үлем — ходайдан⁶. А тут произошла резкая перемена. Нас заставили работать, помогать колхозу. Мне запомнилось, насколько послушный тогда был народ. Законопослушный. И был уже запуган сталинскими репрессиями. Эта послушность проистекала скорее от осознания необходимости. Все это и сейчас у меня перед глазами.

Б.Х.: А Хасана бабая призывали на фронт?

М.Х.: В 1941 году отцу было уже 46 лет. Это не призывной возраст. Но его зимой направили на оборонный завод. Я очень хорошо помню, как мы его провожали, шли с ним до околицы. Вначале его повезли в Елабугу на сборный пункт, там были лучше условия для медицинского обследования призывников и их последующей сортировки. Кого-то сразу отправляли на фронт, а отца официально 10 марта 1942 года призвали в РККА⁷ и послали в Свердловск, на военный завод, где он проработал несколько лет. Там, конечно, жизнь была труднее, чем дома. Первый раз его отпустили на побывку в 1943 году. А окончательно он вернулся уже после победы, совершенно больным человеком, хотя уезжал на завод здоровым мужчиной, обладателем крепкого крестьянского здоровья...

Б.Х.: Какие самые яркие воспоминания о тех годах у тебя сохранились?

М.Х.: Именно тогда я впервые увидел живого писателя. Это был Шариф Камал, классик татарской литературы, один из старейшин. Я в то время помогал односельчанам, занятым на прополке, ездил верхом на коне. Как-то остановился на отдых около деревни Байрак, расположенной прямо в лесу, в очень красивом месте. В ней всегда было семнадцать домов, ни прибавлялось, ни убавлялось. Дети оттуда ходили в школу к нам, в Бегишево.

Мой конь, пока я отдыхал, ускакал домой. Я побежал за ним, это четыре километра. Мальчишке ведь это ничего не стоит. Добежав до нашего села, я увидел, что конь мой стоит у ограды. Взяв под уздцы, решил напоить его и зашел во двор нашего дальнего родственника — дяди Сахиуллы, который жил напротив. У них был колодец с ведром на цепи. Уже подняв ведро наверх, я нечаянно выпустил рычаг, не удержал, и ведро с грохотом полетело обратно. У нас ведь огороженные колодцы были, можно ведро поставить, а у дяди Сахиуллы — без ограждения.

Тут из дома вышел человек. Это, как я позже узнал, был Шариф Камал. Он достал мне воды, объяснил, что надо крепко держать рычаг, не отпуская. О нем рассказывали, что он вставал посреди ночи, если к нему приходило вдохновение, и начинал писать. Потом они уехали.

⁶ Харчи хозяйские, а смерть от Бога (перевод с татарского языка).

⁷ Рабоче-крестьянская Красная армия.

Б.Х.: А как Шариф Камал оказался в Бегишеве?

М.Х.: Сначала его удостоивают высшей награды страны — ордена Ленина — за выдающиеся заслуги в развитии татарской литературы. А позднее исключают из партии с формулировкой «за связь с врагами народа». Основными доводами были его дружба с Каримом Тинчуриным⁸, выступления в защиту Кави Наджми⁹ и Шамиля Усманова¹⁰. Видимо, в период, когда положение его совсем осложнилось, он на некоторое время решил спрятаться в Бегишеве у знакомых или родственников. Он умер в конце 1942 года в Казани на 59-м году жизни.

Вот я еще помню, у нас в Бегишеве был коммунист, Хәркәй Галиулласы его звали. Он надевал свою фуражку, в которой специально сверху сделал дырку «для вентиляции», задом наперед. Когда началась война, ходил и говорил, что через дырку уже слышно, как немецкие бомбы взрываются, и до нас недалеко осталось. Очень оригинальный человек был.

Б.Х.: Опасные разговоры по тем временам...

М.Х.: Я не знаю, понимал ли он что-то про фашизм, но уже осенью особым совещанием НКВД был осужден на пять лет лагерей за пораженческую и профашистскую агитацию.

Б.Х.: Исправно работала карательная система даже в первые месяцы войны.

М.Х.: Держать свой язык надо было за зубами. Этот случай, пожалуй, стал моим первым опытом, который я усвоил в жизни. Он запомнился мне очень хорошо, и вывод из него я сделал однозначный.

Б.Х.: Были ли в военные годы в Бегишеве эвакуированные с оккупированных территорий?

М.Х.: Некоторые из эвакуированных преподавали у нас в школе. Русскому языку нас учила женщина, которая приехала, кажется, из Москвы. Еще одна преподавала химию, была директором. Они с мужем окончили университет. Мужа отправили на войну, а она осталась. Своих детей, которые были примерно моего возраста, они отдали учиться в Заинскую школу, понимая, что в Бегишеве невозможно овладеть русским языком. Были уверены, что без знания русского языка дети не смогут поступить в университет.

⁸ Карим Тинчурин (1887–1938) — татарский писатель, актер, драматург и прозаик, один из основоположников профессионального татарского театра и драматургии. Необоснованно репрессирован, расстрелян в 1938 г.

⁹ Кави Наджми (1901–1957) — татарский советский писатель, педагог, поэт и переводчик. Репрессирован как «националист».

¹⁰ Шамиль Усманов (1898–1937) — татарский советский писатель, драматург и политический деятель. Необоснованно репрессирован в 1937 г.

3. Учеба в библиотечном техникуме и первая работа

Б.Х.: После восьмого класса ты поступил учиться в Елабужский библиотечный техникум. Почему выбор пал именно на Елабугу?

М.Х.: В год окончания войны в Бегишеве ликвидировали десятилетнюю школу. Это решение имело колоссальные отрицательные последствия. Ее не надо было закрывать. Вообще, это очень серьезный вопрос. Много лет спустя, когда я уже работал в Совете Министров, мы наоборот начали преобразовывать школы в десятилетки. Из деревень, в которых были восьмилетние школы, узнав о моей позиции по этому вопросу, стали приезжать ко мне с просьбами. Я всем давал разрешение, подписывал распоряжения Совета Министров о создании на базе восьмилетних школ средних. А в некоторые районы даже сам ездил и говорил, что есть такая возможность. Ну хорошо, у нас так было, по моей инициативе. А в других регионах кто этим занимался?

Б.Х.: Об этом и не думали, наверное.

М.Х.: Не думали, да. А я сколько в то время школ вот так преобразовал! Если в школе обучалось хотя бы восемьдесят детей, по восемь человек на класс, или даже семьдесят, я предлагал создать среднюю школу. На это никогда не жалел ни энергии, ни сил. Я иногда даже не спрашивал, достаточно ли детей, откуда возьмете. Обеспечение же учителями — это уже не их проблема, такое задание давалось районным отделам образования и Министерству просвещения.

Б.Х.: Если бы в Бегишеве не ликвидировали среднюю школу, ты бы в Елабугу не поехал?

М.Х.: Конечно, нет. Зачем? Окончил бы среднюю школу в деревне. И у меня была мечта поступить в Московский университет. Не знаю, удалось бы мне ее воплотить в жизнь или нет, но мечта была. Почему не в Казанский, я не знаю.

Я и мои одноклассники из Бегишевской школы приехали в Елабугу поступать в педучилище целой группой — 34 человека. На вступительном экзамене я один получил положительную оценку — кажется, четверку. Все остальные написали на двойки. Мне неловко было. В Елабужское

педучилище я поступил один, а моих одноклассников «хором провалили». Потерпевшие неудачу пошли учиться в библиотечный техникум.

Мне в педучилище отвели комнату, в которой и кровати-то не было. Принесли нечто вроде кушетки, устроили мне постель. Той ночью я почувствовал себя очень одиноким. Утром встал, и так мне стало тоскливо. Собрался и отправился к своим товарищам в библиотечный техникум.

Б.Х.: Потом твой одноклассник Юлдуз Курмашев написал в своих воспоминаниях: «Как зайдешь, невысокий черноволосый паренек сидит перед печкой и варит себе кашу. Кто мог подумать, что это будущий президент Академии наук».

М.Х.: Оба учебных заведения находились на одной улице, в противоположных ее концах. Сейчас часто говорят об осознанном выборе профессии. Какой уж тогда был осознанный выбор?! Мои одноклассники в тот день сыграли очень важную роль в моем решении, уж не знаю, отрицательную или положительную... Мне тогда еще и пятнадцати не было.

Б.Х.: Ты приехал в Елабугу, окончив татарскую школу, наверное, совершенно не знал русского языка.

М.Х.: До Елабуги я практически не говорил на русском языке. У нас в библиотечном техникуме был хороший русскоязычный педагогический коллектив и очень приличная библиотека. Шахматный кружок вел преподаватель библиографии Константин Борисович Чижик. Именно там я научился играть в шахматы, даже как-то преуспел на городских соревнованиях, что было отмечено в городской газете «Сталинский путь». Преподаватель математики и завуч Хасан Яруллович Яруллин выходил к доске и записывал задачи. Спрашивал одного, другого. Никто решить не может. Потом вызывал: «Хасанов!» Он называл меня будущим профессором математики. Вот судьба какая.

Б.Х.: Ты говорил, что первые послевоенные годы были самыми тяжелыми. Учащиеся техникума находились на государственном обеспечении или вам нужно было самостоятельно добывать себе пропитание во время учебы?

М.Х.: В техникуме у нас были довольно тяжелые материальные и бытовые условия. Правда, нам предоставляли трехразовое питание, как рабочим, и выдавали некоторые промтовары. Но питание было скудное. Подспорьем являлось свое подсобное хозяйство, где мы работали. Хорошо помню посевы гороха, картофель выращивали, кажется, было что-то из овощей.

Б.Х.: Ты был отличником, значит, получал стипендию?

М.Х.: Стипендия составляла около ста рублей. Это были очень

небольшие деньги до денежной реформы 1947 года и отмены карточной системы. А вот начиная с 1948 года стало существенно лучше.

Б.Х.: Твой брат Фатих рассказывал, что во время учебы в университете ему вдруг из Елабуги пришел денежный перевод. Через некоторое время снова. Оказывается, в выходные ты ездил в деревню, привозил себе муку, картошку и другие продукты, а свою стипендию посылал брату... Ну, раз от дома недалеко было, видимо, на еду хватало...

М.Х.: В год, когда Фатих оканчивал десятый класс, у нас в Бегишево закрыли школу. Он уехал в Казань, а я, окончив восьмой, — в Елабугу. Так и продолжили учебу. От Елабуги до Бегишева всего 30 километров. Но к этому времени у отца родилось еще трое детей — братья Габдулла и Ульфат и сестра Финиса. После его возвращения с военного завода родилась еще одна сестренка — Замиля. Так что у нас дома продуктов не было, чтобы брать с собой. А у некоторых моих одноклассников были... В нашем классе учился парень из Иштиряка, Сахи его звали, так он вот такие большие буханки хлеба привозил. Настоящий хлеб. А больше я не видел, чтобы у кого-то с собой хлеб был. Еще ближе к лету, весной, как уже говорил, выкапывали оставшуюся в земле картошку. Она там хорошо сохранялась.

Б.Х.: Почему ее осенью не убирали полностью? Некому было?

М.Х.: На это были две причины. На некоторых участках картошка вообще оставалась необранной. Да и после выкапывания оставалась. Весной особо проверяли. Больше есть было нечего. Положение даже хуже, чем в военное время. В годы войны еще как-то терпимо было с питанием, а вот послевоенные годы — особо тяжелые.

Часть стипендии я действительно посылал брату в Казань. Мне казалось, что в большом городе жить без реальных денег намного сложнее, чем в Елабуге. Ну и все-таки в техникуме нас три раза в сутки кормили. Позже, уже будучи студентом университета, я ежемесячно отправлял треть своей сталинской стипендии отцу. Это было порядка 200 рублей, существенные деньги для села.

Б.Х.: Раз было недалеко, наверное, ты часто ездил из Елабуги домой, в Бегишево?

М.Х.: Чтобы поехать в Бегишево, нужно было отпроситься у завуча техникума — Хасана Ярулловича. Друзья меня умоляли: «Мансур, зайди, спроси разрешение». Потому что, когда я заходил о чем-либо попросить, он мне никогда не отказывал. А уж если без меня пробовали отпрашиваться, всегда находил повод отказать — опоздаете, не успеете или что-нибудь еще в этом роде. Ко мне он был очень расположен и всегда по-доброму относился. Последний раз я его видел, когда он заходил ко мне с какой-то

просьбой, я уже работал в Совмине. Принимал и его сына по какому-то вопросу, помощь тогда оказал. Знаю, что довольно скоро он умер.

Б.Х.: Как ты оцениваешь уровень и качество образования, которое давалось в библиотечном техникуме в первые послевоенные годы?

М.Х.: Вообще, с точки зрения образования, знаний, дальнейшего роста библиотечный техникум оказался даже более предпочтительным вариантом, чем педучилище. Поскольку училище давало подготовку, сугубо ориентированную на работу в начальных классах школы, с маленькими детьми, акцент делался на методике преподавания. А в техникуме давался более широкий диапазон знаний. Были в техникуме очень образованные, интеллигентные преподаватели, во время войны эвакуированные в Елабугу из Москвы, Ленинграда и других городов, а потом так и оставшиеся здесь жить и работать.

Наверное, можно было и не учиться в библиотечном техникуме. Но так уж получилось. А сейчас у меня возник вопрос: почему я не пошел в военное училище? Думаю, военная сфера деятельности для меня могла быть привлекательной, поскольку мне по душе присущие ей порядок и дисциплина. Чтобы поступить в военное училище, нужно было направление, пройти строгую медицинскую комиссию. Некоторые из направляемых потом возвращались, не пройдя по состоянию здоровья.

Б.Х.: После окончания с отличием библиотечного техникума ты попал в число «пятипроцентников». Что это означало в то время?

М.Х.: Я имел право поступить в профильный вуз без экзаменов. В высших учебных заведениях для таких выпускников выделялось пять процентов мест. Мне дали направление в Московский библиотечный институт, сейчас это историко-архивный институт. А в непрофильные вузы я тоже мог поступить вне конкурса, но должен был сдавать экзамены. Хотя, если строго подойти, в высшее учебное заведение не должны были принимать прежде, чем выпускник техникума отработает два года по специальности. Так предписывал действовавший закон, хотя его все равно нарушали. Честно говоря, меня не устраивал и сам библиотечный институт.

Б.Х.: Так уж вышло, что в Москву ты не поехал. Мечта поступить в Московский университет не осуществилась.

М.Х.: У того обстоятельства, что я не поехал учиться в Московский университет, есть две причины. Первая из них — это то, что льгота по поступлению в вуз, которая у меня была, не распространялась на специальности математического профиля. А вторая — несмотря на то что жизнь стала налаживаться, денег на билет до Москвы, да и на проживание, не было. Не было и продуктов питания, чтобы взять с собой в

Студенты Елабужского библиотечного техникума. В первом ряду (слева направо): Мансур Хасанов, Сагир Зайнуллин, Равиль Низамов. 1947 г.

Студенты Елабужского библиотечного техникума. В первом ряду второй слева – М. Хасанов, третий – Р. Низамов. 1947 г.

С друзьями молодости. В верхнем ряду (слева направо) — Фатих и Мансур. 1949 г.

Выпуск студентов Елабужского библиотечного техникума. В нижнем ряду третий справа — М. Хасанов. 1948 г.

Трудовая книжка М. Хасанова.

06.04.1949. Принят на работу
заведующим избой-читальней при
Поповском с/совете Заинского
района ТАССР.

**ВЫДАН
ВКЛАДЫШ**

Трудовая книжка

Фамилия Хасанов
Имя Мансур
Отчество Хасанович
Год рождения 1930
Образование: начальное, среднее, высшее
(подчеркнуть)
Профессия библиотекарь
Подпись владельца Трудовой книжки

Дата заполнения Трудовой книжки
4. Марта 1950

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, перемещениях по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1	2			3	5	4
1	1949	IV	6	Принят на работу заведующим изб.-читальней с/совета Заинского	заведующим при Поповском с/совете района ТАССР.	приказ №12 по отделу З.И.Р. Заинск. р-на.
2	1950	IX	1	Возвращен с отпуска	заместителем в связи ухода в 1949. р. Мансуров.	приказ по отделу №30 от 27/VIII-50.

дорогу. Но, если бы я мог поступать на математические факультеты, возможно, попытался бы найти денег на дорогу. Хотя не уверен, что мне бы это удалось. Я и сейчас не представляю, где, у кого тогда можно было взять денег даже взаймы.

Б.Х.: Как получилось, что после техникума тебя направили на работу в село Поповка, где ты заведовал избой-читальней?

М.Х.: Когда я был в Казани, зашел в обком комсомола. Мы были шапочно знакомы с секретарем обкома по пропаганде Лутфуллой Гизатдиновым. Потом он длительное время работал генеральным директором ПО «Электрон». Обком комсомола располагался тогда на площади Свободы, на месте современного здания Всемирного конгресса татар, только с выходом на улицу К. Маркса. Гизатдинов мне дал бумагу, в которой было написано: «Направляем к вам для использования в работе выпускника такого-то». Пусть без указания места работы, но я хотя бы не уехал с пустыми руками. С этим направлением я вернулся в деревню и на следующий же день поехал с ним в Заинск. Зашел в райком партии. Они посмотрели мои документы и сказали: «А, мы вам работу найдем». Заинский районный отдел культуры направил меня библиотекарем в небольшое село крещеных татар Поповка.

Б.Х.: Это было совсем недалеко от родного села. Сколько километров от Бегишева?

М.Х.: Десять или пятнадцать километров примерно. Я оттуда еще в Бегишево ходил пешком, через Тонгузино. Спускался с горы, там были очень хорошие тропинки. С собой обычно ничего не брал, шел налегке. А на обратном пути, как поднимаешься на гору, там Поповка. Дорога была очень красивая.

Б.Х.: Чем тебе запомнилось время пребывания в этом селе?

М.Х.: Жил я на частной квартире. Вторые после войны выборы в Верховный Совет СССР мы там проводили. Я очень активный был, работал агитатором. Меня как раз приняли кандидатом в члены партии. Первым секретарем Заинского райкома в те годы был Абдрахман Абляимов, крымский татарин, я его хорошо запомнил. Затем он прислал в Поповку инструктора райкома, и они создали партийно-комсомольскую организацию, не группу даже, организацию. Меня избрали ее секретарем. Я им тогда сказал, что они нарушают устав партии — кандидат в члены не может быть избран секретарем организации. На что мне возразили: это не мое дело, они сами за это отвечают.

Б.Х.: Получается, уже в то время началась твоя работа в партийных органах.

М.Х.: Ну, это еще нельзя назвать полноценной работой в партийных

органах. Хотя у меня с тех пор сложились прекрасные отношения с Заинским райкомом партии. Я возвращался туда как домой. Уже будучи студентом, по их просьбе читал лекции. В первый раз сотрудники райкома обратились ко мне с просьбой прочитать лекцию на августовской учительской конференции. Хотя я и не специалист в области педагогики, дал согласие. Мы договорились, что лекция состоится через неделю. Я обложился материалами, подготовил лекцию. Откуда взял материалы? Подобрал литературу в библиотеке и использовал самые последние публикации из текущей периодики. Прочитал лекцию для большой аудитории учителей, будучи студентом. Это было общественной нагрузкой. А потом с теми, кто участвовал в организации таких мероприятий, у меня всегда оставались очень хорошие взаимоотношения.

И потом, кто бы ни становился первым секретарем Заинского райкома, я к нему уже был вхож. Они меня знали и всегда принимали. Так, например, первым секретарем в Заинске работал Гадый Галеевич Галеев. Он приехал из Бавлов. Был очень хорошим, порядочным человеком. Мы с ним подружились. Помню, как потом встречались с ним в Казани. Я водил своих знакомых в кремлевскую столовую, в которую по лестнице нужно подниматься, куда доступ был ограничен, за башней Сююмбике. Я тогда учился на четвертом курсе, но меня там почему-то знали и в эту столовую пускали, никто мне никогда никаких претензий не предъявлял. Я заходил туда как завсегдатай, до прихода министров, и мы там часто встречались и обедали с Гадием Галеевичем, когда он уже переехал в Казань и стал работать секретарем президиума Верховного Совета. Он меня обязательно во время обеда представлял своим знакомым министрам и другим руководителям.

Б.Х.: Давай вернемся к периоду работы в Поповке, где в основном жили крещенные татары. Все-таки ты попал в инокультурную среду, хотя уже и в Елабуге успел в нее окунуться.

М.Х.: Это была оригинальная, интересная деревня. Что мне запомнилось — там было 17 единоличников, не вступивших в колхоз. Я такого и представить себе не мог. Перечитал практически все книги сельской и районной библиотеки. Здесь, в общении с людьми, исповедующими другую религию, как и в годы учебы в Елабуге с разноплеменным студенчеством, у меня стал формироваться и расширяться жизненный кругозор. Я думаю, именно здесь и отложилось в сознании уважительное отношение к истории и культуре разных народов. Я начал понимать, что мир многогранен, человек может достичь многого только в гармонии с окружением. Когда я уезжал из Поповки, уже знал наизусть даты всех их религиозных праздников. В деревне отмечались не только престольные,

но и, что интересно, свои местные праздники. Празднование Покрова дня представляло собой форму поочередного гостевания (рәт ашы). Все неделю едят, пьют то у одного, то у другого в гостях. А какие у них вкусные пельмени бывали! Как сейчас помню: такие мягкие и вкус у мяса особый. Во время подобных застолий пели песни. Но тем не менее я не знал таких, кто очень сильно бы выпивал.

Б.Х.: И все же, работая в Поповке, ты же не мог не думать о своем дальнейшем образовании...

М.Х.: Летом 1950 года меня избрали делегатом на республиканскую комсомольскую конференцию в Казани. Она проходила в клубе имени Менжинского, на улице Карла Маркса. По времени это совпало со вступительной кампанией в вузах. Между делом я подал документы в Казанский университет, на заочное отделение по специальности «история» и начал сдавать вступительные экзамены. Сдал я их хорошо. Должен был уже выйти приказ ректора о моем зачислении.

Б.Х.: Раз ты подал документы на заочное отделение, значит, не собирался оставлять работу в Поповке и уезжать оттуда?

М.Х.: Да, я думал, съезжу на конференцию, сдам экзамены на заочное отделение, вернусь и буду работать дальше. А все повернулось иначе. Мне предложили перевестись на очное, и я не отказался. Я бы не сказал, что все произошло случайно, но и осознанным выбором это тоже назвать нельзя. Обстоятельства так сложились. Какой там осознанный выбор?!

У меня немало было таких полуосознанных решений. Например, если бы кого-то другого родители привели за руку в педучилище в Елабуге, он бы оттуда не ушел, ведь поступление в педучилище само по себе событие. С другой стороны, в том, что я не стал держаться за педучилище, был и положительный момент. Ну и что, окончил бы педучилище, потом направили бы в школу преподавать в начальных классах. Что бы мне это дало? Может, это затормозило бы прохождение этапов становления личности и расширения профессионального кругозора. Эти периоды в жизни, конечно, быстрее надо проходить, быстрее. Наверное, поэтому после библиотечного техникума я и не поехал в Москву в библиотечный институт. Нужно было что-то новое, библиотечное дело стало уже пройденным этапом.

Вообще, мне так повезло в жизни: где бы я ни оказывался, с людьми, которые встречались на моем пути, очень быстро находил общий язык. Я и сам этому удивляюсь. И в дальнейшем, на протяжении всей жизни отношения с людьми складывались так же. В таких случаях говорят: мне везло на людей.

ГЛАВА 2

КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ: учеба и работа

1. Мои университеты

Б.Х.: Что значил для тебя, человека, который родился и работал в сельской местности, приезд на учебу в Казань, Казанский университет?

М.Х.: Это моя судьба, это моя жизнь. Что значат для человека юные студенческие годы? Это, по сути, новый мир. Он вступает в совершенно новый этап своей жизни. Открываются новые горизонты для личного развития. Входишь в новый коллектив, приобретаешь новых товарищей среди таких же молодых людей, как и сам. О встречах с преподавателями, профессорами и о дальнейшем сотрудничестве с ними можно и нужно говорить только с трепетом...

Б.Х.: А почему ты пошел именно на филологический факультет университета?

М.Х.: На исторический. Он даже не исторический, исторического как такового не было, а историко-филологический, но на отделение истории подавал. Это тоже относительно случайно. Если бы это был осознанный выбор, я думаю, верх взяла бы математика.

Летом 1950 года, как я рассказывал, уже должен был выйти приказ ректора о моем зачислении на заочное отделение. В те годы с каждым поступившим студентом-очником персонально беседовали ректор или проректор. А с заочниками такого собеседования не было. И вдруг меня приглашает к себе проректор по научной работе, известный астроном, профессор Дюков Иван Александрович. Иду к нему и думаю: «Неужели меня с такими хорошими оценками не пропускают?» Захожу

в кабинет. Проректор принимает меня приветливо. Рядом с ним сидят две женщины. Сначала я не обратил на них внимания. Как оказалось, изучая документы абитуриентов, они увидели, что я кандидат в члены партии. Правда, в документах не было указано, что я уже работал секретарем партийно-комсомольской организации. Я их заинтересовал, и они решили со мной познакомиться и сагитировать меня поступить на очное отделение филологического факультета.

Б.Х.: А чем был вызван интерес к тебе?

М.Х.: Одной из этих женщин была Рабига Авзаловна Хакимова, завкафедрой татарского языка и литературы Казанского университета. Это была очень авторитетная в университете фигура. Рабиге Авзаловне разрешалось все: она могла выбирать из абитуриентов понравившихся ей кандидатов, переводить их на свою кафедру, если они были согласны, комплектовать свой контингент. Она пользовалась большим уважением среди проректоров, да и у ректора тоже. Ректором тогда был Кирилл Прокофьевич Ситников, мне еще удалось с ним поработать где-то около года, когда я был членом парткома университета.

Б.Х.: Чем были обусловлены такие широкие полномочия Хакимовой?

М.Х.: В 1944 году в Казанском университете открывается кафедра татарского языка и литературы. Так началась подготовка татарских филологов, а также учителей татарского языка и литературы. Формирование кафедры велось Рабигой Авзаловной Хакимовой, которой удалось в короткие сроки организовать работу и главное — набор студентов. Р. Хакимова боролась за каждого поступающего. Во время набора абитуриентов обращали внимание не только на уровень их знаний. Главным критерием был творческий потенциал. На татарском отделении открыли литературный кружок и выпускали свою литературную газету «Әдәби сүз». Помощь руководства университета новой кафедре, конечно, была необходима, и она осуществлялась в полной мере. Поэтому кафедра татарского языка и литературы находилась на особом положении, могла приглашать любого абитуриента при условии его согласия — это была практика, складывавшаяся в течение долгого времени. Это не было заслугой только Хакимовой. Очень много сил и энергии отдал становлению нового направления Хатиб Усманов¹¹. Здесь хочется вспомнить ректора М. Т. Нужина и проректоров М. В. Маркова и Ш. Т. Хабибуллина. Многие годы спустя я чувствовал, что для Нужина вопросы развития татарской филологии были среди важнейших задач.

¹¹ Хатиб Усманович Усманов (1908–1992) — татарский советский литературовед, писатель, педагог, доктор филологических наук, профессор кафедры татарской литературы Казанского университета.

Это особое отношение проявилось и позже, когда я, работая замдекана, создал в университете татарский хор. Эта инициатива получила такую мощную поддержку, так доброжелательно была воспринята всеми факультетами. Участие студентов в хоре очень поощрялось, было бы только желание с их стороны. Наверное, здесь сыграли свою роль и мои дружеские отношения с проректорами, которые сложились еще во времена студенчества, в период моей работы в парткоме.

Б.Х.: Наверное, правильно будет сказать, что открытие кафедры, а затем и татарского отделения стало основой для подготовки научных и педагогических кадров и развития татарской филологической науки в целом.

М.Х.: Безусловно, да. Сформировалось целое новое поколение татарской интеллигенции, многие представители которой либо в прошлом эмигрировали за границу, либо были уничтожены в годы репрессий и Второй мировой войны.

Б.Х.: В то же время бытует мнение, что Москва, разрешив открыть татарскую кафедру в университете, пошла на некоторые уступки. Я имею в виду известное постановление ЦК партии 1944 года о мерах по улучшению идеологической работы партийной организации Татарской АССР.

М.Х.: Я не думаю, что здесь существует прямая связь. Сперва Комитетом по делам высшей школы при СНК СССР было принято решение об открытии татарской кафедры, а спустя уже три с половиной месяца вышло постановление ЦК ВКП(б).

Б.Х.: Вернемся к твоему поступлению. Посмотрев документы, тобой заинтересовались...

М.Х.: Мои знания по предмету были не столь важны. Самым главным было то, что я кандидат в партию. Обнаружив кандидата в члены партии, да еще и секретаря партийно-комсомольской организации, они решили его не упускать. Тогда это была большая редкость: студенту вступить в члены партии было крайне сложно. Из ЦК партии на места спускались строгие нормативы по социальному составу при приеме в члены. Такие же квоты были и для преподавательского состава. Как-то Табеев¹², когда он уже был первым секретарем обкома, спросили, как он решал вопрос, когда студентов запрещено было принимать в партию. Он сказал: «А я не считался с таким указанием». Он, конечно, здесь преувеличил.

В итоге Рабига Авзаловна предложила мне перейти на очное отделение филологического факультета. И я, не задумываясь, согласился.

¹² Фикрят Ахмеджанович Табеев (1928–2015) — советский партийный и государственный деятель, в 1960–1979 гг. первый секретарь Татарского обкома КПСС.

Сейчас, размышляя о том, каким образом я выбирал, куда поступить, я прихожу к выводу: не я выбирал — меня выбирали.

С некоторыми трудностями пришлось увольняться из заинского отдела культуры. Зная мой характер, в итоге задерживать не стали. Вот так я в 1950 году стал студентом Казанского университета. Горд был бесконечно. Сначала, как и все студенты, жил в общежитии на улице Красной Позииции. Позже снял угол в квартире сотрудников университета в полуподвале дома во дворе самого КГУ. Такое тогда практиковалось.

Б.Х.: Послевоенные годы для университета были трудными: профессоров было очень мало — всего-то человек пятнадцать-двадцать на всех факультетах.

М.Х.: Но это были такие профессора, на которых можно было молиться. Когда говорят о влиянии того или иного профессора на формирование личности студента, аспиранта, соискателя, обычно имеют в виду прямого учителя по специальности, который тебя приглашает в аспирантуру, который руководит твоей кандидатской диссертацией, даже защитой дипломной работы. В то же время в Казанском университете есть такие «уголки», то есть факультеты, подразделения, казалось бы отдаленные от тебя, от твоей будущей профессии, но и они «работают» на твое мировоззрение, оказывают позитивное влияние. Я это постоянно ощущал на себе, ведь в университет поступил уже сформировавшейся личностью.

После первого курса ушла на пенсию и через год скоропостижно скончалась Р. Хакимова — выдающаяся личность, прекрасный ученый. Она была прямой ученицей знаменитого академика Н. Я. Марра, которого в 1950 году в своем труде «Марксизм и вопросы языкознания» резко критиковал И. В. Сталин. После нее заведующим кафедрой стал знаменитый Усманов Хатиб Усманович — фронтовик, выдающийся литературовед, поэт, прозаик и отличный публицист, доктор филологических наук, профессор. Он блестяще исследовал эволюцию татарского стихосложения. Хатиб Усманович после себя оставил фундаментальные труды по истории средневековой татарской литературы и литературе XX века, теории литературы и татарского стихосложения, а также учебники по татарской литературе для средней школы. Мы с ним были очень дружны до самой его смерти. Ты должен его помнить, мы летом часто приезжали к нему на дачу, правда, тебе тогда было года два-три.

Б.Х.: Я Хатиба абый хорошо помню. У меня сохранились очень хорошие фотографии с ним того периода. Когда ты вспоминаешь учебу в университете, это память о твоих учителях — профессорах и преподавателях, которых нельзя не помянуть добрым словом...

После защиты диссертации. Слева направо: Л. З. Заляй, М. Х. Хасанов, Э. М. Ахунзянов. 1961 г.

На защите дипломных работ. Слева направо: Х. Усманов, Л. Савельева, Я. Агишев, М. Хасанов. 1958 г.

М.Х.: Говоря о своих учителях, я бы хотел вспомнить Агишева Якуба Халиловича, который был замечательным преподавателем по истории татарской литературы XIX века и дооктябрьского периода XX века. Советскую литературу читали другие. Удивительным был человеком преподаватель по устному народному творчеству доктор филологических наук Хамит Ярми. Он с группой студентов постоянно ездил в экспедиции по стране и собирал творчество татар Сибири, Урала, Поволжья и других регионов.

Очень крупным языковедом был Латыф Залаяй, доктор наук, профессор. Он основательно знал историю татарского языка, первым создал диалектологию татарского языка. Его критиковали за учебник татарской литературы, который он написал после войны, обвиняя в неправильной трактовке джадидизма и включении идеологически ошибочных произведений. Серьезной претензией было и то, что он слабо отразил влияние русской литературы на татарскую. Учебник даже обсуждался на заседании бюро обкома. Татарская интеллигенция со страхом руководствовалась этими решениями в течение многих лет.

Б.Х.: Можно ли все эти процессы считать отголосками постановления ЦК ВКП(б) 1944 года?

М.Х.: Конечно, оно имело самое непосредственное отношение. Положения этого постановления на десятилетия перекрыли путь объективному изучению истории татарского народа. Им руководствовались все деятели культуры и идеологи.

Б.Х.: В годы войны в университете преподавали знаменитый историк, академик Евгений Викторович Тарле, автор блестящих книг «Наполеон», «Нашествие Наполеона на Россию», «Крымская война» и других; будущий академик с мировым именем, тогда еще молодой кандидат наук Дмитрий Сергеевич Лихачев; историк, академик Борис Дмитриевич Греков. Этот список можно продолжить. Они, наверное, оставили в университете определенный след?

М.Х.: Наше послевоенное поколение студентов их уже не застало. Но, конечно, их деятельность не могла не сказаться на общей интеллектуальной атмосфере, которая формировалась после их пусть недолгого пребывания здесь в годы войны. И теперь я с благодарностью вспоминаю тех, кто мне привил любовь к философии. Среди них были очень маститые преподаватели. Философию читал Морозов Дмитрий Георгиевич. Это был настоящий, крупный философ. Он глубоко знал предмет по первоисточникам, Гегеля читал в оригинале. Зайдет в аудиторию, посмеиваясь, наденет одну пару очков на другую, скажет что-нибудь на немецком, тут же переведет на русский язык и

смеется: «Вот здесь и плавают студенты». Начинает в хорошем смысле «издеваться» над студентами.

Старался показать, что на немецком языке, в оригинале Гегеля читает. Такое и среди преподавателей очень редко встречалось, что уж говорить про студентов! Они даже по русской филологии произведения не читали...

Б.Х.: Не читали тексты художественных произведений? Студенты?

М.Х.: Да. Потому что действительно требовалось прочитать очень большой объем художественной литературы. Знаешь, когда приближались экзамены, по каждому произведению выходили небольшие брошюры. Вот их читали. Конечно, и я их читал, на всякий случай. Но только ими никогда не ограничивался, всегда читал произведения полностью.

Дмитрий Георгиевич жил в одном из зданий во дворе университета, где анатомический театр. Там же имел гараж. У него был автомобиль «Победа», неслыханная роскошь для того времени. Он его почему-то постоянно чинил. Когда машина была на ходу, приглашал меня по-соседски прокатиться. Я ведь тоже снимал угол во дворе университета. Но я стеснялся садиться в его лимузин.

С большим уважением я вспоминаю Александра Николаевича Вознесенского, блестящего литературоведа, доктора филологических наук, профессора. Он до революции учился в Варшавском университете, получил там ученую степень, а до приезда в Казань пять лет провел в лагерях по политическому доносу. Читал нам историю русской классической литературы и для меня был воплощением подлинного интеллигента, приверженца европейского стиля преподавания.

Деканом историко-филологического факультета в те годы был Абдрахманов Мансур Ибрагимович, можно сказать, человек-легенда. Он был участником Великой Отечественной войны, потерял там ногу. Ходил на протезе. После войны защитил в университете кандидатскую. Потом учился в докторантуре МГУ и стал доктором философии. Абдрахманов написал великолепный учебник по философии на татарском языке. Значительное время Мансур Ибрагимович был в университете проректором по науке, потом работал Председателем Верховного Совета ТАССР.

Доцент Курляндская Галина Борисовна была прекрасным специалистом по золотому веку, то есть по классической литературе XIX века, и крупнейшим в СССР исследователем творчества Ивана Сергеевича Тургенева. Она нам читала глубокие лекции по творчеству этого замечательного русского писателя. Я и сам очень любил произведения Тургенева. А литературу периода до XIX столетия

не очень жаловал. Как-то на одном из текущих экзаменов на четвертом курсе у Курляндской мне достался билет по творчеству Ивана Тургенева. Я, отвечая на вопрос, с восхищением рассказал о мастерстве Тургенева писать «белым стихом» о сложных вещах, о его необыкновенно ярком и самобытном языке. Галина Борисовна, видимо, тот экзамен запомнила. Уже на пятом курсе она обратилась ко мне с предложением: «Мансур! Поступайте ко мне в аспирантуру. Я вам тему дам...»

Я тогда серьезно задумался. До этого разговора мне предложил поступать в аспирантуру заведующий кафедрой Хатиб Усманович Усманов. От его предложения отказываться было уже неудобно. Я остался на его кафедре. Однако связи с Галиной Борисовной Курляндской не терял. Она настолько любила творчество Ивана Тургенева, что вскоре перевелась работать в педагогический институт в городе Орле, на его родине. В 60-х годах защитила докторскую диссертацию по Тургеневу, стала литературоведом мирового уровня. Я многие десятилетия следил за ее творчеством и ее новыми книгами. Вообще, Ивана Тургенева и Льва Толстого я очень любил. Позже, когда начал изучать творчество Галимджана Ибрагимова, все это мне здорово пригодилось, ведь он многое воспринял от этих двух крупных художников слова.

Вообще, в аспирантуру меня приглашали несколько преподавателей. Среди них был Аздуни, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма. По национальности он был армянином. Вспоминается один экзамен, который мы ему сдавали. Мы группой пришли на кафедру, и секретарь посадила нас в комнате. Затем она стала звонить по телефону: «Сурен Тумасович, студенты сидят в аудитории». После некоторой паузы секретарь продолжает: «Хорошо, я раздам им билеты». Проходит время, мы уже все подготовились. Она опять набирает по телефону Аздуни: «Сурен Тумасович, студенты готовы отвечать». Тут он соглашается: «Хорошо, сейчас подойду». Довольно быстро он пришел: Аздуни, как и многие преподаватели, жил во дворе университета. Вот так, бывало, мы сдавали марксистско-ленинскую философию.

Доцент Слободская Екатерина Александровна читала нам лекции по зарубежной литературе. Она была крупным специалистом по английской и французской литературе. Диссертация ее была посвящена творчеству Адама Мицкевича. Слушая ее красивые содержательные лекции, мы забывали о времени. Даже записывать ее лекции для нас было величайшим удовольствием. Книг тогда практически не было. Бумага тоже была в большом дефиците. Вот и записывали мы лекции на газетных листках, на обрывках бумаг. Когда мы учились на пятом курсе, ее перевели работать в Сталинградский педагогический институт.

Б.Х.: Переезды из города в город в те времена были довольно редкими, а среди преподавателей это, видимо, случалось чаще?

М.Х.: Это очень правильный вопрос. Минвуз в Москве в послевоенные годы старался формировать штатный состав преподавателей вузов за счет свежих сил. Не только из числа своих специалистов-выпускников. Это нужно было, во-первых, чтобы избежать застоя в коллективе и привлечь специалистов, прошедших различные научные школы, во-вторых, был кадровый голод, особенно после войны в разрушенных городах. Новые преподавательские кадры привносят новое и в науку, и в педагогическую деятельность. Одновременно через них устанавливается связь со специалистами, принадлежащими к различным школам. Так, в Казанском университете во время эвакуации работали и преподавали блестящие ученые из АН СССР и столичных вузов. К примеру, таким образом в университет в конце 40-х годов на кафедру татарского языка попала Диляра Гарифовна Тумашева, выпускница тюркологического отделения МГУ, имевшая ученую степень кандидата филологических наук. Сразу после войны в Казанский университет из Новосибирска был направлен выдающийся геометр профессор А. П. Норден, который до войны преподавал в МГУ. Кстати, ему в Минвузе предлагали на выбор два университета — харьковский и казанский.

Б.Х.: Такой приток свежих научных сил был приторможен в последующие десятилетия?

М.Х.: Пожалуй, да. Это время сейчас называют периодом застоя. Хотя отдельные истории все же случались. Здесь я хочу вспомнить отъезд выдающегося математика профессора Алексея Зиновьевича Петрова в Киев, где в декабре 1969 года он был избран академиком украинской Академии наук. Я пригласил А. З. Петрова к себе на беседу и понимал, что уговаривать его остаться было бесперспективно. Действительно, потенциал для развития в Киеве у него был больше.

Б.Х.: Что имеется в виду под потенциалом развития? Как ученый он состоялся в Казанском университете и получил всемирное признание.

М.Х.: Действительно так. Большое влияние на него как на геометра оказал Александр Петрович Норден, его роль в становлении Петрова как выдающегося математика и автора фундаментальных работ нельзя недооценивать. Казань все-таки считалась провинциальным городом. Например, избраться в члены Академии наук СССР не работавшему в ее системе ученому было крайне сложно, если не сказать невозможно. А тут Петрова избрали сразу в действительные члены украинской академии, и, скорее всего, он был бы избран вскоре и в большую Академию. В Киеве перед ним открылись большие

Заместитель декана историко-филологического факультета.

Грамоты за студенческие научно-исследовательские работы.

возможности и в плане финансирования научной деятельности, заграничных поездок. Уже через два года Петров получил Ленинскую премию (высшую в то время премию в СССР).

Б.Х.: А какой был механизм отбора кандидатов для научных и творческих поездок за рубеж в те годы?

М.Х.: Последней инстанцией здесь, в Казани, была так называемая комиссия по выездам в обкоме партии. Ее заседание обычно проводил секретарь обкома по идеологии. Причиной для отказа могло быть возражение представителя либо КГБ, либо МВД, которые всегда присутствовали на обсуждении. Очень редко бывали отказы с несерьезными доводами наподобие: «Что-то часто он стал ездить за границу». Я по мере возможности старался этого не допускать. Но не все от меня там зависело. Насколько я сейчас помню, комиссия едва ли не каждый год рассматривала выездные дела Петрова.

Б.Х.: Действительно, академиков и членов-корреспондентов АН СССР в Казани можно было пересчитать по пальцам одной руки.

М.Х.: На рубеже 1960–1970-х годов, если не ошибаюсь, был только один академик — Б. А. Арбузов и два члена-корреспондента — Б. М. Козырев и А. Н. Пудовик. Все они работали в системе Академии наук. Только с третьей попытки в 1976 году членом-корреспондентом был избран профессор университета С. А. Альтшулер. Чтобы избраться в Академию, нужно было иметь своего сильного лоббиста из академиков, которому приходилось учитывать всю сложную предвыборную обстановку и идти зачастую на компромиссы и соглашения, заключать «сделки» обменного характера.

Б.Х.: Что ты имеешь в виду под «сделками»?

М.Х.: Когда разные группы продвигали своих кандидатов, они договаривались не голосовать друг против друга. Значительную часть времени между выборами, а это два года, занимала такая предвыборная кампания, переговоры. Это, конечно, отрицательно сказывалось на научной работе. Семен Александрович же относился к категории настоящих ученых. Как-то после очередных выборов в Академию, получается, это было в 1974 году, я его встретил на улице, и он мне сказал: «Опять не избрали, может, хватит мне уже выдвигаться...»

2. Вступление в члены ВКП(б) и партком

Б.Х.: Ты упомянул, что при поступлении в университет его сотрудники обратили внимание на твой статус кандидата в члены КПСС. Полноценным же членом партии ты стал в студенческие годы и начал активно участвовать в работе вузовской партийной организации...

М.Х.: Меня перевели из кандидатов в члены партии на втором курсе, в сентябре 1951 года, то есть я еще был членом ВКП(б). В КПСС ее переименовали в октябре 1952 года на XIX съезде партии. Процедура проходила в здании Молотовского райкома на улице Пушкина, напротив бокового фасада оперного театра, где сейчас стоит памятник Александру Пушкину. В те годы здание театра только возводилось. Меня и Табеева, который тогда уже учился на пятом курсе, приняли в партию в доме, построенном в XIX веке предпринимателем, совладельцем мыловаренного завода К. К. Крестовниковым. Пожалуй, именно в это время я с Фикрятом Ахмеджановичем близко познакомился.

Б.Х.: Интересно получается: в 1970-е годы райком оттуда съехал, здание передали кафедре иглорефлексотерапии ГИДУВа, которую возглавляла жена Табеева — Дина Мухамедовна. А сейчас в этом здании располагается Институт Татарской энциклопедии¹³, директор которого — М. Х. Хасанов...

М.Х.: Все это говорит только об одном: здание уж больно хорошее. С этого момента началась моя деятельность по партийной линии. Вспоминаю первые партийные собрания. Они проходили в актовом зале университета. Поначалу было непривычно: сидят профессора, доценты и рядом я — студент первого курса, но затем освоился и уже на третьем курсе стал членом парткома, единственный из студентов, один на весь университет; Табеев же одно время был заместителем секретаря парткома. Мне иногда приходилось сидеть рядом с легендарным ученым, «первым советским профессором» КГУ Ливановым Николаем Александровичем. В первое время, можно сказать, я дрожал от волнения

¹³ Ныне Институт татарской энциклопедии и регионоведения имени М. Хасанова Академии наук Республики Татарстан.

и одновременно гордился, что сижу рядом с таким выдающимся ученым. Николай Александрович членом партии никогда не был. Он пострадал за приверженность к вейсманизму и морганизму. Но он посещал открытые партийные собрания. И в жесткие годы сталинизма профессор Ливанов носил ярлык инакомыслящего.

Когда я уже работал заведующим отделом обкома партии и среди других направлений курировал и вузы, мне пришлось продвигать представление на правительственную награду профессора Н. А. Ливанова. Несколько позже у меня состоялся обстоятельный разговор с Нужиным Михаилом Тихоновичем о необходимости омоложения научных кадров и увеличения числа докторов наук и профессоров в университете. В то время действительно чувствовалось старение ученых вуза. Забавный разговор на эту тему состоялся у меня и с Н. А. Ливановым, которому было уже под девяносто. Николай Александрович говорил: «Безусловно, этим вопросом надо заниматься. Надо омолаживать профессоров. Но со мной вы опоздали, я долгожитель. Я не отношусь к дряхлым профессорам. Меня не приводят под руки. Прихожу сам. Без текста лекции читаю». Умер он в возрасте 98 лет. В историю университета свое имя, можно сказать, вписал золотыми буквами.

Б.Х.: В послевоенные годы атмосфера в университете характеризовалась всеобщим энтузиазмом. Это проявлялось и в идеологии, и в студенческой жизни, и в личностных отношениях.

М.Х.: Причем тогда четко выделялись поколения, среди которых тон задавали студенты — вчерашние фронтовики. Среди них было много коммунистов. В послевоенные годы в университете вся власть: комсомольская, профсоюзная, партийная — была в руках фронтовиков. Они командовали, они решали. Когда что-либо поступало по профсоюзной линии, например одежда, новое военное обмундирование и т.д., это тоже делили они. И все это, конечно, доставалось фронтовикам, они себя очень уверенно чувствовали.

Б.Х.: Если все доставалось фронтовикам, то остальным студентам, наверное, непросто было сводить концы с концами?

М.Х.: Первые два года обучения в университете я тоже тяжело жил. На третьем курсе мне дали молотовскую стипендию, а начиная с четвертого я уже получал сталинскую. Размер молотовской стипендии составлял 580 рублей, а сталинской — 860, что было больше зарплаты ассистента высшего учебного заведения, получавшего 780 рублей. Конечно, таким деньгам каждый студент завидовал. Я тогда из этой стипендии часть отсылал отцу в Бегишево. Материальные условия в послевоенные годы в

деревне были крайне трудными. На старших курсах я никогда экзамены со своей группой не сдавал, закрывал сессию досрочно и уезжал на каникулы. Летом приезжал в деревню на Сабантуй. Тогда он проводился 25 июня. У нас экзамены в самом разгаре, а я отдыхал дней на двадцать или на месяц дольше.

В один из таких приездов домой в Бегишево я познакомился со своей будущей женой, Разией — твоей мамой. Ее отец — Багаутдин Ямалетдинович Мусифуллин — был богатым крестьянином и в 1930 году пострадал в ходе ликвидации кулацких хозяйств. Был осужден, а жена и четверо дочерей подлежали высылке в северные районы. Ему каким-то образом удалось бежать, и, забрав всю семью, он уехал в район Нижнего Тагила, в тайгу, на лесозаготовки. Позже отправил жену с детьми в Пермь — девочкам нужно было учиться. Жили они там под другой фамилией. В Казани Разия оказалась перед самой войной, здесь она училась в медицинском училище, а потом уже и в медицинском институте. После окончания мединститута по распределению Разия приехала работать в наше село. Потом она привезла к себе и маму, и младшую сестру. Здания амбулатории к тому времени еще не было, и она добилась финансирования и занималась строительством.

Б.Х.: Многого я, оказывается, не знал, хотя кое-что, выборочно, мама все же рассказывала. Однако то, что отец был осужден как кулак, она никогда не упоминала.

М.Х.: Возвращаясь к студентам-фронтовикам... На факультете партийную организацию возглавлял Рождественский Борис Порфирьевич. Это был важный пост в послевоенные годы. Но фактическая власть была в руках Макара Никифоровича Дашкевича. Он был яркой личностью. Студент-фронтовик Макар, по существу, руководил партийными делами на факультете, диктовал решения. Макар факультетом правил. Его боялись все, и Табеев его хорошо запомнил. Однажды, уже будучи первым секретарем обкома, Фикрят Ахмеджанович позвонил мне и попросил пригласить Макара на семинар-совещание секретарей райкомов, горкомов партии по идеологии. Я уже тогда работал завотделом. Спрашиваю: «Какого Макара?» Хотя помнил его прекрасно. «Дашкевича, — говорит, — пригласи». Я сразу понял: он хочет показать Макара участникам совещания, вот, мол, какой рукастый, властный секретарь был, когда он учился.

Пригласили мы Макара, в то время работавшего заведующим горно Казани. Он зашел, сел в президиуме на возвышении, где никто не садился. Стоявший за трибуной Табеев представил его аудитории:

«Макар нас лупил» — и многозначительно посмотрел на него. Тот с ответом не задержался: «Было дело, Фикрят Ахмеджанович, было дело. Но сейчас роли поменялись». (*Смеется*). Он хотел сказать, что теперь Табеев лупит нас. Но Табеев так не лупил, как в студенческие годы это делал Макар.

Б.Х.: После окончания университета ты продолжил общаться с Табеевым?

М.Х.: Он уехал в Москву, чтобы учиться в аспирантуре МГУ. Когда вернулся и стал преподавать политэкономии, а я окончил пятый курс и поступил в аспирантуру, мы с ним обычно после закрытия читалки и завершения вечерних занятий прогуливались по улице Чернышевского, называя ее, как ни странно, прежним наименованием — Воскресенская. Доходили до Кремля, шли обратно. И так несколько раз. Успевали за это время обсудить довольно много проблем. После XX съезда, это февраль 1956 года, мы осуждали игнорирование правил коллективного руководства, сталинские преступления. Считали себя шестидесятниками, сторонниками той линии, которую определил XX съезд. Мы были настроены критически по отношению не только к Сталину, но и к некоторым местным партийным чиновникам, обсуждали их, не называя имен. Мы очень резко критиковали все, что нас не устраивало в руководстве, в партийных делах, высказывали свое недовольство. После развенчания Хрущевым¹⁴ Сталина Табеев мне говорил: «Мансур, мы же не несем ответственности за сталинские извращения, репрессии. Мы же шестидесятники. Мы дети двадцатого съезда, хрущевского времени». Мы считали себя в некотором роде в оппозиции. Это ведь всегда присуще молодым. Полное соглашательство здесь, наоборот, противоестественно, это значит, такой человек не способен мыслить, у него нет собственной позиции, своего мнения. А мы были романтиками.

В это же время произошло событие, которое могло поменять все наши планы, — нас едва не послали работать на село. ЦК партии обратился к передовым работникам промышленных предприятий, учебных заведений, научно-исследовательских институтов с предложением возглавить в сельской местности экономически отстающие колхозы. Предполагалось подобрать не менее 30 тысяч добровольцев. Собрали партийное бюро историко-филологического факультета. Вызвали

¹⁴ Никита Сергеевич Хрущев (1894–1971) — советский политический, государственный и партийный деятель. В 1953–1964 гг. первый секретарь ЦК КПСС, в 1958–1964 гг. Председатель Совета Министров СССР.

Тутаева¹⁵, с кафедры истории КПСС, Табеева, меня, остальных я сейчас уже не помню. Нас по одному приглашали и настойчиво рекомендовали влиться в ряды так называемых тридцатитысячников.

Б.Х.: Все это напоминает известное в начале 1930-х годов движение, когда 25 тысяч передовых городских рабочих были направлены руководить созданными колхозами и совхозами.

М.Х.: Тогда это решение нашло отклик среди рабочих. Сейчас ситуация была совершенно другой. Вот как это происходило. Когда я зашел, очень отчетливо помню, возникла дискуссия. Мне Григорий Наумович Вульфсон, Аркадий Семенович Шофман, они были членами бюро, говорят: «Вы очень хорошо знаете село, вы из села, подходящий кандидат». «Чтобы знать, как село живет, как развивается, не обязательно быть выходцем из села. Это каждый преподаватель должен знать. Тем более работающие в университете историки», — ляпнул я в ответ. Вульфсон признался: «А вот я, например, не знаю». «Очень плохо, — говорю, — если не знаете. Вы обязаны знать, вы же читаете студентам курсы лекций». Вот такой диалог. Он тут же пошел на попятный: «Я же в селе не родился, как вы».

Вульфсон с Шофманом в унисон говорили, что они-де не знают жизнь на селе, сами же попались с этой своей фразой и потом, наверное, пожалели. Все-таки Аркадий Семенович — блестящий специалист по Древней Греции и античной Македонии, но Григорий Наумович-то защищал диссертацию по крестьянской реформе 1861 года в Казанской губернии. Тогда я, пожалуй, немного погорячился. Молодой был, да и становиться тридцатитысячником в мои планы не входило.

Б.Х.: Вас направляли работать в сельскую местность. На какую должность вы могли там претендовать?

М.Х.: Направляли на руководящую работу в колхозах. Мы должны были пройти обучение на трехнедельных курсах, затем двухмесячную стажировку в передовых колхозах. Табеева, например, могли поставить председателем колхоза, все-таки он защитил диссертацию на тему «Распределение по труду — экономический закон социализма». Меня, скорее всего, направили бы секретарем парторганизации какого-нибудь колхоза или совхоза. Так что было бы полное выражение единства рабочего класса, советской интеллигенции и колхозного крестьянства.

Б.Х.: Как вас миновала такая участь?

¹⁵ Мунавар Закирович Тутаев (1924–1994) — доктор исторических наук, в 1959–1966 гг. заведующий отделом пропаганды и агитации, секретарь по идеологии Татарского обкома КПСС.

М.Х.: Нас защитил тогда Андрей Порфирьевич Харитонов, заведующий кафедрой политической экономии, имевший очень большой авторитет в университете. До войны Андрей Порфирьевич работал в аппарате обкома ВКП(б), а во время войны был военным прокурором в действующей армии. На кафедре первой заботой А. П. Харитонova было создание коллектива, подготовка кадров политэкономов из смежных специальностей, так как после войны людей с экономическим образованием в университете не было. Андрей Порфирьевич обратил внимание на студентов-историков, пригласил к себе Табеева после окончания им пятого курса и стал его первым научным руководителем. Он был вхож в обком партии, и там, у заведующего организационным отделом Харитонova, своего однофамильца, защитил нас от этой миссии. Я остался в университете, а иначе надо было бы ехать работать на село. Через два года или несколько лет спустя многие вернулись, были и такие, кто подольше работал, некоторые вообще остались на селе. Помню, когда один из них захотел вернуться, райком созвал собрание. Тридцатитысячник на этом собрании говорит: «Я откликнулся на призыв ЦК партии, я пришел и работал у вас, а сейчас прошу меня отпустить, я дальше по состоянию здоровья работать не могу, вы поймите мое положение». Он же еще боится, партийный билет отобрать могут.

Б.Х.: Обвинить в дезертирстве...

М.Х.: Да-да. Выходит тут одна довольно отчаянная женщина и говорит: «Мы и до вас работали, и с вами работали, далеко не продвинулись. Ну, раз так, такое дело, не можете — я предлагаю отпустить». Вот такие бывали истории.

Б.Х.: Ты говорил, что военная карьера могла бы быть для тебя привлекательной. А на службу в действующую армию тебя не призывали?

М.Х.: Нет, этот вопрос даже не стоял. Почему? Когда я работал в Поповке, осенний призыв уже, наверное, был завершен, а весенний еще не наступил. Думаю, вот так.

Б.Х.: А в университете уже была военная кафедра?

М.Х.: Да, была. На военной кафедре я занимал, уже будучи студентом Казанского университета, довольно высокое положение по военной линии — меня назначили парторгом роты, это должность майора. Начальником военной кафедры был генерал Куропатенко¹⁶, упитанный такой. С ним у нас очень хорошие отношения сложились.

¹⁶ Дмитрий Семенович Куропатенко (1902–1977) — военачальник, генерал-майор.

Слева направо:
Н. Юзеев,
М. Хасанов,
А. Ахмадуллин.
1956 г.

Майские праздники.
М. Хасанов,
Л. Савельева,
М. Закиев.
Конец 1950-х гг.

Б.Х.: Ты прошел военную кафедру и затем тебе присвоили офицерское звание?

М.Х.: Да, когда окончил. А уже после университета с военными у нас всегда были положительные взаимоотношения. Тогда мы территориально входили в Приволжский военный округ. Оттуда приезжали раз в два года и привозили приказ о присвоении мне очередного воинского звания. Помню, как они в последний раз приехали, передо мной извинялись, что уже не могут больше повышать меня в звании. Тогда мне привезли приказ министра обороны СССР о присвоении звания подполковника. Это уж, говорят, первый секретарь только генеральскую должность получает, и то на случай войны, а в мирное время даже ему не дают. Сказали, что очень плодотворно трудились, грамоты вручили, очень торжественно... Вот так мы с ними расстались. Я им сказал в шутку, что уж привык было с ними работать... *(Смеется)*.

3. Аспирантура, редактор газеты и замдекана

Б.Х.: В какой-то степени переломным моментом, определенным рубежом в жизни нашей республики стала Декада татарского искусства и литературы в Москве в 1957 году. Что послужило причиной?

М.Х.: Потому что после декады, мне думается, начался новый этап, произошли кадровые изменения, к власти пришли другие люди. И, конечно, изменилась обстановка. Это был июнь 1957 года. Большинство творческих работников, а члены Союза писателей, по-моему, почти все, уехали в Москву на Декаду татарского искусства и литературы. А нас, лекторов и других внештатных помощников, — я тогда никаких должностей в обкоме еще не занимал — как раз перед декадой собрали в обкоме, чтобы направить в районы для пропаганды хрущевского проекта.

В конце мая 1957 года на совещании по сельскому хозяйству Хрущев выдвинул ставший знаменитым лозунг: «Догнать и перегнать Америку!». Речь шла о соревновании с США в производстве мяса и молочных продуктов.

Б.Х.: Это выступление Хрущева стало началом волюнтаристской политики в сельском хозяйстве, так называемого «большого прыжка».

М.Х.: Хрущев выдвинул лозунг о построении коммунизма к 1980 году. По сути, это было авантюризмом, так как отсутствовали предпосылки для его реализации. Он ведь и сам видел, что даже его соратники в это не верили. Стремление Хрущева реализовать эту идею привело к непродуманным административным реформам, что снижало его авторитет в партии и в стране. Здесь можно назвать, например, кукурузную кампанию, мясное дело в Рязани, так называемые молочные рекорды. Быстро стала очевидна несостоятельность его инициатив, и все это в начале 1960-х годов послужило причиной экономического кризиса.

Итак, мы проводили уезжавших вечерним поездом в Москву участников декады и сразу после этого сами выехали в районы. Помню, как я выступал в ту поездку. Аудиторию собирали не только в районных центрах, но и в колхозах и совхозах. Тема была очень горячая,

она затрагивала каждое хозяйство. Мы усердно пропагандировали инициативы Хрущева.

В Москве же участники декады во время прогулки по Красной площади встретили З. И. Муратова, первого секретаря Татарского обкома КПСС. Оказалось, бывшего, потому что он фактически был освобожден от должности. На пленуме обкома партии 6 июня 1957 года, где его снимали, Муратов уже не присутствовал. По-видимому, причиной стало то, что с Хрущевым он не очень ладил.

Б.Х.: Подведем итоги декады... Ее подготовка и проведение вызвали большой духовный и патриотический подъем в республике. Органы власти заметно усилили внимание к вопросам культуры, искусства и литературы.

М.Х.: Есть такая легенда, что как-то Анастас Микоян¹⁷ размышлял вслух о нациях, чему, видимо, были свидетели: «Грузины — это большая, чрезвычайно интересная, оригинальная нация с богатой историей. Армяне — это выдающаяся нация. Татары — это великая нация».

Вот этот человек, крупнейший политик, член Президиума ЦК КПСС, сыграл драматическую роль в судьбе Фахри Насретдинова¹⁸. После завершения Декады татарского искусства и литературы 1957 года в Москве был подготовлен указ о присвоении четверем ее участникам: Жиганову¹⁹, Абжалилову²⁰, Жилиной²¹ и Насретдинову — звания народного артиста СССР. На банкете по итогам декады подняли бокалы за новых народных артистов СССР, в том числе и за Фахри Насретдинова. А потом в вышедшем указе не оказалось его имени — бюрократическим путем это решение отменили. Когда кто-нибудь не присутствует на заседании Президиума ЦК, где принимается решение, он потом подписывает документы протокольно. Анастас Микоян отказался подписать проект решения, мотивировав это тем, что от всех союзных республик по три представителя получили звание народного артиста СССР, а от Татарской автономной республики выдвинуты четыре. При этом декады союзных республик тоже были

¹⁷ Анастас Иванович Микоян (1895–1978) — государственный и партийный деятель СССР.

¹⁸ Фахри Хусаинович Насретдинов (1912–1988) — певец (лирический тенор), солист Татарского театра оперы и балета им. М. Джалиля.

¹⁹ Назиб Гаязович Жиганов (1911–1988) — советский татарский композитор, педагог, общественный деятель, народный артист СССР.

²⁰ Халил Галеевич Абжалилов (1896–1963) — советский татарский актер, театральный режиссер, народный артист СССР.

²¹ Елена Ефимовна Жилина (1890–1963) — советская актриса театра, народная артистка СССР.

не хуже, чем татарская. Тогда очень строго ранжировали союзные и автономные республики. Хотя среди союзных были и такие, пять представителей которых получили звание народного артиста СССР, это, например, Армянская, Азербайджанская, Узбекская, Грузинская ССР. Батыев²² утешал Насретдинова: не волнуйтесь, потом дадим вам народного артиста. Но это звание Фахри Хусаинович так и не получил.

Б.Х.: К. Ф. Фасеев²³ вспоминал позже, что причиной этому было отсутствие у Насретдинова на тот момент звания народного артиста РСФСР, а это было обязательным условием при выдвижении.

М.Х.: Это могло послужить формальным поводом для отказа. Основным же была строгая иерархия в административном устройстве страны. По итогам декады в Москве деятели культуры автономной республики, даже если это Татария, а может, и потому, что это именно татары, не могли получить больше квот на звания, чем союзные республики. Примерно в те же годы по три представителя союзных республик: Молдавии, Киргизии, Эстонии, Таджикистана — по итогам своих декад были удостоены звания народного артиста СССР. Так что мы были приравнены к ним в этом плане. Например, два деятеля культуры Якутской АССР после своей декады искусств в Москве получили звание народного артиста СССР и оба удостоенных не имели необходимого для этого звания народного артиста РСФСР. Так что всегда бывают исключения из правил.

Я вспоминаю другой пример, который относится к 1980 году. Тогда на гала-концерте по итогам Дней литературы и искусства нашей республики в Москве кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС, министру культуры СССР П. Н. Демичеву очень понравилось выступление Рената Ибрагимова. Петр Нилович тут же распорядился подготовить документы на присвоение звания народного артиста РСФСР. Ибрагимов в то время еще не был заслуженным артистом, однако это не послужило препятствием. Ренат тогда стал самым молодым народным артистом России среди эстрадных певцов. Позже него это звание получили и Лев Лещенко, и Алла Пугачева. Москвичи очень ревностно отнеслись к этому факту.

²² Салих Гилимханович Батыев (1911–1985) — советский партийный и государственный деятель, в 1960–1983 гг. председатель президиума Верховного Совета ТАССР.

²³ Камиль Фатыхович Фасеев (1919–2005) — советский партийный и государственный деятель, в 1959–1960 гг. председатель президиума Верховного Совета ТАССР.

Без права передачи

БИЛЕТ
№ 1802

в читальный зал
Библиотеки ТАССР
им. И. И. Денина

Фамилия Халеев
Имя Ахмур
Отчество Тиманович
Возрастной кат. К25
Подпись читателя
Подпись библиотечного работника
Паспорт № 194-404-571246
Адрес Сармановский 18/32
г. И 1953 г.

№3 ПРАВИЛ ЧИТАЛЬНОГО ЗАЛА

1) При записи в читальный зал читателю выдается билет.

2) Книги из читального зала на дом не выдаются.

3) Ответственность за сохранность книг лежит на читателе, за которым они числятся, поэтому, получая книги, читатель обязан проверить их.

4) Посетители читального зала должны соблюдать тишину.

За нарушение установленных правил читатель считается виновным и подлежит изъятию из зала.

Халеев А.М.
Дирекция.

[illegible][illegible]

37. Семейное положение и номер свидетельства о браке холостой
номер свидетельства о браке

38. Домашний адрес: Казаки, ул. Лесная д. 10. кв. 2.

В. В. Карпов 1955 г. Домашний телефон 100-00-00
или абонентский номер радиотелефона

Подпись тов. _____ инициалы

и. п. _____
 Секретарь партийного комитета, парторг _____ инициалы

_____ 1955 г.

Телефонный, ф. 42

Б.Х.: Если вернуться к Насретдинову, в дальнейшем республика выдвигала его на присвоение звания народного артиста СССР?

М.Х.: В советское время претендент на это звание должен был выступить в Москве и показать весь свой репертуар перед специальной комиссией. На концерте Насретдинов, не согласовав с нами, пел исключительно татарский репертуар. Ему как оперному певцу так поступать было нельзя. Члены комиссии приняли решение отказать.

Когда я работал в Совете Министров, он пришел пригласить меня на свой 70-летний юбилей. К сожалению, у меня на тот день была запланирована важная поездка. В подтверждение я даже предложил ему показать билет, который уже был у меня в кармане. Он заверил, что и так мне верит. А потом вдруг обронил: «Ой, не везет мне». И слезы навернулись на его глаза.

Он, возможно, тоже воспринимал меня как жесткого чиновника, хотя я себя таким не считал. Бывало, приходилось и отказывать людям, не все я мог и не все от меня зависело. Иногда посетители уходя хлопали дверью, но я на них никогда не обижался. Некоторые на другой же день звонили или приходили, чтобы извиниться за это.

Б.Х.: Изменения в руководстве республики — уход Муратова и приход Семена Денисовича Игнатьева — стали знаковым событием, важным проявлением начала нового этапа?

М.Х.: Игнатьев был сильной личностью, очень талантливым человеком с большим опытом и практикой партийно-государственной работы. Он приехал к нам из столицы Башкирии — Уфы, где дважды, с перерывами, работал первым секретарем Башкирского обкома.

Я бы охарактеризовал Игнатьева как очень опытного руководителя. В его послужном списке, в частности, имелась высокая должность начальника главного управления руководящих партийных кадров ЦК ВКП(б), основной задачей которого был подбор кандидатур на должности первых секретарей ЦК союзных республик, обкомов, всех союзных министров. В последние годы жизни Сталина он был министром госбезопасности и членом президиума ЦК партии.

Б.Х.: Чем запомнился тебе период работы Игнатьева в Казани?

М.Х.: Игнатьев первым делом начал заниматься подбором кадров. Есть одно выражение, принадлежащее Табееву: Игнатьев хотел стать «отцом татарской нации». Он от души желал сделать хорошее, оставить большой след в Татарстане. Причин этому несколько.

Во-первых, он имел большой опыт работы в национальных республиках. До войны Игнатьев трудился в Средней Азии, затем первым секретарем обкома в Бурятии, Башкирии, и вот назначение в

Татарстан. И он разбирался в национальных проблемах. А во-вторых, он сам признавался, что в Казань приехал ненадолго, видимо, планировал быстрее вернуться в Москву на достаточно высокую должность.

Я полагаю, психологически ему надо было реабилитироваться. Он же был отослан из Москвы. С учетом того, что там поменялась власть, пришел Хрущев. Никита Сергеевич его недолго любил за прежние грехи, за дела при Сталине, в том числе за известное «дело врачей», когда пострадали очень крупные и именитые медицинские работники, занимавшиеся организацией здравоохранения, лечением руководящих кадров, руководства Кремля. Хрущев не давал Игнатьеву, бывшему министру госбезопасности, ход за эти действительно имевшиеся грехи.

Б.Х.: Что послужило непосредственной причиной его перевода из Башкортостана в Татарию?

М.Х.: Этого я не знаю. При Хрущеве ведь не всегда перетасовки руководящего состава были обоснованными. Он и за то, что плохо внедряется кукуруза, мог наказать. Настолько увлеченно занимался насаждением этой культуры. Ну и сам тоже пострадал за такие методы работы.

При таких отношениях с Хрущевым возврат в Москву для Игнатьева пока был невозможен, хотя он очень туда стремился, особенно после развенчания культа личности Сталина на XX съезде. К тому же у него все-таки там оставались друзья, одним из которых был секретарь ЦК, член президиума ЦК Аверкий Борисович Аристов, на его помощь Игнатьев возлагал большие надежды. Как рассказывали близко знающие эту обстановку работники обкома, он звонил Аверкию Борисовичу и сетовал: «Аверкий, Аверкий... Хоть бы приехал, хоть бы приехал, «чайку» попить не с кем». Он называл его по-свойски только по имени. А ведь если бы Игнатьев только свистнул, прибежали бы десятки руководящих работников. Но он с ними не хотел, и дело было не в них, ему нужны были люди своего круга.

Б.Х.: В какой роли Игнатьев хотел вернуться в Москву?

М.Х.: Конечно, уже не членом Президиума ЦК, об этом он вряд ли мечтал, на это надеяться было трудно. Он рассчитывал вернуться хотя бы председателем Президиума Верховного Совета РСФСР. Это очень теплое место, не беспокойное. Ответственность небольшая: сиди принимай тех, кто идет к тебе на прием, а если никого нет — можешь отдыхать. На большее Игнатьев, по-видимому, реально даже не рассчитывал. В худшем случае он мог вернуться послом в какую-нибудь европейскую страну.

Б.Х.: Так Аристов смог ему помочь?

М.Х.: Нет, потому что Аристов сам пострадал. Это произошло в связи с так называемым «рязанским делом». Рязанская область отработала, что выполнила три плана по заготовке мяса. А оказалось, для этого был забит весь приплод скота за 1959 год, а также большая часть молочного стада и производителей. Плюс они в соседних областях закупали готовое мясо. План их оказался дутым. Тогда на волне разоблачений застрелился первый секретарь Рязанского обкома партии.

Б.Х.: А в Татарстане таких «рекордов» не ставили?

М.Х.: В Татарии тоже занимались сверхплановой заготовкой мяса. Два плана по сдаче мяса Татарстан выполнял. Но из татарстанских руководителей все-таки, по-моему, никто не пострадал.

Рязанское же дело получило широкую огласку. Собрал Хрущев Президиум ЦК и спросил, кто должен нести ответственность за случившееся. Все молчали. И тут Хрущев сказал, что тогда, видимо, он сам должен нести ответственность. После этого Аристов, зам Хрущева в Бюро ЦК по РСФСР, решил взять вину на себя, надеясь, что серьезного наказания ему не будет. Но это дело получило такой резонанс, что Хрущев вывел Аристова из состава Президиума ЦК и направил послом в Польшу. Многие факты, касающиеся семьи Аристовых, мне рассказывал Анатолий Александрович Кирсанов²⁴. Он никогда не любил что-то приукрасить, прибавить ради красного словца. Мог о чем-то забыть, но не приписать себе.

Б.Х.: Он, кажется, работал в институте профтехпедагогике у Махмутова²⁵?

М.Х.: Да, и там тоже трудился. Он был вхож в эту семью. Жена Аристова писала в Казани кандидатскую диссертацию по педагогике и постоянно жила здесь в тот период. На базе школы № 1 на Булаке работала лаборатория одного из институтов АПН СССР. В то время Кирсанов был директором этой школы и помогал ей в работе над диссертацией. Ему приходилось часто бывать дома у Аристовых в Москве.

Б.Х.: Можно ли Игнатьева считать крупной фигурой среди татарстанских руководителей? Что он конкретно сделал для татарской культуры? Он ведь пострадал именно за то, что слишком энергично пытался поддержать татарский язык...

М.Х.: Игнатьев поднял вопрос о неудовлетворительном положении татарского языка в республике и организовал печально известный

²⁴ Анатолий Александрович Кирсанов (1923–2010) — советский и российский ученый-педагог, академик РАО.

²⁵ Мирза Исмаилович Махмутов (1926–2008) — советский и российский педагог-теоретик, востоковед, доктор педагогических наук, профессор.

М. Хасанов, Л. Савельева, Р. Нафигов, С. Юльметова. Середина 1950-х гг.

пленум, на котором очень серьезно и в достаточно резких выражениях критиковалось недостаточное использование татарского языка в различных сферах: в системе образования, науке, учреждениях культуры, сфере делопроизводства. Решения пленума включали широкий комплекс мер по всем этим направлениям, в том числе повышение качества подготовки преподавателей татарского языка и литературы.

Б.Х.: Почему раньше эту тему никто не поднимал и инициатором проведения пленума по этому вопросу стал именно Игнатьев?

М.Х.: Муратов, как и все другие руководители-татары, конечно, боялся обвинений в национализме. У многих в памяти еще были свежи воспоминания об известном постановлении августа 1944 года. А русскому по национальности руководителю поднимать эти вопросы в Москве было намного легче. К тому же политический вес Игнатьева, которым в свое время были выдвинуты на руководящую работу немало влиятельных людей в аппарате ЦК КПСС и Совмина СССР, давал ему большую уверенность в решении национального вопроса. Ему удавалось не только резко улучшить снабжение республики продуктами и товарами народного потребления, но и уменьшить объем обязательных поставок зерна в Москву.

Он также стоял у истоков нефтехимической отрасли в республике. На строительство нефтехимического завода претендовали многие регионы, но Игнатьев через Аристова добился его строительства в Казани.

Именно на волне подготовки к пленуму была учреждена Государственная премия имени Габдуллы Тукая. При Игнатьеве же открыт памятник Тукаю.

Но реализовать решения пленума было не суждено. Действия Игнатьева в поддержку татарского языка вызвали недовольство. В Татарском обкоме наряду с активными проводниками этой идеи, главным среди которых был Фасеев, имелись и ее противники. Хотя все делалось под контролем и с участием кураторов из ЦК партии, против Игнатьева выдвинули в те времена очень серьезное обвинение в уступках национализму и нарушении принципа интернационализма. Это не могло не повлечь скорую его отставку.

Б.Х.: Многие представители татарской интеллигенции высоко оценивали работу Игнатьева в Казани. На твой взгляд, это справедливо?

М.Х.: Любили его, потому что, как я уже говорил, он хотел быть отцом нации, сделать для татар как можно больше. Поддержать их и татарскую школу, культуру в целом. Пленум по татарскому языку, согласованный с кем нужно в Москве, в ЦК, тоже был проведен из таких побуждений. А потом Хрущевым был взят другой курс... Игнатьев был талантливым,

одаренным, оригинальным человеком. Конечно, он внес большой вклад, независимо от того, что задуманное им не воплотилось в жизнь.

Б.Х.: Говорил ли он сам по-татарски или, возможно, понимал татарскую речь?

М.Х.: Нет, не слышал, чтобы Игнатьев по-татарски разговаривал. А в 1970-е годы он издал книгу собранных им из источников афоризмов разных времен и народов, очень солидную по объему. Значит, он имел к этому вкус, по-особому относился к национальной теме, это доставляло ему удовольствие. Вот какие талантливые люди. После выхода книги его авторитет среди татарской интеллигенции еще более вырос.

Б.Х.: Этот пленум сильно сказался на развитии татарской культуры?

М.Х.: В целом размышляя об этой ситуации, я, с одной стороны, думаю, что было бы лучше, если бы пленум вообще не проводили — его решения ЦК потом отменил. Но в то же время он позволил понять отношение к татарской культуре. Например, Табеев, который тогда пришел работать в обком, формировался в это время как руководитель, в дальнейшем действовал очень осторожно. Он сделал для себя очень серьезный вывод. Я заметил это по нескольким эпизодам, в частности, в 1961–1965 годах премия имени Габдуллы Тукая не присуждалась.

Б.Х.: Сразу после пленума, осенью того же года, тебе предложили должность редактора газеты «Татарстан яшьләре»?

М.Х.: В то время она еще называлась «Яшь сталинчы». В этот раз я выкрутился следующим образом. Это должность номенклатуры ЦК ВЛКСМ, поэтому перед октябрьскими праздниками я поехал в Москву на согласование. В ходе беседы я попросил секретаря ЦК комсомола оставить меня по совместительству в университете, так как не завершил диссертацию. Мне ответили, что это исключено, им нужен я, а не моя диссертация. И вообще, надо полностью себя отдавать работе. В итоге в Москве я не дал согласия уйти из университета, с тем и уехал обратно.

Когда вернулся, начались октябрьские праздники, состоялось торжественное заседание. Помню, перед этим в оперном театре встретились с Табеевым, он уже работал заведующим в обкоме. Услышав о моей поездке в Москву, спросил, почему я не зашел к нему, видимо, у него были на меня свои планы. В дальнейшем он пытался изменить это решение, хотя вопрос был уже согласован. А в обкоме в силу субординации было не принято, чтобы заведующим вмешивался в вопрос, согласованный с секретарем обкома.

Б.Х.: Как-то ты рассказывал о малоизвестной истории, связанной со статьей А. Е. Арбузова в газете «Яшь сталинчы» о композиторе Бородине.

Перед зданием,
где располагались
химический
и историко-
филологический
факультеты
Казанского
университета.
Вторая половина
1950-х гг.

Слева направо: Х. Мухамматов, Р. Нафигов, М. Закиев, М. Хасанов.
Конец 1950-х гг.

Кстати, Бородин был любимым композитором Арбузова, к тому же еще и химиком.

М.Х.: Перед юбилеем Бородина я собрал редколлегию, поставил задачу — пооригинальнее отметить. Но сотрудники боялись обратиться к Арбузову Александру Ерминингельдовичу²⁶, поэтому это сделал я.

Б.Х.: Он хорошо играл на скрипке и даже организовал любительский музыкальный квартет.

М.Х.: Как музыканта его не все знают. Я сам присутствовал на выступлении квартета.

В общем, позвонил ему по рабочему телефону, попал на него самого. Я представился, попросил его к предстоящему юбилею Бородина написать статью с двух позиций — как ученый и как музыкант. Он сразу согласился и попросил неделю. В назначенное время я пришел в здание Казанского филиала АН СССР на улице Лобачевского. Академик ждал меня с отпечатанным на машинке текстом статьи. Его радушие меня поразило, за чашкой чая он расспросил о газете, похвалил, что именно мы, татарские журналисты, догадались дать материал о композиторе, входившем в знаменитое творческое объединение «Могучая кучка». Очень увлекательно он рассуждал о восточных мотивах в творчестве Бородина и говорил, что это должно быть особенно интересно татарскому читателю. Статью мы сразу же опубликовали.

Б.Х.: Я нашел этот выпуск газеты в библиотеке университета. Мне было крайне любопытно.

М.Х.: Ты молодец, что нашел, не поленился. Надо сказать, статья действительно получилась на редкость интересной, она была написана прекрасным русским языком. Мы ее перевели на татарский. Кстати, потом получили немало откликов на публикацию, в те годы люди охотно писали в редакцию. Не знаю, сохранился ли где-либо оригинальный текст Арбузова.

Б.Х.: Ты проработал главным редактором совсем недолго...

М.Х.: Назначали ведь меня вопреки моему мнению. Кстати, было в моей биографии еще одно несостоявшееся назначение — на должность секретаря Казанского горкома.

Б.Х.: Впервые слышу об этом. Получается, ты отказался?

М.Х.: Кто им рекомендовал меня, даже не знаю. Вызывает меня занимавшийся этим вопросом завотделом партийных органов горкома и сообщает, что я рассматриваюсь на должность секретаря Казанского

²⁶ Александр Ерминингельдович Арбузов (1877–1968) — российский и советский химик-органик, академик АН СССР.

горкома. Я сказал, что недавно выписался из больницы, поэтому не очень мобильный. Прямо отказываться было не принято, могли напомнить про партбилет.

Б.Х.: За это могли отобрать партбилет?

М.Х.: Может, из партии и не исключили бы, но на карьере это бы обязательно сказалось. Я тогда оканчивал аспирантуру, даже еще не работал. Меня в этом вопросе поддержал Иван Николаевич Юдин²⁷, который тогда работал в парткоме, где мы с ним и познакомились, в дальнейшем были в очень хороших отношениях. В университет он пришел из горкома, где работал инструктором. Это был очень знающий человек, грамотный, опытный партийный работник. Он защитил докторскую диссертацию, которая получила высокую оценку руководства Министерства высшего образования СССР. После этого его забрали в Москву, в международный отдел ЦК.

Б.Х.: Расскажи подробнее о том, как Табеев попал на работу в обком партии.

М.Х.: В декабре 1957 года на должность завотделом науки, школ и культуры выдвинули заместителя министра культуры Ясыра Шамсутдинова. Но в ходе обсуждения выступили противники этого назначения — небывалый случай, вопрос даже отказались ставить на голосование. Таким образом карьера человека на этом прервалась. Его двигал в то время Батыев.

Это был сигнал о приближающемся кадровом переломе, который вскоре и произошел. На это место стали искать другого человека. Игнатьев поручил предложить пять кандидатур. Единственное условие — наличие ученой степени кандидата наук, докторов в те времена еще не назначали, плюс были обозначены возрастные рамки. Национальность также не оговаривалась, видимо, это было само собой разумеющееся. Кандидатуру Табеева в стенах университета нашел инструктор обкома Иран Исмагилович Ибрагимов.

Б.Х.: И почему Игнатьев выбрал Табеева?

М.Х.: Глаз у Игнатьева в этом отношении очень острый был, голова быстро соображала... Когда принесли дела кандидатов, он сразу сказал: «Вот этого». Остальных, то ли пять, то ли четыре человека было, даже смотреть не стал.

Б.Х.: А если бы кандидатура Шамсутдинова все же прошла?

М.Х.: Тогда неизвестно, как сложилась бы карьера Табеева, потому что другой должности для него не было. В конце декабря Табеева

²⁷ Иван Николаевич Юдин (1922–2006) — доктор исторических наук, профессор.

утверждают на должность заведомо обкома. Вслед за этим назначением в дальнейшем произойдут другие кадровые изменения. Например, благодаря пленуму по татарскому языку Махмутов стал министром образования.

Б.Х.: Игнатъева ты лично не застал, когда пришел работать в обком партии?

М.Х.: Я ведь при нем работал недолго, внештатным инструктором обкома. Такую структуру создали — так называемый институт внештатных инструкторов, по всем отраслям. Меня включили в их состав, восемь или одиннадцать человек нас было, троих я так ни разу и не видел. Нас собирали в зале заседаний, и поначалу мы гадали, в какую дверь войдет Игнатъев...

В то время обком партии находился на улице Большой Красной, сейчас это главное здание консерватории. Я туда пришел заведомо культуры, там был мой кабинет. Но вскоре обком переехал в новое здание на площади Свободы. На том месте раньше была электростанция, а затем в том же здании размещался завод «ПишМаш».

ГЛАВА 3

В ОБЛАСТНОМ КОМИТЕТЕ КПСС

1. Переход на работу в партийные органы

Б.Х.: В момент избрания Табеева первым секретарем ты был внештатным инструктором обкома. Как произошло твое назначение завоотделом обкома?

М.Х.: Я стал завоотделом в 1961 году. Мы: завоотделом обкома Фарук Садыков, первый секретарь горкома Козлов И. И., первый секретарь Приволжского РК Малинкин Н. И. и я — поехали на утверждение в Москву, там, по-моему, как раз очередной съезд партии прошел. Меня утвердили завоотделом, а моих попутчиков по рекомендации Игнатьева всех оставили работать в ЦК.

Б.Х.: Расскажи, как на тебе отразилась хрущевская реорганизация партийного аппарата.

М.Х.: В 1950-х годах в структуре обкома был отдел науки, школ и культуры. В 1958-м из него создали три самостоятельных отдела: школ; культуры; науки и вузов. Кажется, в 1963 году Хрущев вновь объединил все три отдела в один — идеологический, по сельскому хозяйству и по промышленности.

Б.Х.: Тогда и обком Хрущев разделил на два — промышленный и сельскохозяйственный...

М.Х.: В Татарии этого не произошло — просто не успели. А в идеологическом отделе разделение было. Я в этот период являлся заместителем заведующего отделом по промышленности и одновременно заведующим сектором отдела. Вот в таком формате мы работали. К сожалению, назревшие экономические преобразования в стране не произошли, все ограничилось административными реформами. Например, серьезной реформе подверглась Академия наук СССР, и, как результат, у нас был ликвидирован ее Казанский филиал.

В 1964 году, когда Хрущева сняли с должности, вернулись к старой форме. Правда, остались два отдела: науки и учебных заведений, которым заведовал я, и отдел культуры.

Б.Х.: В конце 1980-х годов Горбачев²⁸ в структуре ЦК и обкомов на местах вновь возродил идеологические отделы путем слияния существующих.

М.Х.: Видимо, надо было заниматься экономическими реформами. История повторилась, только в какой форме?

Б.Х.: Ты впервые был избран в Верховный Совет в 1963 году?

М.Х.: Я в то время работал в общем идеологическом отделе заместителем заведующего отделом. Очередные выборы, меня выдвигают кандидатом в депутаты Верховного Совета, хотя я даже не заведующий отделом, да и не все заведующие становятся депутатами. Ездил встречаться с населением, возили нас зимой на хороших лошадях — на машине по дорогам не проедешь. Прекрасные лошади: нас везет одна, еще две сопровождают спереди и сзади.

Б.Х.: Верхом?

М.Х.: Нет, в роскошных санях, утопая в сене. Как это у Такташа?

Маяклы юллардан юлчы бара,

Печән белән күмгән чанасын...

– Кая болай, юлчы, ашыгасың,

Нинди хәбәр алып барасың?

Мое выдвижение произошло по инициативе Табеева, конечно. По должности не положено, но делают... А первые секретари, руководители районов, в которые я ездил на встречи с избирателями, чувствуют, что к чему, понимают. Мой округ был в Мамадышском районе.

Б.Х.: Можешь рассказать об одной из важных проблем, которые ты решал в первые годы своего депутатства?

²⁸ Михаил Сергеевич Горбачев (1931–2022) — советский и российский государственный, политический, партийный и общественный деятель; в 1985–1991 гг. Генеральный секретарь ЦК КПСС, в 1990–1991 гг. Президент СССР.

СВЕДЕНИЯ			О РАБОТЕ		
Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, перемещениях по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
Год	Месяц	Число			
2			3		
1961	05	23	Паттарский Утвержден членом обкома КПСС	Обком КПСС	Решение секретариата ОК КПСС от 20 июля 1961
1961	XI	22	Утвержден заведующим отделом кумышур		Реш. бюро ОК КП от 22 ноября 1961
1963	01	31	Утвержден заместителем заведующего идеологическим отделом по промышленности		Реш. бюро ОК КП от 31 янв. 1963
1964	02	10	Утвержден зам. зав. отделом, зав. сектором науки и школ идеологического отдела		Реш. бюро ОК КП от 27 января 1964
1965	01	13	Утвержден заведующим учебными заведениями		Реш. бюро ОК КП от 28 декабря 1964
1971	05	13	Утвержден зам. заведующего отделом науки и школ идеологического отдела		Решение бюро ОК КПСС от 13 мая 1971 года

Трудовая книжка М. Хасанова.

23.05.1961 утвержден лектором обкома КПСС.

Удостоверение заведующего отделом науки и учебных заведений Татарского обкома КПСС. 1965 г.

Удостоверение депутата Верховного Совета Татарской АССР. 1963 г.

М.Х.: Во второй мой депутатский срок, а в целом я был депутатом Верховного Совета республики шести созывов, меня избрали председателем комиссии Верховного Совета по народному образованию и культуре. Тогда в образовательной сфере стояла очень важная задача, связанная с переходом на всеобщее среднее образование. Она была поставлена еще при Хрущеве, на XXII съезде партии. Решалась задача непросто. Ежегодно нам спускали из Москвы план по приему в девятые классы. В один год, например, две трети выпускников восьмых классов должны были перейти в девятый. У нас было отставание по этому показателю — меньше 60 процентов. А в дальнейшем еще и среди девятиклассников происходил большой отсев, поэтому четверть из них не доходила до десятого класса. Мы ситуацию выправили. А в целом переход ко всеобщему среднему образованию в стране был завершен к середине 1970-х, и в Конституции 1977 года право на его получение было закреплено законодательно.

Б.Х.: Вскоре после твоего назначения завотделом культуры произошел резонансный эпизод: Хрущев подверг резкой критике авангардную выставку в Манеже. Как ты к этому отнесся?

М.Х.: Сдержанно-критически.

Б.Х.: Умеренно, да?

М.Х.: Да-да, умеренно. Возникло недоумение: почему Хрущев на это идет? для чего ему этими делами заниматься, не будучи специалистом хотя бы по одному серьезному направлению в искусстве?.. Не нужно было лезть в это. Даже секретари ЦК по идеологии этим не занимались, они принимали решения в пределах допустимого, но так нецензурно ругаться — это было невозможно. В то же время Хрущев вызывал сочувствие...

Б.Х.: Почему же, ведь он был популярным в народе?

М.Х.: Хрущев был в некотором смысле популярным, хотя, конечно, не для всех, лишь среди той части населения, которая очень сильно пострадала от Сталина. Все-таки Хрущев — автор XX съезда, в этом была его заслуга. Но, знаешь, не хватило у него... Что ни говори, власть портит человека. Для чего ему надо было награждать себя таким количеством орденов и медалей?

Б.Х.: Он ведь был трижды Героем Социалистического Труда и Героем Советского Союза. Последняя звезда Героя Социалистического Труда была присвоена закрытым указом за первый полет человека в космос. И вдобавок на семидесятилетие он стал Героем Советского Союза. Причем все эти звезды он получил в течение десяти лет, после того как стал первым секретарем. Не слишком ли быстро?

В. В. Иванов,
А. И. Данилов,
А. А. Михеева,
М. Х. Хасанов.
Первая половина
1970-х гг.

М. Хасанов (второй слева), М. Абдрахманов (третий слева). 1968 г.

М.Х.: Да, он не смог противостоять этому соблазну.

Б.Х.: Да и Брежнев²⁹ тоже этим страдал: четырежды Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда.

М.Х.: Брежнев вообще рекорд побил.

Б.Х.: А литературное творчество Брежнева, я имею в виду работы «Малая земля», «Возрождение», «Целина», тебе тоже, наверное, приходилось пропагандировать?

М.Х.: Сейчас уже известно, кто за него написал эти книги. Приходилось пропагандировать, я помню. Мы, конечно, тоже проводили специальные конференции по этому поводу. С докладом обязательно должен был выступить первый секретарь обкома. Табеев, например, говорил: «Брежнев, когда еще работал землемером на Урале, он и в нашу республику заезжал со своими замерами». Я слушал-слушал и думаю: что-то не знаю ничего о том, чтобы он приезжал в нашу республику. (Смеется). Видимо, это была табеевская фантазия. У него иногда чувство меры тоже отказывало. Брежнев же не был ни разу у нас в Татарстане официально. Неофициально проездом в аэропорту он бывал: его встречали, когда самолет, видимо, садился на дозаправку.

Б.Х.: А Хрущев как раз перед отставкой совершил свою известную поездку в Татарию.

М.Х.: Хрущева встречали в аэропорту, я помню, как он нам руки пожимал. Потом мы его ждали в Казанском университете. Если бы его не сняли с поста первого секретаря почти сразу после посещения Казани, мне бы, скорее всего, здорово попало. Дело в том, что я отвечал за освещение всех мероприятий с участием Хрущева в средствах массовой информации. О его посещении Казанского университета я знал, а информацию о предыдущих встречах пропустил. Потом мне напомнили, когда он уехал. Если бы начали это дело раскручивать, просто так бы не оставили. А после его отставки уже никто этим не занимался. Потом университетские профессора говорили: «В Казани Ленин начал свою революционную деятельность, а Хрущев завершил».

Б.Х.: Но Хрущев ведь так и не посетил Казанский университет...

М.Х.: За эту встречу отвечал я. В актовом зале университета собрали всех: профессоров, преподавателей, студентов. Двери закрыли: те, кто был внутри, не могли выйти, а оставшиеся снаружи — войти. Только ректор и секретарь парткома челночно перемещались от главного входа к актовому залу в ожидании, что Хрущев вот-вот подъедет. И тут заходит ректор в

²⁹ Леонид Ильич Брежнев (1906–1982) — советский государственный и партийный деятель, в 1964–1966 гг. первый секретарь ЦК КПСС, в 1966–1982 гг. Генеральный секретарь ЦК КПСС.

актовый зал и подавленным голосом говорит: «Можете разойтись, он уже проехал и к нам не зайдет». Это оставило очень плохое впечатление.

Б.Х.: Ты говорил о переходе ко всеобщему среднему образованию, а как обстояло дело с преподаванием татарского языка в школах?

М.Х.: Борьба за сохранение своего языка не прекращалась в короткое время демократических преобразований — в годы хрущевской оттепели и в период оголтелого притеснения национальных школ.

В те годы Москва «жала» на Татарстан потому, что только в нашей республике в средней школе осталось обучение национальному языку по полной программе. За нами шел Башкортостан. Во всех остальных национальных республиках, в частности в Мордовии, Чувашии, Удмуртии, после четвертого класса повсеместно перешли на обучение на русском языке.

В Татарии в самые трудные идеологизированные годы не забывали, что язык — главная опора для сохранения национальной культуры. Русский писатель Александр Шишков еще в XIX веке писал: хочешь погубить народ — истреби его язык.

У меня была одна особая забота — чтобы дети, приехавшие из деревни, сдавали вступительные экзамены в вузы на татарском языке. Официально. То, чего никогда не было, сколько бы ни говорили.

Как-то я зашел к Табееву и по неопытности говорю ему: «Фикрят Ахмеджанович, вот такое дело, надо бы постановление секретариата обкома принять». Постановление секретариата — это такой ходовой документ был, рабочий, руководство к действию для всех органов власти. Положил перед ним проект. Просмотрев его, он, вопреки обыкновению, глубоко задумался. Видимо, сделав выводы из последствий злополучного пленума обкома, проведенного Игнатьевым, он мне говорит: «Мансур, ты очень умные вещи предлагаешь... Давай без бумажки обойдемся, без принятия решений. Они ведь в ЦК на следующий же день читают наши документы. Ты делай, — говорит, — но давай без бумаги. Делай». Он мне полностью дал свободу, но никакой документ не подписывал. А потом я уже привык к такому стилю работы.

Б.Х.: И как ты ввел экзамены на татарском языке?

М.Х.: Пригласил ректоров и сказал им, чтобы ученики, окончившие татарские школы, могли сдавать вступительные экзамены в вузы по каждому предмету на татарском языке. Этого я добился. Говорил, что контроль за этим будет очень сильный и, если выявится, что кто-то не обеспечил такую возможность для абитуриентов-татар, последует наказание. В дальнейшем существенно стал расти процент татарской сельской молодежи среди студентов вузов Казани.

Разия, Мансур, Булат и Айрат Хасановы. 1961 г.

И. Х. Хамидуллин, М. Х. Хасанов, М. И. Махмутов. Конец 1960-х гг.

Б.Х.: Некоторыми это новшество воспринималось в штыки.

М.Х.: Меня пытались и так и сяк переубедить. Были сомневающиеся в том, смогут ли такие студенты учиться. Я категорически отвергал такие аргументы. Если требование по приему в вузы татарских детей железно не проводить, если пустить дело на самотек, то все прекращается, потому что их потом вытесняют. Правда, единичные случаи бывают, когда доброжелатели видят способного ребенка, даже плохо говорящего по-русски. А вот систему такую создать — это не так просто. В те годы для многих выпускников сельских школ открылись двери вузов.

Б.Х.: Это можно сравнить с ЕГЭ, который дал абитуриентам из регионов возможность поступать в ведущие вузы страны. А твоя инициатива позволила татарским школьникам из села получить высшее образование.

М.Х.: Представителей этой волны я застал еще в качестве руководителей многих районов республики.

Б.Х.: В то время все это преподносилось как изменения в социальном составе студентов. Тогда нельзя было откровенно говорить о выравнивании национального состава?

М.Х.: Я это не преподносил в разрезе национального вопроса. ЦК не поощрял выделение какой-либо одной национальности, особенно коренной. А мы это прикрывали тем, что обеспечивали сбалансированный социальный состав, на что ЦК смотрел лояльно. Разговоры о национальном составе могли напугать, от этой темы шарахались. Но человек ко всему привыкает, даже в тех условиях при желании можно было найти выход. А кто не хотел, тот не делал.

Про все эти мои начинания как-то написал Владимир Васильевич Иванов, он после меня некоторое время был заведующим обкома.

Б.Х.: Как он появился в поле зрения?

М.Х.: Володя Иванов после окончания университета почти сразу уехал в Томский университет, где ректором с 1961 года работал А. И. Данилов³⁰. Когда Данилов в 1967-м стал министром просвещения РСФСР, Иванов как-то оказался не у дел и до 1971 года все время находился между Томском, Казанью и Москвой. После моего перехода в Совмин не без участия Данилова Табеев взял его заведующим обкома. Но Иванов не сработался с секретарем обкома по идеологии М. Ф. Валеевым. Поэтому, когда Махмутов решил уйти с поста министра и создать НИИ профтехпедагогики АПН СССР, Иванова назначили министром.

³⁰ Александр Иванович Данилов (1916–1980) — доктор исторических наук, профессор, действительный член АПН СССР, в 1967–1980 гг. министр просвещения РСФСР.

Б.Х.: Но и в министерстве просвещения Иванов долго не проработал.

М.Х.: Было очевидно, что, пока Табеев работал в Казани, Володе беспокоиться было не о чем. А с приходом Р. М. Мусина его сразу же сняли с должности. Тут и Данилов уже ничем помочь не мог — все решалось в ЦК партии.

Мы с Даниловым были хорошими друзьями. Подружились, когда жили на улице Степана Разина, что в районе старого аэропорта. Когда я работал заместителем декана, молодой доктор наук А. И. Данилов приехал в КГУ после окончания докторантуры в Москве и стал заведующим кафедрой.

Б.Х.: Я совсем не помню этот период.

М.Х.: Мы жили в университетском доме. Ты и Айрат были еще совсем маленькими, я выводил вас на прогулку в коляске. И Данилов выходил вместе со мной. У Александра Ивановича своих детей не было. Он нередко катал коляску, а я сидел рядом на скамейке и читал.

Б.Х.: Дружеские личные отношения с крупными московскими чиновниками в системе образования и науки стоили, наверное, многого.

М.Х.: Получая циркуляры от чиновников из Москвы о сокращении программы татарского языка, я убеждал Данилова, он уже тогда был министром просвещения РСФСР: «Сколько часов отвести для изучения национального языка в школах — это прерогатива Татарского обкома КПСС и Совета Министров республики». Ответить российскому министру было нечего. И не возражал, и не запрещал: «Мансур, дорогой! Как ты считаешь верным, так и поступай!..»

Когда он стал министром, приглашал меня стать его заместителем, через некоторое время обещал сделать и первым замом. Я отказался, мотивировав это тем, что и у себя в республике я такой же чиновник.

Б.Х.: Как говорится, где родился там и пригодился.

М.Х.: Пожалуй, да. Данилова очень хорошо знал Суслов³¹, который фактически руководил всей идеологией в стране. Как-то Владимир Васильевич Иванов привел ко мне племянника Суслова, который работал завотделом обкома в Саратове. Я его спросил, общается ли он с дядей. «Да, — говорит, — когда в Москве бываю, меня допускают на дачу к Суслову, там встречаемся, общаемся».

А Иванов был талантливым человеком. Талантливые люди часто бывают однобоко развитыми, поскольку в одном вопросе он глубоко развивается, а в других элементарных вещей может не

³¹ Михаил Андреевич Суслов (1902–1982) — советский партийный и государственный деятель, в 1952–1953 и с 1955 г. член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС.

знать. Удивляться этому не нужно. Когда он был министром, ему все в готовом виде давали. А после ухода из власти все надо делать самому, человек часто оказывается совершенно беспомощным. Когда чиновник не проходит определенные ступени служебной лестницы и сразу становится заведомо обкома, это может иметь негативные последствия.

Б.Х.: Но Иванов и по характеру, в близком общении был довольно сложным человеком. В начале 1980-х гг. он некоторое время работал профессором кафедры всеобщей истории университета у А. С. Шофмана. В те годы он так и не свыкся с тем, что уже не находится у власти. Это многие замечали...

М.Х.: Вообще, если к этому вопросу вернуться, ко всему человек привыкает. Например, с Махмутовым бывали курьезные случаи. Когда я уже работал заведомо науки и учебных заведений обкома, получил анонимку. В ней описывалось, где ранее были опубликованы материалы, включенные Махмутовым в уже распространенный им автореферат его кандидатской диссертации по проблемному обучению. Я поразился. Думаю: как же так, как он мог на такое пойти? Мне стало интересно, скажет мне Махмутов об этом письме или нет. Ничего пока не предпринимаю. Через какое-то время приходит он, в то время министр просвещения, ко мне и говорит: «Вот, с проблемным обучением возникла проблема. Обвиняют в плагиате». Я спросил, как это произошло. Он объяснил, что специально этого не делал, при написании диссертации использовал доклады, в которые изначально были включены чужие материалы.

Ну в доклад какие-то материалы могут попасть, все-таки он является результатом коллективного труда, правда ограниченного круга людей. Но все равно за этим надо следить. За плагиат в докладе никто не может упрекнуть, а вот диссертация — это уже совершенно другое дело. Я ему посоветовал первым делом отозвать автореферат и снять работу с защиты. Он это сделал. Вскоре еще несколько докторов наук выступили в союзных газетах со статьями о его некорректных заимствованиях, ну этому тоже не дали хода.

Б.Х.: И как же он потом защитился?

М.Х.: В 1966 году, перед XXIII съездом КПСС, он пришел ко мне с просьбой помочь ему в оформлении творческого отпуска для завершения диссертации. Начальство как раз уезжало на съезд, это было самое удобное время.

Б.Х.: Каким образом ты мог дать ему отпуск? Не у тебя же он инструктором работал.

М.Х.: Я позвонил Абдраязову³², который был предсовмина, то есть непосредственным начальником Махмутова. Правда, до него там еще был зампред, в то время эту должность занимала Р. Ю. Ярмухаметова, она такие вопросы не решала. Звоню Абдраязову: «Абдулхак Асвьянович, Махмутов просит дать ему творческий отпуск для написания кандидатской диссертации». — «А что, он отпуск не взял, что ли? Вроде у нас все министры взяли». Он не понимает, что такое творческий отпуск. После моего объяснения предложил вернуться к вопросу по окончании съезда. Я ему: «Нет, вас как минимум полмесяца не будет, а то и больше. Пока вы будете там, он хочет это время использовать». Я все-таки убедил его. Он мне задал единственный вопрос: «А Табеев об этом знает?» Я, набравшись смелости, говорю, что Табеев, первый секретарь, в курсе дела. Со съезда Абдраязов уже в этом же статусе не вернулся — его сняли с должности.

Б.Х.: Как это произошло?

М.Х.: Мне об этом рассказывал Батыев. Шел съезд. Вечерами Табеев, Батыев, Абдраязов выходили на прогулку по Красной площади, беседовали, обсуждали. Во время одной из таких прогулок Табеев сказал: «Абдулхак, тебе придется уйти». Всё, у Абдулхака немедленно настроение испортилось. Какое может быть после этого настроение...

Б.Х.: Такие решения согласовывались с Москвой. Тем более что Абдраязов к нам был прислан из столицы.

М.Х.: Даже если бы и не из Москвы, первая тройка руководителей всегда согласовывалась с Москвой, пусть и даже не с генеральным секретарем. У них была своя субординация, определенный уровень согласования. Для руководителей, как правило, их смещение с должности становилось неожиданностью. Они обычно в таких ситуациях немедленно ложились в больницу.

Абдраязов по приезде из Москвы тоже сразу лег в больницу. Я у Махмутова спросил, видел ли он Абдраязова после возвращения. Махмутов был уверен, что тот с делегацией не вернулся. А я видел Абдулхака Асвьяновича на вокзале, когда он встречал делегацию. Чтобы не возвращаться вместе с ней, он прилетел в Казань самолетом. Мы с ним тогда не поговорили, настроения у него не было. Я уже знал о его снятии с поста и не стал беспокоить человека. Я сообщил Махмутову, что Абдраязов лежит в больнице. Он уже знал об этом. Посоветовал ему провести Абдулхака Асвьяновича, который был его непосредственным

³² Абдулхак Асвьянович Абдраязов (1915–1984) — советский государственный и партийный деятель, в 1959–1966 гг. Председатель Совета Министров ТАССР.

начальником. Он согласно кивнул, но ни в какую больницу не пошел, несмотря на мои повторные напоминания, сослался на отсутствие времени. Чувство благодарности ему было не очень присуще. Кандидатскую же диссертацию он защитил не по педагогике, а по татарскому языку. Взял тему «Арабские заимствования в татарском языке».

Б.Х.: Он же был одним из авторов арабско-русско-татарского словаря заимствований.

М.Х.: Да, помню, когда мы еще ездили на автобусе в Матюшино после работы, он, бывало, в дороге работал со своими карточками с арабскими текстами.

Вот мне вспомнился еще один характерный эпизод. Табеев вызывает меня к себе в кабинет и прямо перед сидящим здесь же Махмутове обращается ко мне: «Вот Мирза утверждает, что в этом году республика идет на срыв плана школьного строительства. Я ему не верю. Какая у нас обстановка?» Мне и Махмутова не хочется представить в неприглядном свете, не могу же я ответить Табееву: «Да, вы не верьте». Я сказал, что ответственность за выполнение плана возложена на меня. Если не принять дополнительных мер и очень серьезно не поработать, вероятность срыва, конечно, есть. Но пока особых беспокойств нет. «А для чего вы сидите? — говорит Табеев, обращаясь ко мне. — Выполняйте. Давайте выполняйте». Пообещал вернуться к этому вопросу. Вот такие ситуации бывали с Махмутовым. Табеев уже действительно перестал верить его подобным громогласным заявлениям, потому что разные анонимки, сомнительные истории все-таки человеку определенную репутацию создают.

При этом Махмутов, конечно, был очень одаренным человеком. Образованный, знал несколько иностранных языков. Представительный, видный. Таких не было среди наших министров. Он мог на любом уровне выполнять представительские функции. Обком рекомендовал его в комиссию ЮНЕСКО по образованию. Он много ездил по странам третьего мира и представлял страну и Татарстан. Это было большое дело.

Когда Махмутова назначили министром, он принялся за дело очень энергично, инициативно. Но перед отставкой оно ему, видимо, уже пресытило.

Б.Х.: То есть Махмутов ушел с должности министра по собственной инициативе?

М.Х.: Восемнадцать лет он был министром. Приедается. Да и тогда главным для него, думаю, была возможность избраться академиком АПН СССР. На посту министра образования это было невозможно. Табеев ему в этом тоже способствовал.

2. Заведующий отделом науки и учебных заведений

Б.Х.: Ты учился в университете при трех ректорах. Как так получилось?

М.Х.: Я поступил учиться при К. Ситникове в 1950 году. Период ректорства Ситникова — это решение административных и хозяйственных вопросов и задач, особенно во время войны. У него ведь не было и никакой ученой степени. В 1951-м встал вопрос о новом ректоре. Актуальные вузовские задачи и все возрастающие требования к руководству университета обусловили избрание ректором астронома профессора Дмитрия Яковлевича Мартынова. Он был хорошим ректором и пользовался уважением и доверием в университете. Однако пробыл на этом посту недолго.

Б.Х.: Кажется, возникли серьезные проблемы у его сына.

М.Х.: Да, его сын совершил преступление. Мартынова перевели в Москву, и затем он долгие годы был директором Государственного астрономического института имени П. К. Штернберга, подразделения МГУ. Во время его директорства в институте мы часто с ним общались, и он оставил у меня впечатление очень мудрого и достойного человека.

После Мартынова кандидатом на пост ректора обком партии хотел предложить проректора А. Г. Шафигуллина. Но тут появилось письмо, подписанное А. Арбузовым, С. Альтшулером, В. Морозовым и А. Норденом. Они обвинили его чуть ли не в плагиате и слабых знаниях математики и пришли к заключению, что он не достоин занимать ректорское кресло. Кажется, тогда он получил выговор по партийной линии. Его сняли с должности проректора, и он уехал в Москву.

Позже Шафигуллина полностью реабилитировали через бюро ЦК по РСФСР. Я тогда работал завотделом науки и учебных заведений. Он специально зашел ко мне, чтобы доложить об этом. В университете были такие ярые личности.

Б.Х.: В 1954 году, когда ты еще учился в университете, ректором стал М. Т. Нужин. Что это был за человек?

М.Х.: Нужин во всех отношениях был очень оригинальным человеком. Как ректор он был деятельный. В конце лета 1956 года в семье Нужина

произошла трагедия — погибли его жена и отец. Не своей смертью. Эта история получила большой резонанс. Новость моментально разлетелась. Все гадали, сохранит ли он свой пост. Но он и после этой ситуации удержался на своем месте. Елютин³³ ему в этом, видимо, помог.

Б.Х.: А тогда скандал в семье был чреват для карьеры?

М.Х.: Конечно. Если бы на его месте был другой человек, моментально освободили бы от должности. Почему такую семью имеешь? Партийный подход был такой. Никаких проблем быть не должно.

Обком не настаивал на увольнении Нужина, раз министр его поддерживал. В обкоме ректора защитил тогда секретарь по идеологии Батыев. А потом уже Нужин в благодарность принял Батыева доцентом на юридический факультет, и в середине 60-х годов он даже заведовал кафедрой.

Б.Х.: Чтобы председатель президиума Верховного Совета республики заведовал кафедрой в университете — это редчайшее явление в советское время.

М.Х.: Батыев проводил занятия, читал лекции. Если не знать всей подоплеки, на первый взгляд это выглядело довольно странно.

Б.Х.: Почему В. П. Елютин поддерживал Нужина?

М.Х.: Они служили вместе, Нужин его спас на войне — мне кто-то об этом рассказывал, хотя я достоверно этого не знаю. Вот ведь как судьба сводит людей. Когда он приезжал, Нужин прямо окрылялся. Мне доводилось пару раз быть в гостях у него во время приезда Елютина. Он жил в бывшей квартире Лобачевского³⁴, на втором, по-моему, этаже. На этом доме сейчас установлена мемориальная доска, прямо напротив Национальной библиотеки³⁵, через улицу.

Б.Х.: Его часто называют ректорский дом. С тех времен у тебя с Елютиным сложились хорошие деловые отношения.

М.Х.: Да, и это во многом помогало решать вопросы. Один любопытный эпизод. Как-то Табеев звонит мне: «Мансур! Завтра поезжай в Москву и без института культуры не возвращайся». А я в ответ: «Фикрят Ахмеджанович, открытием новых высших учебных заведений всегда занимались первые лица». «Ты езжай КамАЗ тогда строить, я тебе

³³ Вячеслав Петрович Елютин (1907–1993) — советский государственный деятель, ученый-металлург, педагог, в 1954–1959 гг. министр высшего образования СССР, в 1959–1985 гг. министр высшего и среднего специального образования СССР.

³⁴ Николай Иванович Лобачевский (1792–1856) — русский математик, основатель неевклидовой геометрии, в 1827–1845 гг. ректор Казанского университета.

³⁵ Имеется в виду бывшее главное здание Национальной библиотеки республики на улице Кремлевской — дом Ушковой.

десять институтов открою! Десять!» — Вот так он разговаривал. А я не обижался.

Б.Х.: Он, видимо, не хотел поручать это дело кому-то другому. Хотя были ведь еще Мударис Мусин — завотделом культуры обкома и Владимир Иванов — завотделом науки и учебных заведений.

М.Х.: Они говорили: «Хасанов с пустыми руками не вернется». А такие поездки отнимали очень много сил. Одно общение с Е. А. Фурцевой³⁶ чего стоило... Тогда я допустил один промах, связанный с ней. Как говорят, век живи, век учишься — а умрешь дураком.

Б.Х.: Ты имеешь в виду открытие филиала Ленинградского института культуры или преобразование его в самостоятельный институт?

М.Х.: Это правильный вопрос. Я говорю о реорганизации вуза в Казанский государственный институт культуры в 1974 году. Когда я зашел к Елютину по вопросу открытия института культуры, он выдвинул шесть возражений. Шесть! И все, на его взгляд, очень серьезные. Я на все до одного ему ответил. И тут решил вставить, что Екатерина Алексеевна Фурцева разрешение уже подписала. На что Елютин взорвался: «Что Катя соображает в высшем образовании!» Ох, думаю, зачем я это ляпнул! Но в такие моменты голова хорошо соображала, и я ему решил сказать напоследок: «Вячеслав Петрович, ну хорошо, я уезжаю. Табеев мне велел без института не возвращаться. Я, видимо, в Совмине уже работать не смогу. Вам большое спасибо: Вы подписали мой диплом доктора наук — там Ваша подпись».

Б.Х.: Елютин в то время был и председателем ВАКа?

М.Х.: Совершенно верно. Я ему говорю: «Мне, наверное, дадут должность профессора в университете или другом вузе. А вот Вы как будете в следующий приезд смотреть в глаза своих избирателей? Вы ведь обещали что?» И перечислил ему его обещания — а он неоднократно избирался депутатом от ТАССР. «А я, — говорю, — Вам помогал во время избирательных кампаний». Я никогда не плясал под его дудку, отстаивал наши интересы. Но, конечно, всегда очень деликатно, все-таки Елютин — союзный министр.

Б.Х.: В итоге положительное решение было принято?

М.Х.: Институт культуры мы открыли. Если продолжить вспоминать истории открытия новых высших учебных заведений, то мы занимались подбором кадров и для только что открытого университета в Чебоксарах. Приехали к нам из Чувашского обкома партии и просят подобрать

³⁶ Екатерина Алексеевна Фурцева (1910–1974) — советский государственный и партийный деятель, в 1960–1974 гг. министр культуры СССР.

кандидатуру ректора. Я говорю: «Знаете, давайте прямо, открыто. Чтобы не перебирать всех, может, назовете кого-нибудь? У вас на примете имеются какие-то фамилии? Вам, конечно, чуваш нужен, скажите откровенно». — «Да, желательно». — «Раз уж желательно, то обязательно, надо считать. Давайте будем искать. Таковые в Казани всегда бывали, среди ученых тоже есть. Не так много, но есть. Вы назовите сами, а я скажу свое мнение, годится или не годится». Я обратился к Нужину с просьбой подобрать нам кандидатуру на пост ректора Чувашского университета.

Б.Х.: Почему ты обратился именно к ректору университета? В других вузах города найти кандидатуру было сложнее?

М.Х.: Я считал, что должен быть человек с университетским опытом и образованием. В идеале был нужен доктор наук и желательно чуваш. Конечно же, оба эти условия выполнить было практически нереально, и я это понимал. Было несколько кандидатур, и мы остановились на декане мехмата докторе технических наук Семене Федоровиче Сайкине. Если уж не чуваш, то хотя бы, как оказалось, родился в Чувашии и работал у Нужина на кафедре теоретической механики. Оба они были одного года, воевали на фронте, вместе учились.

Б.Х.: Становление любого нового университета — огромная работа: это подбор кадров, создание материально-технической базы...

М.Х.: Дело это крайне сложное, и кандидатура Сайкина оказалась очень удачной. Он проработал ректором почти пятнадцать лет. То, каким сейчас является Чувашский университет, — полностью заслуга его первого ректора. Нужин ему всячески помогал в этом. В 80-е годы бывший первый секретарь Чувашского обкома Семен Матвеевич Исюков благодарил меня за то, какого мы выбрали им ректора.

Б.Х.: У каждой республики в составе РСФСР всегда была мечта иметь свой университет. Здесь главную роль играло даже не наличие объективных предпосылок к открытию такого учебного заведения. Все диктовала политика партии и правительства по национальному вопросу, согласно которой все нации и национальности были равны в единой советской стране.

М.Х.: И в этом случае министр высшего и среднего специального образования СССР В. П. Елютин считал, что для открытия университета в Чувашии нет необходимых условий. Но ЦК КПСС принял положительное решение. Кстати, это не всегда срабатывало. В 60-е годы Чувашский обком просил нас направить к ним ректора Казанской консерватории Н. Г. Жиганова для ознакомления с состоянием музыкального образования в Чебоксарах. Легко было догадаться, что они вынашивали идею

открыть у себя консерваторию. Жиганов посчитал, что пока они к этому не готовы. Если классический университет в каждой национальной республике, по мнению ЦК партии, должен был быть, то консерватория в этот список не входила.

Если вернуться к Нужину, то его отношения с некоторыми партийными руководителями были, мягко говоря, сложными. Нужин приходил к Табееву, и тот его всегда безотказно принимал, а с Мурзагитом Валеевым, секретарем обкома по идеологии, у ректора университета отношения были совсем плохие — старался к нему вообще не обращаться. Ходил к Табееву и ко мне, потому что по любому поводу ведь к первому секретарю не зайдешь, с ним только крупные, принципиальные вопросы обсуждались. Однажды он заявил Табееву: «Фикрят Ахмеджанович, университет ведь плохо строят».

Б.Х.: Здесь речь идет о строительстве двух высотных учебных корпусов?

М.Х.: В конце 60-х годов к 100-летию Ленина мы разработали программу развития Казанского университета, в нее входило также строительство двух учебных зданий и библиотеки. Табеев добился специального постановления ЦК партии и Совмина СССР, он хорошо понимал, какое значение имеет университет для Казани.

Если бы с жалобой на плохое строительство пришел, например, Кирпичников, ректор КХТИ, Табеев бы его и слушать не стал. Сказал бы: «Работай, ты-то для чего? На себя наговариваешь?» А к Кирпичникову Табеев относился очень хорошо, они вместе ездили на охоту. Вообще, если кто в семь часов утра был на работе, так это Кирпичников.

А тут Табеев связывается по прямой связи с первым секретарем Казанского горкома Р. М. Мусиным и сразу спрашивает: «Ты почему университет плохо строишь?» Тот начинает объяснять: «Фикрят Ахмеджанович, мы, конечно, в последнее время немного снизили темпы. В соответствии с решением бюро обкома мы в первую очередь ресурсы перекинули на жилье. — Бюро-то он не зря упоминает, он ведь опытный в таких делах. — Вот жилье подтянем и вернемся, постараемся до конца года выправить положение». Табеев: «Строй хорошо». Больше ему нечего сказать. Это такая игра, спектакль двух актеров. Табеев ведь и сам все это знает.

Как реагирует Мусин? Сразу после разговора с Табеевым он звонит к нему в приемную, чтобы удостовериться, что Нужин там. Мусин набирает меня (я заведомо обкома) и, даже не поздоровавшись, без какого-либо вступления, начинает с вопроса: «Ты этого ректора сколько будешь держать?» Я в недоумении: «Вы о ком?» «О ректоре Нужине».

В. П. Елютин, М. Х. Хасанов. 1984 г.

М. Т. Нужин, М. Х. Хасанов. 1972 г.

В Казанском университете. Слева направо: М. Т. Нужин, Р. З. Сагдеев, М. Х. Хасанов, Р. Ш. Нигматуллин. 1969 г.

«Рашид Мусинович, — говорю я, — ведь вопрос о ректоре, прежде чем решать в Москве, в ЦК КПСС, в Министерстве высшего образования, решается на бюро обкома. Вы же член бюро. Решайте». А он мне: «Ты мне сказки не рассказывай, как бюро решает. Я знаю, как вы там до бюро шушукаетесь. Какое там бюро!»

Б.Х.: Любопытная история.

М.Х.: Уже в те годы впервые встал вопрос о смене ректора. Нужину даже подыскивали должность замминистра высшего и среднего специального образования России.

Б.Х.: Речь шла о возможном назначении Роальда Сагдеева на пост ректора университета в конце 1960-х годов.

М.Х.: Да, Табеев поручил мне наладить контакт с физиком Роальдом Зиннуровичем Сагдеевым, избранным академиком АН СССР в декабре 1968 года, и пригласить его в Казань. С такой миссией я летал в новосибирский Академгородок в 1969 году. Затем Сагдеев приезжал с ознакомительной целью в Казань, но предложение не принял. С тех пор между нами установились дружеские отношения.

Б.Х.: Я хорошо помню, ты привел его к нам домой, мы еще жили на улице Достоевского, и он сразу же, стоя у дверей, нарисовал портрет мамы. Как сейчас помню, зеленым фломастером. Я даже не знал что это такое. Мы же об этом вспоминали, когда встретились с Роальдом Зиннуровичем в его последний приезд в Казань.

М.Х.: Вспоминали начиная с первой встречи все этапы нашей дружбы. Тогда он еще молодой был, да и я тоже. Вот с тех пор мы знакомы.

Б.Х.: А в Новосибирске он где работал?

М.Х.: Он был деканом физфака Новосибирского университета. И работал в Институте ядерной физики.

Б.Х.: Как ты думаешь, почему тогда Сагдеев не принял это предложение?

М.Х.: Он же был уже действительным членом Академии наук СССР, молодой, все впереди еще. И Казань не устраивала его, несмотря на то что он сам из Казани. Он у нас окончил знаменитую 19-ю школу, уехал учиться в МГУ. У него, самого молодого академика в СССР, конечно, были большие планы в Москве. Хотя здесь и жили его родители, возвращение в Казань было бы для него шагом назад.

Б.Х.: Можно ли так сказать, что в 1969 году вы не представляли истинный потенциал и амбиции Сагдеева в хорошем смысле этого слова?

М.Х.: Отчасти да. Кандидатура Сагдеева нам виделась идеальной. Он имел сильные связи в Москве в Академии наук. К тому времени

прошел уже год, как умер А. Е. Арбузов, и заполучить в Казань молодого академика было бы большой удачей.

Б.Х.: В 1973 году он стал директором Института космических исследований Академии наук, и вся его дальнейшая деятельность связана с космосом.

М.Х.: Он всегда шел только вверх. Вся дальнейшая биография Сагдеева подтверждает это. Уже потом, во времена Горбачева, он пошел в политику, что говорит о незаурядности его личности. Роальд всегда был в очень хороших отношениях со многими лидерами, в том числе с президентами стран бывшего Союза, например с Эдуардом Шеварднадзе³⁷ или Гейдаром Алиевым³⁸. Хорошим другом Сагдеева был и Аскар Акаев, возглавлявший киргизскую Академию наук, тоже физик, впоследствии ставший президентом Киргизии.

Б.Х.: В 1979 году, когда освободили с поста ректора Нужина, ты занимался подбором новой кандидатуры?

М.Х.: Нет, я тогда уже работал в Совете Министров, а подбором кандидатов занимался отдел науки и учебных заведений обкома. А. И. Коновалова³⁹ продвигал академик Б. А. Арбузов. Тогда Табеев спросил только мое мнение по его кандидатуре, хотя я лично в то время Александра Ивановича еще не знал.

Б.Х.: В конце 1978-го и в начале 1979 года, когда слухи об уходе Михаила Тихоновича Нужина распространились в университетской среде, и ты фигурировал в качестве возможного ректора.

М.Х.: Да, были такие слухи. Но Табеев со мной на эту тему разговора не заводил. Хотя жили мы с ним в одном доме, частенько встречались утром у подъезда. Шли вдоль дамбы Казанки, Федоровского бугра, почти до Кремля. Раньше там был еврейский базар, но, когда мы там прогуливались, его уже не было, там позднее построили Ленинский мемориал. А потом он уходил обратно в сторону здания обкома. А в тех местах у Казанки в то время были сады.

Б.Х.: Почти как ваши прогулки в молодости, когда вы работали в университете...

М.Х.: Действительно, получается так. Это ты хорошо подметил. Так

³⁷ Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе (1928–2014) — советский и грузинский государственный и политический деятель, в 1995–2003 гг. Президент Грузии.

³⁸ Гейдар Алиевич Алиев (1923–2003) — советский и азербайджанский государственный и политический деятель, в 1993–2003 гг. Президент Азербайджана.

³⁹ Александр Иванович Коновалов (1934–2021) — российский и советский химик-органик, академик РАН, в 1979–1990 гг. ректор Казанского государственного университета.

вот, после того как Нужина отправили в отставку, я спросил Табеева, почему он так долго держал его на посту ректора. Он ведь уже давно болел и, по существу, исчерпал свой ресурс — все-таки почти 25 лет на посту ректора. Табеев сказал, что боялся.

Б.Х.: Может показаться странным, как это первый секретарь боится ректора.

М.Х.: Боялся, что он может повторить судьбу отца. Мать Нужина после смерти мужа на Гражданской войне вышла замуж за его старшего брата, который и считался потом отцом Михаила Тихоновича. И вот он совершил самоубийство. До этого покончил с собой и его дед.

Б.Х.: Это та трагическая история, о которой ты уже упоминал?

М.Х.: Она самая, и действительно Табеев этого боялся. Поэтому долго не брал на себя принятие такого решения. И что он сделал после того, как Нужина отправили в отставку? До него дошла информация, что Михаил Тихонович собирается уехать в Москву. Видимо, Табеев решил, что ему невыгодно отпускать его из Казани. Он пригласил Нужина к себе и убедил, что здесь он уважаемый человек, а там о нем некому будет позаботиться, в Казани же для него будут созданы все условия. Так и уговорил остаться.

Б.Х.: Почему он его так уговаривал?

М.Х.: Потому что каждый снятый или ушедший номенклатурный работник представляет определенную опасность для правящей элиты. Он может быть носителем очень важной информации. Поэтому кадры бесконечно тасовали, даже если человек имел какие-то грехи, его перемещали с одной должности на другую, но с ним решительно не порывали. У этого явления были объективные причины.

Б.Х.: А прожил Нужин всего четыре года после ухода с поста ректора. Ему не было даже 69 лет. Он болел и выглядел не лучшим образом, я несколько раз видел его в этом состоянии. Чувствовалось, что не хватало внимания и заботы о нем.

М.Х.: Табеев тогда уже работал не в Казани, он бы его в таком положении не оставил. Надо сказать, что взаимодействовать с Нужиным было непросто. Случались и расхождения во мнениях по тем или иным вопросам, но он умел слушать оппонента и мог пойти на компромисс. Когда понимал, что надо идти на уступки, учитывал иные точки зрения.

Б.Х.: Нужин старался быть предельно независимым в вопросах управленческой деятельности университета. С этим и связано его противостояние обкому, работники которого часто вмешивались в дела вуза.

М.Х.: Нужин всегда стремился сохранить независимость университета

в развития фундаментальной науки и классического университетского образования. При нем и благодаря Елютину университет был передан в подчинение союзного министерства, а не минвуза РСФСР. Таких университетов в России, кроме московского и ленинградского, не было. Этот факт и не давал Казанскому университету опуститься на позиции провинциального вуза.

В Нужине удивительно сочетались и партийная дисциплина, и самостоятельная позиция ректора со своим собственным суждением. Некоторые партийные руководители относились к нему крайне негативно.

Б.Х.: Не случайно университеты всегда утверждали свою автономию. Когда ты работал в обкоме, в твои обязанности входил подбор кандидатур на посты ректоров вузов. В свое время ты писал, что выбор нового ректора Казанского авиационного института Рашида Шакировича Нигматуллина в середине 1960-х годов оказался очень удачным. Затем вас многие годы связывала личная дружба.

М.Х.: Это была очень важная часть моей работы в обкоме партии. Но, прежде чем поговорить о Нигматуллине, я хотел бы вспомнить о ректорах, которых мы нашли для других вузов. Примерно в то же время я настоял, чтобы М. З. Закиев⁴⁰ перешел из университета, где он был завкафедрой татарского языка, проректором в педагогический институт. Через пару лет мы его рекомендовали ректором, и он проработал там 20 лет. Много это для работы на посту ректора? Думаю, что да, много, и, безусловно, нужна ротация кадров. В пединституте это надо было делать раньше. В это же время встал вопрос о ректоре инженерно-строительного института. Мы нашли кандидатуру в самом вузе. Речь идет о Мурате Тауфиковиче Кулееве⁴¹. Он имел большой опыт работы, в том числе и строительства Асуанской плотины в Египте. Мне кажется, это был очень удачный выбор. Еще один пример удачного назначения — это ректор только что образованного филиала Московского энергетического института. Им стал Форель Закирович Тинчурин⁴², до этого он работал в КАИ, где в то время ректором был Нигматуллин.

Предыстория моего знакомства с Рашидом Шакировичем Нигматул-

⁴⁰ Мирфатых Закиевич Закиев (1928–2023) — советский и российский лингвист, доктор филологических наук, профессор, в 1967–1986 гг. ректор Казанского педагогического института.

⁴¹ Мурат Тауфикович Кулеев (1926–2020) — ученый в области инженерной геологии и гидрологии, профессор, в 1968–1988 гг. ректор КИСИ (ныне КГАСУ).

⁴² Форель Закирович Тинчурин (1926–2002) — профессор, в 1976–1985 гг. ректор Казанского филиала МЭИ, в 1985–1994 гг. директор Казанского филиала МЭИ.

линым имела глубокое влияние на то, как потом сложилось наше деловое взаимодействие и мое личное общение с этим редким человеком. Прямое отношение к тому, как я познакомился с ним, имел его предшественник — ректор КАИ Ю. К. Застела⁴³. Я очень высоко ценил Юрия Кирилловича. История его ректорства была уникальной: он не имел докторской степени, но очень умело управлял огромным научным и учебным организмом КАИ, в котором было много маститых докторов наук, профессоров. Надо еще помнить, что начало его деятельности в институте пришлось на труднейшие годы войны, когда КАИ занимал важную позицию в обороне страны. Тогда партийная организация авиационного института была самой крупной в Татарии, и Юрий Кириллович возглавлял ее, имея, единственный среди представителей вузов республики, статус парторга ЦК КПСС. Можно себе представить, какой престиж был у КАИ в стране и какой вес имел Юрий Кириллович в верхах — в ЦК, Министерстве обороны, Министерстве образования. Не менее значительной была его деятельность и на посту ректора КАИ. В этот период мы с ним плодотворно работали. Впрочем, я в КАИ слабых, посредственных ректоров не знаю.

Однажды приходит он ко мне. «Мансур Хасанович, меня, — говорит, — вызывают в Москву и хотят снять». Я поразился. Он пояснил: «Вызывают на заседание коллегии Минвуза России, хотят вынести выговор с занесением в личное дело, а в последующем все, видимо, идет к снятию. За невыполнение плана строительства институтских объектов». Раньше ведь финансирование очень сложное было, в план надо было включать. А уж если не выполнишь то, что включено в план, тогда больше и не проси.

Я говорю: «Тогда я вам запрещаю ехать за выговором. Никуда не поедете. Скажите, что завотделом обкома партии запретил мне ехать на коллегию». Он разволновался: «О, это уж слишком будет. Еще хуже может обернуться». Я предложил позвонить В. Н. Столетову⁴⁴, министру высшего образования России, так как институт ему подчинялся. С Всеволодом Николаевичем у меня были очень хорошие отношения. Он меня называл, где надо и не надо, «мой министр высшего образования в Татарстане». «Уж если звонить, — говорит Застела, — то заместителю Столетова, а то он обидится». Я позвонил, и он оказался на месте. С ним

⁴³ Юрий Кириллович Застела (1910–1988) — советский ученый, профессор, в 1953–1967 гг. ректор КАИ.

⁴⁴ Всеволод Николаевич Столетов (1907–1989) — советский государственный деятель и ученый-биолог, в 1951–1953 гг. министр высшего образования СССР, в 1959–1972 гг. министр высшего и среднего специального образования РСФСР.

я не был близко знаком. Говорю: «Зачем вы вызываете, я ему запрещаю ехать на вашу коллегия. И все, вопрос снимается». Он прямо испугался. Попросил меня разрешить ректору приехать. Я пояснил: «Вы знаете, кто распределяет кирпич для строительства? Секретарь обкома по строительству кирпич поштучно делит!» Такое положение действительно было. То есть секретарь обкома, конечно, утверждал уже подготовленное решение. Я спрашиваю замминистра: «Неужели вы этого не знаете? Тогда вызывайте секретаря обкома по строительству». «А мы, — говорит, — не имеем права секретаря обкома вызывать, мы даже вас не имеем права вызывать, заводделом обкома. Хотя вы имеете непосредственное отношение к высшим учебным заведениям. А если мы с ректоров спрашивать не будем, как нам планы выполнять?» «Спрашивайте, но знайте меру», — заявил я. В конце концов мы договорились мирно. Я согласился отпустить Застелу на коллегия. А замминистра спрашивает: «Ну, мы пожурим его?» «Это пожалуйста, — отвечаю я. — Можете его пожурить, покритиковать, что он плохо строит, но какие-то решения — это не ваше дело». Потом Юрий Кириллович мне рассказывал, что этот заместитель совсем по-другому уже стал разговаривать.

Б.Х.: Здесь возникает вопрос о системе власти в Советском Союзе. Российский замминистра не мог вызвать секретаря обкома или даже заводделом обкома на коллегия министерства в Москву?

М.Х.: Система власти была устроена следующим образом. Обкомы партии на всей территории России подчинялись только Центральному Комитету КПСС. А это высшая власть в стране. Исполнительные органы, у нас это Совет Министров ТАССР или правительство ТАССР, подчинялись правительству России. Когда я работал в Совмине, так разговаривать с Минвузом России я, конечно, уже не мог.

Что касается вопросов строительства в советское время, то я вспоминаю, как мне приходилось участвовать в оперативных совещаниях, проходивших в очень экзотических местах.

Б.Х.: Что ты имеешь в виду?

М.Х.: Выезжать на оперативки, например, на территорию больницы. Проводим мы, допустим, совещание по строительству, а начальник «Главтатстроя» на нем не присутствует. Оказывается, лежит в больнице. Далеко не всегда это было связано с болезнью. Как-то я встретил одного крупного строителя в больнице и спрашиваю, что случилось. Он ответил, что выполняет здесь две функции. Во-первых, говорит, на работе невозможно анализировать. Все время как пришел утром — оперативка, дальше то кирпича не хватает, то этого не хватает, то такому-то позвони. Во-вторых, в больнице можно немного отдохнуть.

Б.Х.: Значит, с учетом того, что в больнице лежали больные, от которых зависело решение вопросов, оперативка могла проводиться в лечебном учреждении?

М.Х.: Тот, кто лечился, вообще не имел права ничего там проводить. В больницу приходили другие люди, например заинтересованные в нужных им строителях. В другом месте ведь не проведешь, потому что они дают формальный ответ, что их не выпускают из больницы. Вот тогда и вынуждены были выезжать даже в лечебное учреждение. Доходило до того, что время от времени Табеев приезжал в больницу и делал обход, чтобы выяснить, кто из руководителей предприятий от чего лечится. Большинство, услышав об «инспекции», моментально уезжало на службу.

Б.Х.: Давай вернемся к Застеле.

М.Х.: Как-то приходит ко мне Юрий Кириллович и сообщает, что он принял решение уйти в отставку с поста ректора. Мало сказать, что это меня удивило, я был огорчен и не согласен с его намерением. Состоялся нелегкий разговор. Конечно, моя должность заведующего отделом науки обкома партии позволяла мне принимать властные решения по принципиальным вопросам. От моей позиции, например, многое зависело при решении судебных высокопоставленных руководителей, в частности и ректоров вузов. Но как тут прикажешь? Человек принял для себя окончательное решение, оставил заявление...

Б.Х.: В те времена существовала практика: уходящего ректора спрашивали о возможном преемнике.

М.Х.: Я спросил Юрия Кирилловича, кого он рекомендует на свое место. Он назвал В. Е. Алемасова⁴⁵. Тогда я еще не знал его хорошо, пригласил для беседы. Тут выяснилось, что Вячеслав Евгеньевич категорически против ректорства, мотивировал свой отказ тем, что он ученый, а не организатор. «Это не мое амплуа», — сказал он искренне и убежденно. И вновь: что делать? Приказывать нельзя — не военное время, шла уже вторая половина 60-х годов. На мой вопрос «Кого вы рекомендуете?» Алемасов ответил только, что в КАИ есть солидные ученые.

Б.Х.: Так как же ты нашел кандидатуру Р. Ш. Нигматуллина на должность ректора КАИ?

М.Х.: Тогда я пригласил куратора по учебным заведениям, инструктора отдела Мансура Ибрагимовича Галимова (потом мне

⁴⁵ Вячеслав Евгеньевич Алемасов (1923–2006) — российский советский ученый, специалист в области теплоэнергетики, академик РАН.

пришлось его отпустить директором Госбанка ТАССР) и дал задание — положить мне на стол пять личных дел кандидатов на пост ректора КАИ. Было лишь два неперемненных условия: докторская степень и возраст до 50 лет. По тем временам доктора наук были редкостью не только для КАИ, а уж молодые — тем более. Это теперь молодой возраст докторов наук никого не удивляет. А тогда степень доктора, особенно молодого, воспринималась гораздо весомее. Четыре из принесенных дел по разным критериям были отложены в сторону. Полистал документы Нигматуллина, почитал его биографию.

Б.Х.: Он был из среды татарских интеллигентов. Это была учительская семья, где почитались культура и воспитание.

М.Х.: Были понятны и истоки активной общественной позиции будущего ректора. Из архивных материалов я знал, что его отец в конце 20-х годов был участником акции протеста против перевода татарской письменности на латиницу. Решение было принято, но были и несогласные с ним, в основном представители творческой и частично научной интеллигенции. Они отправили свой протест, известный как «Письмо 82-х». Отец Нигматуллина был среди этих «подписантов», как их тогда называли.

Рашид Шакирович мне сразу понравился энергичной реакцией на все вопросы. После беседы сказал: «Надо подумать». Разумеется, решение не могло быть легким. В Казани было два вуза, по масштабам, научной значимости стоявших рядом, — КГУ и КАИ. Если же иметь в виду оборонное значение, то КАИ был первым не только в Татарстане, но и в России — вместе с Московским авиационным институтом. Наконец, решение было принято. Нигматуллин дал согласие. Я тотчас представил его Ф. А. Табееву. Фикрят Ахмеджанович умел быстро выявлять потенциальные возможности человека. Нигматуллин Табееву понравился. Он сразу разглядел в молодом ученом будущего сильного руководителя и впоследствии всячески его во многом поддерживал. Так началось наше сотрудничество.

Б.Х.: Р. Ш. Нигматуллин принял эстафету у Ю. К. Застелы, очень крепкого ректора. А до него были Г. В. Каменков, крупный механик, ученик Н. Г. Четаева⁴⁶, впоследствии ректор МАИ; С. В. Румянцев, которого из КАИ назначили заместителем министра высшего образования СССР, а потом ректором Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Это были заметные, солидные люди. На их фоне

⁴⁶ Николай Гурьевич Четаев (1902–1959) — российский советский механик и математик, педагог, доктор физико-математических наук, профессор.

нелегко было взяться за управление таким сложным организмом, как авиационный институт. Что ты считаешь главным из сделанного Нигматуллиним в период работы ректором КАИ?

М.Х.: «Капитальным», на мой взгляд, в ректорстве Нигматуллина было то, что он сохранил на высоком уровне механизмы управления и традиции, созданные до него. Не снизил планку — это само по себе уже было значительно. Что касается научных достижений, то ректор КАИ очень поддерживал институтскую науку, рассчитывая не только на бюджетные ассигнования, но и на помощь отраслевых министерств и производителей. Удавалась ему и кадровая политика — у него был зоркий глаз в отношении распознавания людей, особенно в науке. И Рашид Шакирович редко ошибался в людях.

При неплохой в целом насыщенности авиационного института докторами наук Нигматуллин тем не менее старался привлечь новые свежие научные силы по отдельным направлениям. Часто советовался со мной, если некоторые специальности не были, как ему казалось, укомплектованы должным образом. Искал ученых, искал имена.

Однажды он привел ко мне для знакомства физика Шавката Шигабутдиновича Ибрагимова. Рекомендовал его как весьма перспективного. Мы предлагали ему остаться в КАИ или любом другом вузе, но он отказался, объяснив это тем, что в Казани нет академии наук. По рекомендации директора Института атомной энергии академика А. П. Александрова Ш. Ш. Ибрагимова пригласили на должность директора Института ядерной физики Академии наук Казахстана. А вскоре мы узнали, что Ибрагимов стал ее вице-президентом. Вот какого уровня специалистов находил Нигматуллин.

Б.Х.: Кстати, Ш. Ш. Ибрагимова очень хорошо знают физики Казанского университета, занимающиеся мёссбауэровской спектроскопией. Нигматуллин был человеком очень доброжелательным и радушным, умел слушать людей, а этой важной чертой не всякий руководитель, к сожалению, обладает. Всегда имел свое мнение обо всем, но не казался амбициозным. И при всех этих качествах он стал Председателем Верховного Совета ТАССР. Расскажи немного и об этой должности.

М.Х.: Верховный Совет ТАССР — это законодательный орган власти в республике, а председатель президиума Верховного Совета по Конституции — это глава Татарстана. Долгое время им был С. Г. Батыев. Но благодаря 6-й статье Конституции вся власть принадлежала партийным органам, то есть обкому. Председатель Верховного Совета

вел только заседания сессии два раза в год и никакой властью не обладал. Это была только церемониальная должность.

Б.Х.: Действительно, первая тройка руководителей республики выглядела так: первый секретарь обкома, председатель президиума Верховного Совета, председатель Совета Министров.

М.Х.: Что касается назначения Нигматуллина, то было это так. Ко мне обратился заведующий отделом организационно-партийной работы обкома А. В. Гнеденков, отвечающий за формирование партийных структур и расстановку кадров. Он попросил помочь ему подобрать среди вузовских ученых подходящую кандидатуру на должность председателя Верховного Совета. Тогда истек срок пребывания на этом посту профессора университета Мансура Ибрагимовича Абдрахманова. На должность спикера я посоветовал Гнеденкову пригласить профессора Р. Ш. Нигматуллина. Помимо необходимых для этой роли человеческих качеств, он еще прекрасно владел двумя языками, что было желательно, вернее даже обязательно для спикера, ведь согласно Конституции депутаты могли выступать на русском и татарском языках. А председатель Верховного Совета должен был, разумеется, понимать оба языка и быстро реагировать по ходу дела. Рашид Шакирович справлялся с этой ролью блестяще.

С его мнением все считались и в партийно-хозяйственных вопросах. На совещаниях в обкоме партии Рашид Шакирович всегда быстро вникал в суть происходящего и влиял на процесс обсуждения.

Надо сказать, что таких крупных, влиятельных фигур у нас было не очень много. Из ректоров, пожалуй, только М. Т. Нужин, П. А. Кирпичников и Р. Ш. Нигматуллин. У каждого были свои особенности, и все они — сильные личности.

Б.Х.: Это было поколение ректоров, которые укрупняли свои вузы. Рождались новые факультеты, расширялся круг специальностей, решались непростые идеологические задачи, строились новые учебные здания.

М.Х.: В начале 70-х годов, в период строительства первой очереди КАМАЗа, было принято решение об открытии автостроительного факультета КАИ. Помню, как мы вместе осматривали территорию старых складов, выбирая место под строительство нового здания на улице Большой Красной. Теперь там стоит седьмой корпус, а начинал его строить Р. Ш. Нигматуллин.

Б.Х.: В феврале 1976 года, в канун XXV съезда КПСС, с конвейера Камского автомобильного завода сошел первый автомобиль марки «КАМАЗ». Нигматуллин был делегатом того съезда.

М.Х.: Но в Москве он заболел воспалением легких и пролежал в больнице почти все время работы съезда. Как Рашид Шакирович переживал из-за этой неожиданной болезни! «Я подвел партийную организацию республики», — впоследствии говорил он. И был абсолютно в этом убежден.

Б.Х.: Я помню эту историю. Сразу после приезда из Москвы он завел меня к себе в квартиру и подарил коллекцию почтовых марок, привезенных со съезда. Я тогда учился в школе и занимался коллекционированием марок.

М.Х.: И в личном плане он был дисциплинированным и глубоко порядочным человеком. Всегда объективным. Конечно, стопроцентно объективных людей нет, всегда накладываются личностные оценки. Но все-таки, когда мы говорим: «Это человек объективный», мы имеем в виду, что он не допускает приблизительности в оценках, не живет по принципу «нравится—не нравится». Известно, что чем выше должность у человека, тем труднее ему сохранять нормальные человеческие качества. Однако порядочность Рашида Шакировича никак не умалялась его высокими должностями и званиями. Ты помнишь, мы близко общались, по-дружески, семейно. Его жена Харият Хафизовна, кстати, была дочерью Х. Р. Палютина — народного комиссара юстиции и прокурора республики в 30-х годах. Он был репрессирован. Нигматуллина это не напугало и не смутило. По-моему, этот факт многое говорит о его человеческих качествах.

3. Фикрят Табеев

Б.Х.: Недавно вышла книга⁴⁷ журналиста Я. Шафикова о Фикряте Табееве, в которой очень много материала о нем, в том числе его прямой речи. Я заметил, что книга изобилует неточностями как в словах самого Табеева, так и в тексте автора.

М.Х.: Табеев, конечно, мог подзабыть многие детали, это дело автора все проверять.

Б.Х.: Табеев в этой книге довольно подробно рассказывал о своем избрании первым секретарем. А у тебя были с ним разговоры на эту тему?

М.Х.: Когда он уже ушел со всех постов, я задавал ему вопрос о том, почему С. Д. Игнатьев после себя не С. Г. Батыева оставил, а остановил свой выбор на нем.

«Ой, Мансур, — сказал он, — ты задаешь мне такой вопрос, на который я сам многократно хотел ответить. Меня примерно в обед вызвал Игнатьев и говорит: «Сегодня поезжай в Москву поездом. В ЦК зайдешь вот к этому, они знают, тебя встретят, побеседуешь, а здесь никому не говори. Об этом знаем только я и ты».

Для Табеева это было неожиданностью. Если секрет знают больше, чем двое, это уже не секрет. Я думаю, Фикрят Ахмеджанович искренне говорил. Такие вещи вообще спешно, конечно, делаются.

Б.Х.: Так все же почему Игнатьев не рекомендовал на свое место Батыева?

М.Х.: У меня есть определенные догадки. Все-таки, я считаю, происходила очень серьезная, резкая смена кадров. А это тоже полезная вещь. Требовались новые люди, с новым менталитетом, с серьезным образованием. С новыми взглядами. Они уже не могли довольствоваться уровнем Батыевых. Батыев — это старое время.

Игнатьев в самом начале, после своего назначения в Татарстан, дал понять, что пришел сюда ненадолго. Об этом знали. Так же хорошо знали, что на свое место он готовил Батыева, который, бывало, в присутствии Игнатьева вел заседания бюро.

⁴⁷ Шафиков Я. Фикрят Табеев. Казань: Идел-Пресс, 2001. 462 с.

Б.Х.: Батыев к тому времени уже имел опыт работы в ЦК, его там знали. И он, можно сказать, ожидал скорого назначения. Но Игнатьев заподозрил, что Батыев сыграл не последнюю роль в том, что у небезызвестного пленума оказалась такая печальная судьба. Потому что есть версия, что докладная записка З. И. Муратова в ЦК о националистических перегибах в вопросе татарского языка появилась не без его участия.

М.Х.: Надежда Игнатьева стать «отцом татарской нации» рухнула. Это и стало причиной его отставки. Конечно, Игнатьев оставить Батыева своим преемником уже не мог и решил рекомендовать после себя Табеева.

Б.Х.: Ты думаешь, это Игнатьев сам так решил или ему сверху была дана такая установка?

М.Х.: Нет, он сам это решил.

Б.Х.: Что касается назначения новых молодых кадров — ощущалось такое общее веяние в решениях руководства страны?

М.Х.: Да, такая тенденция складывалась. Выбор Игнатьева был очень прогрессивным для кадровой политики татарской парторганизации. А иначе все могло бы пойти по другому пути. Новые веяния, конечно, все равно бы пришли, но кто знает, как бы все сложилось.

Б.Х.: А Батыев для Табеева не стал недоброжелателем?

М.Х.: А что он мог сделать в такой ситуации? Табеев выдвинул Батыева на пост председателя президиума Верховного Совета республики. В первые годы для молодого тогда Табеева опыт Батыева был чрезвычайно полезен. На этом посту он проработал при Фикряте Ахмеджановиче двадцать лет — был рекордсменом по пребыванию во власти в республике. Помню, как-то за обедом в столовой Совмина Батыев сказал: «Как мне семьдесят лет исполнится, ни дня не останусь. На другой же день уйду». Но время ведь быстро проходит...

Исполнилось ему семьдесят, и мои коллеги намекают мне на слова, сказанные Батыевым «Вы, — я говорю, — не спешите, дайте успокоиться немножечко. Так нельзя. Пусть отпразднует хорошо, придет в себя». Проходит неделя, мне опять напоминают мои коллеги-зампреды.

Б.Х.: А ты с ним что должен был сделать?

М.Х.: Напомнить ему о тех его словах. Я как-то выбрал подходящий момент, когда обедал за соседним столом, и сказал: «Салих Гилимханович, у вас было одно интересное выражение: как исполнится семьдесят, ни дня не буду работать». «Добровольно никто власть не отдает», —

ответил он мне. На мой вопрос: «То есть надо официально считать, что ваш лозунг уже изменился на другой?» он заявил: «Обещанного три года ждут».

Так вот побаивались его. Он же подписывал указы о назначениях на руководящие должности в правительстве. Первый секретарь обкома подписывает решение бюро, принимает, согласовывает с Москвой, с ЦК КПСС, после этого выходит указ президиума Верховного Совета. Вот такой был порядок. Но трех лет ждать не пришлось: Г. И. Усманов освободил его от должности через полгода, как только стал первым секретарем.

Б.Х.: Как ты считаешь, изменился ли Табеев, придя на вершину власти в республике?

М.Х.: Нет таких людей, которые не меняются. Я тоже изменился в какой-то степени. Я и по себе это чувствую, даже внешние манеры меняются. Тем более если власть очень большая. Одно дело, когда человек проходит все этапы: секретарь райкома, потом первый секретарь райкома, секретарь горкома покрупнее, потом какая-то должность в обкоме. Вот такие этапы. А в ситуации, когда за неполных три года человек сразу проходит ступени от заведомо обкома до первого секретаря, без изменений абсолютно не бывает. Абсолютно. Удивительно было бы, если бы этого не произошло. Я его как-то встретил около университета, когда еще работал замдекана в университете, а он уже занимал должность секретаря обкома. Спросил у него, как дела. Он ответил, что трудно, трудно. «А что вам трудно-то?» «Ну я ведь не знаю татарский язык...» — пояснил он.

Б.Х.: Как не знает татарский язык?

М.Х.: Не знает. Сейчас уже владеет разговорным языком, после того как проработал столько лет первым секретарем.

Б.Х.: А тогда плохо разговаривал?

М.Х.: Элементарные вещи, думаю, знал. Нам с ним и не приходилось толком беседовать по-татарски. Он всегда на русском разговаривал. А сам секретарь обкома по идеологии в Татарской республике без знания татарского... Хотя работал же Мурзагит Валеев сколько лет и ничего. Кто как мог приспособливался. Я Табееву тогда сказал: «Не беспокойтесь, это переходный этап». «Ну, ты брось, брось», — ответил он.

Я понимал, что масштаб его личности был несравним с должностью секретаря обкома и уже назревала перемена кадровая, перемена глобальная.

Б.Х.: Ты имеешь в виду смену поколений в управленческом аппарате?

Фикрят Табеев и Мансур Хасанов.

Открытие памятника А. Бутлерову. Слева направо: Ю. А. Овчинников, Ф. А. Табеев, С. Г. Батыев, А. И. Бондаренко, М. Х. Хасанов, П. А. Кирпичников. 1978 г.

М.Х.: В кадровых вопросах, управленческих. Если бы все это шло как раньше, по инерции, все равно, конечно, как-то выкрутили бы на путь, соответствующий требованиям времени, но это было бы мучительно.

Помню, некоторые татарские песни Табеев все же знал. Когда уже был на пенсии, как-то предложил мне: «Давай вот эту споем из татарских песен, давай споем «Галиябану», Мансур». Я рассказал, что мы ставили «Галиябану», на каникулах ездили по деревням с постановкой, в молодости я сам играл в этом спектакле. «А я тоже играл, — признался он. — Играл не парня Галиябану, а другого». Имя героя он назвать не смог. В пьесе же их всего два: Халиль и Исмагил. Их имена он забыл.

Все-таки и Табееву довелось столкнуться с татарской литературой, даже если он был далек от нее. В его памяти это сохранилось на всю жизнь, хотя он впоследствии об этом и не вспоминал. Если с молоком матери это не впитать, потом уже не воспитаешь. Что ему понравилось, так это название Бегишево.

Б.Х.: Твое родное село. Это когда искали название для нового аэропорта около Нижнекамска?

М.Х.: Да. Табеев тут сразу сказал, не удержался: у моей мамы девичья фамилия была Бегишева. Я в свое время рассказывал об этом журналисту Шафикову, и он опубликовал этот эпизод, когда писал обо мне.

Вот послушай:

«Когда началось интенсивное возведение автогиганта КамАЗ и новых Набережных Челнов, первым делом построили «воздушные ворота» — современный аэропорт. Однако возник серьезный спор между первыми секретарями горкомов КПСС — Набережночелнинского — Р. К. Беляевым и Нижнекамского — И. Х. Садыковым — о том, как назвать аэропорт».

Садыков потом стал Председателем Совета Министров нашей республики, мы с ним вместе работали в правительстве: он — председателем, я — первым замом.

«На Набережные Челны категорически не соглашался Ильдус Харисович... Это они строили, на их территории. ...А название «Нижнекамск» не хотел даже слышать Раис Киямович.

Вызывает как-то первый секретарь Татарского обкома КПСС Ф. А. Табеев к себе заведующего отделом культуры, науки и учебных заведений М. Хасанова, товарища его по учебе и КГУ... и по-дружески обращается:

— Мансур! Как назовем новый аэропорт в Закамье? Может, ты подскажешь. А то Беляев с Садыковым никак друг другу не хотят уступить...

— Это же не мой вопрос, Фикрят Ахмеджанович, — отвечает Мансур Хасанович. — Это прерогатива заведующего отделом транспорта и связи обкома Зайцева Сергея Николаевича.

— И он ничего вразумительного не смог предложить, — продолжает Табеев, — в общем, с ним вдвоем подумайте еще раз».

Во время разговора Зайцев рядом стоит, он его к этому времени тоже вызвал.

«В обкомовском кабинете Хасанов и Зайцев склонились над картой Татарстана, изучают названия аулов и сел вокруг нового аэропорта. Вот деревня Бахчисарай».

Деревня Бахчисарай находится в 7–8 километрах от Бегишева. Ее отделяет от моего родного села густой лес, через который пролегает дорога.

«Нет, не пойдет, рассуждают заведующие отделами обкома. Один город Бахчисарай в стране уже есть в Крыму».

Одинаковые названия вообще категорически запрещены в системе воздушного транспорта, чтобы не было путаницы. Такое название никогда бы не утвердили.

«Дальше деревня Куяново».

От Бегишева в сторону Челнов есть лес (Пәнәче урманы). Когда заходишь в этот лес со стороны Челнов, Куяново остается по левую руку. Деревня крещеных татар.

«Это название тоже отвергли. Что за аэропорт с названием «Куяново» или «Зайцево». Нет, не пойдет!»

Здесь уже получился каламбур на тему фамилии Зайцева.

«Зайцев карандашом ведет по карте и вдруг радостно восклицает: «Эврика! Вот село Бегишево».

А я-то жду, чтобы он сам произнес название «Бегишево», без моего участия.

«Красивое название», — пытается мне доказать Зайцев. «Назовем так: «Аэропорт Бегишево».

Хасанов улыбается.

— А ты чего смеешься? — смотрит на него Зайцев. — Хорошее название.

— Я не смеюсь, — отвечает. — Название мне очень даже нравится... Пошли к Табееву.

— Ну что, придумали название аэропорта? — спрашивает Фикрят Ахмеджанович.

— Кажется, нашли, — говорит Хасанов. — Надо аэропорту дать название ближайшего села.

— Так-так, — привычно констатирует Табеев. — Это интересно.

— Бегишево, — говорит Зайцев.

— Так-так, — повторяет Табеев, а сам смотрит карту. — Бегишево, говорите? Красивое название. Так и назовем: «Аэропорт Бегишево». Кстати, девичья фамилия моей мамы была Бегишева...»

Все ведь связано!

Прочитав эту историю, меня столько первых секретарей райкомов постарше спрашивали: «Мансур Хасанович, это правда, что Вы это название придумали?»

Б.Х.: Как ты думаешь, что послужило поводом для смещения Табеева с поста первого секретаря?

М.Х.: Первым сигналом было то, что в 50-летний юбилей его не наградили орденом Ленина. А это было обязательным для руководителей его уровня.

Б.Х.: Он, наверное, по своему положению и на звание Героя Социалистического Труда мог рассчитывать?

М.Х.: Не то что Героя, даже орден Ленина ему не дали. Все удивились. Почему? Это был первый сигнал, что во взаимоотношениях с руководством страны что-то неладно. У него были неважные отношения с М. А. Сусловым. Он пострадал в конце концов из-за своей несдержанности и оказался в Афганистане.

Б.Х.: Когда Табеев позволял себе слишком вольные высказывания, он знал, что об этом могут доложить в ЦК?

М.Х.: Конечно, знал. Табеев просто отмахивался: пусть доложат. Я его часто предупреждал об этом. Все ему было нипочем. Он потом только понял, что нельзя так.

Б.Х.: А о чем, например, можно было доложить?

М.Х.: Вот, например, помню я одно его выступление при полном зале в Доме политпросвещения. Он, в частности, сказал: «При нашей однопартийной системе, когда у нас нет политического оппонента, мы можем на корню сгнить».

Однопартийная система в СССР всегда считалась достоинством. А он выступает против однопартийной системы.

Б.Х.: В те времена такие высказывания были страшной крамолой, тем более из уст первого секретаря.

М.Х.: О, еще какая крамола! После выступления, выйдя из зала заседаний, сразу не расходимся, такой был порядок. Кто-то минералку пьет, кто-то курит. Там перед входом в большой зал было помещение, где обычно чайный стол накрывали. Первым своей степенной походкой туда проходит Батыев со словами: «Все, Фикрят, нормально сказал».

За ним идет Усманов, по ранжиру, предсовмина, — поэнергичнее, поживее. «Все правильно, поддали, — говорит. — Задачи поставили». И так далее. Ну и дальше я стою у выхода, там одна дверь в зал вела, а другая — к выходу. Табеев подходит ко мне: «Мансур, а ты что молчишь, ничего не говоришь?» «В целом все нормально, — отвечаю я, — но в двух местах вы загнули». Конечно, слово «загнули» в данном случае не совсем подходило, но, видимо, подобрать другое у меня времени не было. «Почему считаешь, что я загнул?» — заинтересовался Табеев. Я привел два момента: «Почему вы сказали, что без политического оппонента в лице оппозиционной партии мы на корню сгнием?» Это слишком резко сказано. Это криминал был в то время. «Второй момент: Ивана Бунина вы поставили впереди Льва Толстого. То есть эмигрант из советской России, — подытожил я, — для вас значимее ленинского «зеркала русской революции».

Б.Х.: А с тем, что однопартийная система ведет к загниванию, ты не согласен?

М.Х.: Я удивился тогда смелости Табеева. Чтобы была понятна ситуация, расскажу такой случай: в 1970 году мы ездили в Бухарест на праздничные мероприятия, посвященные 100-летию В. И. Ленина. Руководителем делегации общества дружбы СССР и Румынии был главный редактор журнала «Вопросы истории КПСС». Был такой очень влиятельный журнал ЦК. Мы вернулись, а когда прощались, он поблагодарил и сказал, что, если надо будет, свяжемся еще. Через какое-то время звонит: «Жалоба пришла из Бухареста на наше поведение, находится у М. А. Суслова. Нам, видимо, придется к Суслову пойти на прием».

Б.Х.: А что случилось в Бухаресте?

М.Х.: Чаушеску организовал прием по случаю юбилея Ленина. Полтора часа его прождали, он так и не пришел. Очень плохое впечатление осталось после этого. Для чего я это рассказываю? После нашего возвращения из посольства пришла жалоба, что, оказывается, мы были недостаточно бдительными, не критиковали их там.

Б.Х.: Кого не критиковали?

М.Х.: Наверное, не критиковали румынское руководство, которое проводило особую, независимую политику в экономической и военной организациях стран социалистического лагеря, что вызывало большое раздражение Москвы.

Б.Х.: А вы их не критиковали в должной степени, так получается?

М.Х.: Да, нас обвинили в том, что мы своим молчанием попустительствовали оппортунистам. Через некоторое время он снова позвонил:

Встреча с министром иностранных дел Шри-Ланки в материале газеты Ceylon Daily News. 19 декабря 1977 г.

Во время празднования 100-летия Ленина в Бухаресте. 1970 г.

«Кажется, уладили тот вопрос. Туда уж нас больше приглашать не будут». Вот такая история.

Б.Х.: Такие обвинения, от которых и отмыться-то трудно...

М.Х.: Да. Безукоризненного следования советскому пути в Румынии в то время уже не было.

Б.Х.: Получается, что и молчать нельзя, а лишнего болтать еще опаснее.

М.Х.: Окончательной причиной отставки Табеева послужили его высказывания во время застолья с первыми секретарями обкомов в одной из московских гостиниц. Когда сидели в ресторане, неосторожность проявил, высказался по поводу некоторых членов Политбюро ЦК. Об этом моментально доложили, как он их там назвал. Уже наутро они имели об этом полную информацию, вплоть до фотографий. Такие вещи нельзя первому секретарю делать.

Б.Х.: Он сейчас об этом не вспоминает?

М.Х.: Нет, уже опытом научен. Когда деятелей такого уровня, как Табеев, назначали послами (уж если он где-то «выработался» здесь, в стране), то только в развитые страны, а его — в Афганистан. Фикрят Ахмеджанович многое помнит, но сейчас говорить об этом не любит.

Б.Х.: Хотя сейчас уже ничего ему не грозит.

М.Х.: А сейчас кому говорить, зачем говорить? И потом, если раз обжегся на молоке, дуешь на воду. Как-то в 70-х годах Табеев послал меня в Шри-Ланку по линии Организации солидарности стран Азии и Африки. Там меня пригласил к себе домой наш посол и рассказывал о своей судьбе. Очень хотел вернуться в Союз. До этого он работал секретарем ЦК Компартии Узбекистана, но не сработался с Ш. Р. Рашидовым⁴⁸ и был сослан послом в Шри-Ланку. Только после смерти Рашидова его вернули, и закончил он свою деятельность председателем Совета национальностей Верховного Совета СССР.

Б.Х.: Кажется, я понимаю, о ком идет речь. Это Рафик Нишанович Нишанов, знаковая фигура в позднее перестроечное время.

М.Х.: Верно понимаешь. И потом, Табеев сам хорошо знал, за что его наказали. Все из-за его несдержанности.

Он понимал, что уже перерос должность первого секретаря. Он мог, конечно, быть секретарем ЦК, но ни в коем случае не рядовым послом. Однако такие должности татарам не давали. Когда М. С. Горбачев вернулся

⁴⁸ Шараф Рашидович Рашидов (1917–1983) — советский партийный и государственный деятель, в 1959–1983 гг. первый секретарь ЦК Коммунистической партии Узбекистана.

Табеева в Москву, он не дал ему должность его уровня, секретаря ЦК, например, или Председателя Совета Министров России.

Б.Х.: Недавно в своем интервью Табеев рассказывал, как скромно и небогато жили высшие партийные руководители республики в советское время. Ему задали вопрос напрямую: «Вы хорошо жили?» На что он ответил: «Мы очень маленькую зарплату получали. У нас больше ничего не было».

М.Х.: У Табеева случались такого рода высказывания. Он такой, какой есть. Зарплата первого секретаря была 500 рублей. Столько же получал завкафедрой, профессор университета. Не надо говорить, что мы бедно жили. Ничего подобного. Первый секретарь нигде бедно не жил.

Б.Х.: И цена этим деньгам была другая. Покупательная способность денег первого секретаря была другая. Там же была система спецраспределения.

М.Х.: А кроме этого, у него республика в руках. Да, мы получали такую же приличную зарплату, как, например, профессор. На это жаловаться нельзя. О какой бедности здесь можно говорить? Ничего подобного. Я тебе даже больше скажу, у татарстанских работников управленческого аппарата зарплаты были как в некоторых союзных республиках или даже больше по сравнению с некоторыми из них. В каждый приезд Табеева в Казань, он уже был пенсионером, я старался приглашать его в Академию наук, и мы подолгу разговаривали о разном. Как-то он мне сказал о себе: «Мансур, и великие люди ошибаются». *(Смеется)*.

Б.Х.: Он знает себе цену.

М.Х.: Я помню нашу последнюю встречу во время его работы в Совмине России, в Белом доме, так его называли. Как только я зашел, он сразу же: «Мансур, а я думал, ты уже ко мне не зайдешь. Уважающий себя человек здесь работать не может, — посетовал он. — Мне суют того-то на должность министра или зампреда, он ни черта работать не может». Я в ответ: «Вот я в таких условиях сколько лет работаю?» Он тут же с ходу заявляет: «А что, я тебе плохих министров давал?» «Не о вас лично речь, — уточняю я, — речь идет о взаимоотношениях партийных органов и исполнительной власти». Ненормальные взаимоотношения с ЦК на Старой площади в Москве, еще и название Старой площади называть даже не желает, хотя сам всю жизнь туда ходил, когда первым секретарем был. Табеев людей за одну встречу очень хорошо понимал. Ради чего человек работает, только лишь для своей карьеры или болеет за дело, скажем. Он в этом отношении был уникальной личностью. И у Табеева была своя школа, если можно так выразиться. Сколько союзных министров выросло в Татарстане. Это

не только по нефтехимии, но и по многим другим отраслям. Один даже членом Политбюро ЦК стал.

Б.Х.: Никонов?

М.Х.: Никонов Виктор Петрович был очень ярким деятелем и талантливым руководителем, он дошел до самого верха партийной иерархии. Был первым лицом в стране в сфере агропромышленного сектора, выше расти уже некуда. В последний раз мы с ним встретились на казанском вокзале, когда я встречал Камиля Валиева.

Б.Х.: Имеешь в виду академика Камиля Ахметовича Валиева?

М.Х.: Да, мы с ним были в дружеских отношениях, и я его, как правило, всегда встречал, когда он приезжал в Казань. Смотрю, появился Г. И. Усманов, спросил: «Тоже пришел встречать?» Я говорю: «Наверное, я встречаю не того, кого вы». Когда я сообщил, что жду Валиева, он настоял, чтобы мы встретили Никонova вместе. Я дал поручение Камиля Ахметовича пока не увозить.

Когда Никонов вышел из вагона, я его даже не узнал — до такой степени он изменился внешне. И не разговаривает, никакой реакции. Вот ведь что с людьми делает очень большая власть.

Б.Х.: В Казани он работал вторым секретарем обкома?

М.Х.: У меня даже одно обкомовское удостоверение им подписано. Обычно бывало так: если первый секретарь — татарин, то второй секретарь должен быть русским по национальности. От нас его отправили первым секретарем Марийского обкома. До упомянутой встречи на казанском вокзале наши пути однажды случайно пересеклись на вокзале в Москве, когда он уже работал в Йошкар-Оле. Он меня окликнул по имени, я остановился, сказал, что спешу. «Ничего, ничего, — говорит, — я сделал сегодня такое дело: договорился, фактически решил вопрос о создании марийского университета. Понимаешь? Если я больше ничего не сделаю для марийского народа, я уже сделал свое дело, выполнил свою миссию».

Это у нас, в Казани, многим кажется, что ничего особенного, университет существует уже двести лет. Но университет — это учебное заведение, определяющее на многие годы уровень развития того или иного народа и региона, на территории которого создается.

А Никонов, уже после того как уехал в Йошкар-Олу, мне несколько раз звонил и просил помочь то одного, то другого устроить учиться в Казанский университет. Вот таким был Никонов в те годы.

Б.Х.: В каком это было году?

М.Х.: Думаю, в 1971-м, я тогда только перешел работать в Совет Министров. Затем Никонов стал секретарем ЦК по сельскому

хозяйству, сменив на этом посту М. С. Горбачева, избранного Генеральным секретарем. Уже позже он остро спорил с Горбачевым по сельскохозяйственным вопросам, в которых разбирался лучше генсека. Никонов выступал также и против антиалкогольной кампании в стране, которая и пагубно отразилась на экономике, и сильно возбудила народ. А когда он резко выступил против Горбачева при обсуждении аграрной политики, то стало ясно, что генсек его долго держать не будет. Так вскоре и случилось, Никонова отправили на пенсию.

Б.Х.: В чем была суть их разногласий?

М.Х.: Горбачев все реформы сводил только к изменениям в сфере управления. Он начал с того, что создал суперведомство — Госагропром — путем объединения всех профильных сельхозминистерств. Никонов, человек, разбирающийся в сельском хозяйстве, считал, что реформы должны затронуть в первую очередь производство.

Б.Х.: В. П. Никонова же освободили от должности секретаря ЦК и члена Политбюро на том же самом пленуме, когда Усманова избрали секретарем ЦК?

М.Х.: Да, это было в сентябре 1989 года. А до этого Политбюро ЦК поручило Никонову провести пленум Челябинского обкома партии, чтобы назначить первым секретарем Б. М. Исаева. Тогда Исаев уже года два работал председателем Челябинского облисполкома. У нас в республике он был первым зампредом Совмина и отвечал за сельское хозяйство. Когда Усманов стал первым секретарем, он обещал Исаеву должность секретаря обкома, но в итоге назначил на эту должность М. Ш. Шаймиева. Таким образом, дальнейших перспектив роста в республике у Исаева не было, и Усманов договорился о его переводе первым заместителем министра заготовок России. Уже оттуда его направили в Челябинск, обещав в дальнейшем место первого секретаря. В итоге Никонов не смог провести кандидатуру Исаева.

Б.Х.: Тогда был разгар перестройки, ввели альтернативные выборы. Это распространялось и на первых секретарей областных комитетов партии. Потом он при Б. Н. Ельцине⁴⁹ стал заместителем Председателя Верховного Совета России и среди нескольких руководителей парламента подписал письмо о недоверии Ельцину как председателю. После

⁴⁹ Борис Николаевич Ельцин (1931–2007) — советский и российский партийный, государственный и политический деятель, в 1991–1999 гг. первый Президент Российской Федерации.

путча 1991 года, получив полную власть, Ельцин сразу его освободил от должности.

М.Х.: Не считались уже с указаниями отдела парторганов ЦК КПСС, который занимался качественным составом — кого и куда назначать. Региональным органам партии никакого дела уже не было до мнения ЦК. Хотя партия тогда уже срослась с государственным аппаратом, она неумолимо шла к своему краху. А с ней и государство. Если бы раньше взялись за реформирование... Если бы у руководства оказались талантливые, желавшие этого люди, они бы могли сохранить Союз.

ГЛАВА 4

ПРАВИТЕЛЬСТВО. Совет Министров ТАССР

Б.Х.: Очень важными для тебя лично и для работы должны были быть отношения с руководящими работниками в Москве. Ты упоминал уже А. И. Данилова и В. Н. Столетова. Можешь назвать еще кого-нибудь?

М.Х.: Я обязательно должен сказать о нескольких московских чиновниках, если формально подойти — моих очень близких друзьях, которые сыграли очень большую роль в решении тех или иных вопросов, с которыми я сталкивался, работая в обкоме и Совете Министров республики.

Надо упомянуть Николая Васильевича Маркова. Я познакомился с ним в первые дни моей работы в обкоме. Он устроился инструктором в аппарат ЦК еще во времена Сталина, а до этого после философского факультета МГУ занимался творчеством Лобачевского. Что-то вроде философского осмысления его наследия. Марков был самым близким и очень давним моим другом. Он много мне дал и научил работать с центральным партийным аппаратом в первые годы моей деятельности. Наша дружба продолжалась до последнего дня его жизни. Каждый раз, сколько я ходил к нему в ЦК, он знакомил меня с новым научным направлением — социологическими исследованиями, которое у нас стало развиваться во второй половине 1960-х годов.

Б.Х.: Эти исследования продвигали экономист академик А. Румянцев⁵⁰ и известный социолог И. Бестужев-Лада⁵¹.

⁵⁰ Алексей Матвеевич Румянцев (1905–1993) — советский и российский экономист, академик АН СССР.

⁵¹ Игорь Васильевич Бестужев-Лада (1927–2015) — советский и российский историк, социолог и футуролог, специалист в области социального прогнозирования

М.Х.: Был даже создан Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР. Помню, в конце 1960-х годов из Института этнографии Академии наук СССР обратились к нам с предложением провести в нашей республике социологические исследования социальной и национальной структуры городского и сельского населения. По результатам этого очень серьезного исследования под руководством Ю. В. Арутюняна⁵² и О. И. Шкаратана⁵³ была издана книга «Социальное и национальное: опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР». В этом исследовании участвовала и известный в настоящее время социолог Леокадия Дробижева.

Б.Х.: Она и сейчас часто приезжает в Казань.

М.Х.: Верно, она большой специалист и по межнациональным отношениям. А тогда это было как раз зарождением этносоциологии, и Татарстан стал, по существу, первой площадкой для такого исследования. Мы получили уникальные данные о состоянии национальных отношений в республике.

В 1971 году Марков жестко пострадал в тот период, когда была предпринята атака на недавно образованное Всесоюзное общество научного прогнозирования. Он был куратором от ЦК по этим вопросам. Вышло постановление секретариата ЦК под грифом «совершенно секретно» о незаконной деятельности этого общества, которому были предъявлены обвинения в использовании методов прогнозирования в международных отношениях и даже военной сфере. Я хорошо помню это постановление, оно пришло в том числе и к нам в обком. Тогда только зарождавшаяся у нас в стране социология как наука была отброшена на десятилетия назад.

Б.Х.: Кто-то должен был понести ответственность и в самом отделе науки ЦК.

М.Х.: В результате Маркова перевели на работу в Академию общественных наук.

Еще одним моим другом был В. А. Григорьев⁵⁴. Валентин Александрович пришел в ЦК в 1966 году из Московского энергетического

и глобалистики.

⁵² Юрик (Юрий) Вартанович Арутюнян (1929–2016) — советский и российский историк, этнограф, социолог.

⁵³ Овсей Ирмович Шкаратан (1931–2019) — советский и российский историк и социолог, один из основоположников российской этносоциологии, социологии неравенства, социологии города, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

⁵⁴ Валентин Александрович Григорьев (1929–1995) — советский и российский ученый-теплофизик.

института. Его взял к себе в отдел Сергей Павлович Трапезников⁵⁵, старый приятель Брежнева еще со времен работы в Молдавии. С Григорьевым у меня сложились самые теплые и дружеские отношения, хотя он и был моим непосредственным куратором в ЦК. Он мне очень помог в вопросе открытия в Казани филиалов Московского энергетического института в 1968 году и Ленинградского государственного института культуры в 1969 году. Он сыграл особую роль в становлении филиала энергетического института уже как ректор МЭИ⁵⁶.

С ним мы писали докторские диссертации в одно время. Он мне раз в неделю звонил: «Я закончил главу. А ты?» Так мы друг друга подтягивали.

Однажды в 1972 году звонит и говорит: «Мансур Хасанович, с Трапезниковым, с заводделом, отношения не сложились. Меня освобождают от работы в ЦК и опять возвращают проректором в институт». Чувствую, настроение у него очень плохое. Говорю: «Ты не расстраивайся нисколько. Ты сегодня проректор, завтра...» М. Г. Чиликин у них был ректором. Мы с ним уже несколько лет тесно сотрудничали по нашему филиалу. «Чиликину, — говорю, — уже не 50 лет, 20 лет на посту ректора. Тебе нисколько не надо расстраиваться». Четыре года он работал проректором по учебной работе МЭИ и в эти годы оказал очень большую помощь в становлении учебного процесса у нас в казанском филиале. В 1976 году Григорьев стал ректором в Москве, а у нас мы нашли в КАИ⁵⁷ нового ректора казанского филиала — я тебе об этом уже рассказывал. Будучи в дружеских отношениях с Григорьевым, мне легко было решать возникающие проблемы здесь, в казанском филиале. Григорьев в 1981 году был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1985 году по приглашению секретаря ЦК В. А. Медведева, который входил в ближайшее окружение Горбачева, ему предложили вернуться в ЦК уже на должность заведующего отделом науки и учебных заведений.

Мы с ним встречались на союзных совещаниях. Он, сидя в президиуме, глазами находил меня в зале. Вот так здоровался со мной. А потом в перерыве подходил ко мне в зале, спрашивал, почему я в последнее время не звоню и не захожу к нему. Я объяснял это большой дистанцией, возникшей между нами. По его словам, это не должно было быть причиной.

⁵⁵ Сергей Павлович Трапезников (1912–1984) — советский партийный деятель и историк, в 1966–1984 гг. член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР 7–10-го созывов.

⁵⁶ Московский энергетический институт.

⁵⁷ Ныне Казанский национальный исследовательский технический университет имени А. Н. Туполева

1. Назначение на должность

Б.Х.: Расскажи, как ты из обкома партии перешел на работу в Совет Министров. Это, мне кажется, был знаковый момент в твоей биографии.

М.Х.: В Совет Министров я попал по инициативе Гумера Исмагиловича Усманова⁵⁸. Меня пригласили на работу в субботний день. Иногда по субботам мы отдыхали. И в тот день я был дома, мы жили тогда на улице Достоевского. Мне позвонил Миннат Исламович Бухараев и сказал, что меня приглашают в обком к первому секретарю. Дело происходило так. Усманов пришел к Табееву и попросил: «Дайте нам Мансура Хасановича». Ответ Табеева был категоричен: «К вам он не пойдет». Но тут вмешался Александр Васильевич Гнеденков, заведомо организационно-партийной работы. Он отвечал за все кадры, входившие в номенклатуру обкома и ЦК. Это был в высшей степени порядочный человек, участник войны. Участники войны, с которыми мне пришлось работать, — это вообще были особенные люди.

Б.Х.: Какой порядок назначений был в то время?

М.Х.: Когда становилось вакантным место зампреда Совмина, в первую очередь рассматривали кандидатуры среди заведующих отделами обкома, кого можно выдвинуть по возрасту, состоянию здоровья, деловым качествам, знанию двух языков и так далее. Табеев был полностью уверен, что я не соглашусь на такое предложение. Александр Васильевич же сказал, что все-таки Мансура Хасановича обойти неудобно. Можно не рассматривать кого-то другого, но ему не предложить невозможно. Нужно убедиться, что у него нет желания идти на эту должность. Решили они меня пригласить. Ждали меня у Табеева в кабинете. Когда я зашел, мне сказали: «Есть мнение, чтобы выдвинуть вас зампредом Совмина. Нет ли у вас желания поработать на этом посту?» Вот тут я возьми да и скажи: «Вообще, это было бы интересно».

Табеев на меня обиделся. Видимо, не ожидал, что я могу, оставив его, согласиться на работу в Совмине. Но он и не воспрепятствовал

⁵⁸ Гумер Исмагилович Усманов (1932–2015) — советский партийный и государственный деятель, в 1982–1989 гг. первый секретарь Татарского обкома КПСС, в 1989–1990 гг. секретарь ЦК КПСС.

моему переходу. Он ведь вполне мог сказать: «Все, вопрос закрыт». Или вызвать меня одного и спросить: «Что ты делаешь?» И я бы против него, конечно, не пошел. Но он и этого не сделал.

Мне не хватило выдержки в этой ситуации. Я сразу выплеснул свою первую эмоциональную реакцию, а мне следовало сказать, что надо бы подумать, все тщательно взвесить и т. д. А потом можно было бы найти причину для отказа, сослаться на то, что маленькие дети или еще что-нибудь. Хотя я и сейчас считаю, что мне не следовало отказываться. Это не было с моей стороны спонтанным решением, поскольку мне, честно говоря, уже пресытила работа в обкоме. Это была работа без конкретного результата, в какой-то степени переливание из пустого в порожнее.

Б.Х.: А каким образом ситуацию можно было изменить, если было желание уйти из обкома?

М.Х.: Ну, случай подвернулся бы.

Б.Х.: Мне кажется, тут альтернативы все равно не было. Из-за того, что вот он обиделся, просто отказываться?

М.Х.: Но обиду Табеев не продемонстрировал, она ни в чем не проявлялась. Он как-то сказал было, ты, мол, меня бросил ведь. Я говорю: «Как я вас бросил? Я ведь не в другую республику уехал».

Но все равно такую фразу он сказал.

Б.Х.: Ну а какая была альтернатива, например? Все равно заводделом сидеть — это же не твой уровень. Секретарем обкома?

М.Х.: Вот сейчас ретроспективно я думаю уже. Секретарем обкома было бы не лучше.

Б.Х.: Та же самая демагогия?

М.Х.: Даже еще более высокий уровень демагогии, на ступень выше.

Б.Х.: Конечно, у секретаря обкома власть большая.

М.Х.: Сейчас все это обсуждать бессмысленно. Писать про какие-то другие возможные варианты — смысла никакого нет.

Б.Х.: Но ты потом сожалел, что вот так сказал и пошел в Совмин? Можно было как-то смягчить свою реакцию, но отказываться не следовало?

М.Х.: Мы с Усмановым были в хороших отношениях. Во время работы в обкоме я ему помог провести пленум обкома по итогам съезда КПСС. Во время той встречи у Табеева у меня было такое выражение: «Я с Гумером Исмагиловичем с удовольствием поработал бы». Это Усманову очень понравилось, я всегда с его стороны чувствовал поддержку. Мы с ним проработали в Совмине одиннадцать лет и всегда находили общий язык.

Б.Х.: Ты перешел на работу в Совмин в мае 1971 года и проработал там двадцать один год. Строго говоря, работа обкома партии и работа правительства принципиально отличаются. Обком — это направляющий орган власти, он выступает как куратор и проверяющий, а Совет Министров — это высший исполнительный орган. Что запомнилось тебе тогда, в первые дни или месяцы твоей новой деятельности во власти?

М.Х.: Это абсолютно так. Партия, а обком в частности, — это вдохновитель и организатор всех наших побед. Помнишь такой лозунг? С чего я начал? Я поехал защищать докторскую диссертацию в Институте востоковедения Академии наук СССР. (*Смеется*).

Б.Х.: Это когда Е. М. Примаков⁵⁹ был директором института?

М.Х.: Нет, это было еще до Примакова. В период моей защиты директором там работал бывший первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана академик АН СССР Б. Г. Гафуров⁶⁰. Когда я пришел к нему с диссертацией, которая состояла из трех солидных томов, он в первую очередь спросил меня, знает ли о моей защите первый секретарь обкома и какое у него отношение. Безусловно, он знал, более того, он очень благосклонно относился и торопил с защитой.

Б.Х.: А при чем здесь первый секретарь?

М.Х.: Директор института тут рассказал мне свою историю. «Когда я защищался, работал первым секретарем ЦК компартии Таджикистана. И когда уже почти выходил на защиту, один из моих друзей шепотом спросил, знает ли о защите Сталин. Я говорю, что это же не по служебной линии, это научная деятельность. На что этот человек мне сказал, что я допускаю ошибку. Действительно, я мог совершить большую ошибку. Тогда я попросился на прием к Сталину. Первых секретарей он принимал. Подготовил несколько вопросов. Сначала проинформировал о республике, ее знаменательных достижениях, текущих делах, нерешенных вопросах. Подготовил пять-шесть вопросов и последним — свой. Все шло нормально. Дойдя до своего вопроса, я вздохнул. Говорю: «Товарищ Сталин, я подготовил к защите докторскую диссертацию», — и все, остановился, не мог дальше вымолвить ни слова. Сталин, видя, что я прервался, сказал: «Ну, раз подготовили, защищайте».

⁵⁹ Евгений Максимович Примаков (1929–2015) — советский и российский политический и государственный деятель, экономист и востоковед-арабист, в 1996–1998 гг. министр иностранных дел Российской Федерации, в 1998–1999 гг. Председатель Правительства Российской Федерации.

⁶⁰ Бободжан Гафурович Гафуров (1908–1977) — советский государственный и партийный деятель, историк-востоковед, в 1946–1956 гг. первый секретарь ЦК Коммунистической партии Таджикистана.

Мой страх как рукой сняло. Я успокоился, и мне ничего не оставалось, как поблагодарить Сталина за предстоящую защиту. Вот так происходило в наше время».

Официального научного консультанта у меня не было. Но в Институте востоковедения были хорошие знакомые, с которыми в случае необходимости можно было советоваться. Никто и не мог меня консультировать, поскольку тема у меня была специфичная: «Эволюция творчества Г. Ибрагимова в советский период». Г. Ибрагимова я выбрал сам, еще в аспирантуре. Когда я заканчивал университет, его только что реабилитировали. Моя кандидатская диссертация была посвящена дооктябрьскому периоду творчества Г. Ибрагимова, а докторская — послеоктябрьскому. Произведения Г. Ибрагимова дают достаточно материала, он в этом отношении очень богатый писатель.

Б.Х.: Кого из Института востоковедения ты можешь вспомнить, с кем можно было бы советоваться?

М.Х.: Я имею в виду Израэля Самуиловича Брагинского⁶¹. Это был крупный востоковед, специалист по таджикской и персидской литературе. У нас с ним были дружеские отношения, мы постоянно переписывались до самой его смерти.

Б.Х.: В те годы требования к докторским диссертациям были строже?

М.Х.: Первый вопрос, который мне был задан чиновниками Института востоковедения, когда я поставил перед ними вопрос о защите и показал три тома диссертации: сколько прошло времени после защиты кандидатской диссертации? Я ответил, что десять лет и несколько месяцев. В итоге она была принята к рассмотрению. Если же срок был меньше десяти лет, даже не брали.

Б.Х.: В те времена защита докторской диссертации руководящими работниками — это было, наверное, редкое событие?

М.Х.: Действительно, это, скорее, не поощрялось. Если хочешь заниматься наукой и защищаться — оставляй работу. Когда я оформлял документы в диссертационный совет Института востоковедения, я еще работал завотделом науки и учебных заведений обкома. А когда защищался — уже месяц как был назначен зампредсовмина. И мне тогда Гафуров посоветовал, чтобы я не вносил изменений в документы в связи с новой должностью, потому что завотделом науки по своему служебному положению все-таки имеет основания для защиты докторской.

Б.Х.: Сейчас таких ограничений уже нет?

⁶¹ Израэли-Иосиф Самуилович Брагинский (1905–1989) — советский востоковед и литературовед, автор трудов по истории культуры и литературы Средней Азии и Ирана, таджикской и персидской литературы.

М.Х.: Да, вот я помню, мы ездили на защиту докторской диссертации Фариды Хайрулловича Мухаметшина⁶². Председатель совета все не давал мне слова. Оказалось, он планировал, чтобы я, поддерживая выступающего и будучи президентом Академии наук Татарстана, выступил с заключительным словом. В своей речи я упомянул о том, что у нас есть свой авторитетный совет в Казанском университете, где Мухаметшин тоже мог защититься. Но мы специально приехали к вам, чтобы и в будущем работать в одном направлении. Нас удовлетворяет, что наши научные подходы в вопросах федерализма во многом совпадают. Но, поскольку в любом совете есть свои правила, Мухаметшин хотел соответствовать высоким требованиям московского диссертационного совета.

Б.Х.: А по какой специальности Мухаметшин защищал докторскую?

М.Х.: По политологии. Он советовался со мной, пригласить ли Фарукшина⁶³ в качестве научного консультанта. Мне показалось это хорошей идеей, поскольку он был крупным специалистом по вопросам федерализма. У нас в академии он был членкором, но при мне его не успели избрать академиком. У него был сложный характер, и работать с ним было нелегко, но он политолог высокого класса. Один пример его отношения к науке. Ко мне с просьбами по его вопросам иногда обращался Р. К. Беляев⁶⁴: они были свояками. Иногда Фарукшин и сам обращался. В первый раз это произошло, когда у него на границе нашли запрещенную у нас иностранную литературу и КГБ⁶⁵ взял его на заметку. Эти книги Фарукшин приобрел за рубежом для работы — в этом ничего крамольного нет. Как же заниматься критикой антикоммунизма, не зная оригинальных трудов? Я специально по этому поводу разговаривал с А. Х. Бичуриным⁶⁶, который в то время был председателем КГБ. Абдулла Халилович ко мне хорошо относился и всегда прислушивался. По моей просьбе Бичурин дал указание, чтобы Фарукшина оставили в покое.

Б.Х.: Еще неизвестно, как бы это все могло обернуться.

⁶² Фарид Хайруллович Мухаметшин (р. 1947) — российский государственный и политический деятель, с 1998 г. Председатель Государственного Совета Республики Татарстан.

⁶³ Мидхат Хабибович Фарукшин (р. 1939) — доктор философских наук, профессор, действительный член Академии наук Республики Татарстан, заслуженный деятель науки ТАССР, РФ.

⁶⁴ Раис Киямович Беляев (1935–1996) — советский государственный и политический деятель.

⁶⁵ Комитет государственной безопасности СССР.

⁶⁶ Абдулла Халилович Бичурин (1911–1986) — советский государственный и политический деятель, генерал-майор.

М.Х.: Да, в советское время это было чревато очень большими неприятностями. Я помню мою первую поездку в США в семьдесят пятом году. Я был руководителем делегации молодых депутатов Верховного Совета. Первыми приехали американцы. Это были молодые политические деятели США. Мы их принимали в Казани.

Б.Х.: Это было время разрядки, потепления отношений с США при президенте Никсоне, как раз тогда был совершен совместный космический полет «Союза» и «Аполлона»⁶⁷.

М.Х.: Меня направили в качестве руководителя этой делегации. Замечу, что, будучи депутатами, они выполняли и другие должностные обязанности: были и секретари обкомов комсомола, и ЦК комсомола союзных республик. Кстати, в составе делегации был и Камиль Исхаков, будущий мэр Казани. Мы неплохо съездили, хотя и очень хлопотная была поездка. Бывали разные ситуации. Так, американцы задавали провокационные вопросы, например, можем ли мы открыто критиковать президента. Я отвечал, что раз мы не критикуем, значит, нет повода. Ну, трафаретный ответ, конечно, ничего не значащий. Они сразу понимали, что человек не хотел развивать эту тему, поскольку в составе делегации был человек из КГБ. Об этом знал только я, хотя кто-то, может быть, и догадывался. Однажды, подойдя ко мне, он сказал, что некоторые покупают и читают журнал «Посев»⁶⁸. Я говорю, что вы мне докладываете. Да вы сами покупаете и сами тоже читаете. Тогда хотя бы на одного читателя уже будет меньше. Я же не могу за ними следить.

Б.Х.: Наверное, и поодиночке нельзя было ходить?

М.Х.: Не один, во всяком случае. Втроем или впятером, я уж не помню сейчас. В то время совершенно другая была обстановка.

Б.Х.: А «Посев» провозить через границу не пытались?

М.Х.: Ну, этого я уж не знаю, по крайней мере, не помню, чтобы у нас были какие-то сложности на границе. Это была моя первая поездка в капстрану.

Б.Х.: Мы ушли немного в сторону от моего вопроса о первых месяцах работы в правительстве, что же осталось в памяти?

М.Х.: Очень хорошо помню — на Волге началась эпидемия холеры. В Ульяновске в августе 1971 года с теплохода, плывшего откуда-то с юга, были сняты пассажиры, инфицированные холерой. Затем заболевших выявили и в Куйбышевской области, а в Казани с того же теплохода сняли еще около двадцати инфицированных холерой. Тогда мы

⁶⁷ Первый международный совместный пилотируемый космический полет, который состоялся 15 июля 1975 г.

⁶⁸ «Посев» — журнал, эмигрантское антисоветское издание.

выяснили, что теплоход забирал воду для питья из Волги, которую затем дезинфицировали, но что-то там произошло в системе дезинфекции. Из воды Камы в районе Чистополя был выделен холерный вибрион.

Б.Х.: Я очень хорошо помню то лето, нам запрещали купаться в Волге. Как же нам, детям, было тяжело удержаться.

М.Х.: Стояла задача — не пускать холеру на территорию Татарстана. Считалось, что проблема с холерой окончательно и бесповоротно решена в Советском Союзе. К сожалению, есть болезни, которым свойственно возвращаться даже через много лет. Поэтому, чтобы не пустить холеру, мы держали пароходы на рейде, в шести километрах от речного порта. Среди туристов на этих пароходах оказались те, кто был из ЦК партии. Они стали жаловаться в Москву о том, какое мы имеем право запрещать пароходам заплывать в Казань. Но, когда об этом стало общеизвестно, они замолчали. Мы с трудом нашли единственного специалиста, кандидата медицинских наук, который занимался холерой. Была очень сложная ситуация. Холерный вибрион выявлялся еще два года во всех пораженных им населенных пунктах, расположенных вдоль Волги.

2. Новая сфера деятельности — медицина и здравоохранение

Б.Х.: Ты больше двадцати лет курировал вопросы медицины и здравоохранения в правительстве. Некоторое время назад главный хирург Минздрава ТАССР М. Ю. Розенгартен опубликовал книгу, в которой есть кое-что и о тебе. Приведу небольшой отрывок. «...Жизнь повернула иначе. Заметили организаторский талант ученого. В течение десяти лет занимает должность заведомо науки и учебных заведений Татарского обкома КПСС. Работая в обкоме, он особое внимание уделял развитию высшего образования в республике, улучшению качества учебно-педагогического процесса, кадровым вопросам.

...Я сидел за большим письменным столом, как обычно заваленным приказами, служебными письмами, жалобами, аттестационными делами. Раздался телефонный звонок. Знакомый, чуть приглушенный, мягкий голос:

— Если есть время, зайдите ко мне.

Идти-то три-четыре минуты. И Минздрав, и кабинет заместителя Председателя Совета Министров Мансура Хасановича Хасанова находились в Кремле. Многие годы мне пришлось работать в близком контакте с ним. Большой ученый, профессор, он курировал гуманитарные разделы — науку, здравоохранение, образование, культуру. И хотя очень не хотелось выходить на улицу, да и дел было много, я поспешил на очередную встречу с человеком, общение с которым приносило не только заряд оптимизма, но и чувство внутреннего обогащения, давало незримый импульс для дальнейшей деятельности. На сей раз он был явно в плохом настроении. Его беспокоило назначение на ответственную должность одного, в общем-то неплохого, но весьма ограниченного человека.

М. Х. Хасанов вышел из-за стола, рядом с которым стоял столик, заставленный разноцветными телефонами, коммутатором, и, обычно человек сдержанный, степенный, начал возмущаться, характеризуя этого горе-руководителя».

М.Х.: Розенгартен был человек очень надежный. Поэтому я с ним откровенно делился. Это был особый человек, от него никакая ненужная информация не выходила.

Б.Х.: *«Характеризуя этого горе-руководителя, у него вырвалась старая восточная поговорка: «Лучше, когда стадом баранов предводительствует лев, чем когда стая львов предводительствует баран».*

М.Х.: Кажется это приписывают и Наполеону.

Б.Х.: *«Он не терпел, негодовал, когда встречался с рутинной, штампами, консерватизмом. Меня всегда поражало его неординарное мышление, глубокое знание предмета, будь то частный разговор или выступление в большой аудитории. Хасанов был всегда противником интерференции незнания и полужнания. Мансур Хасанович часто приглашал меня в свой просторный кабинет».*

М.Х.: Я приглашал, потому что он был мыслящим человеком. Обычно у начальников, настолько перегруженных работой, совсем не остается времени ни думать, ни обобщать то, что сделано, ни анализировать, правильно что-то или нет.

Б.Х.: *«Мансур Хасанович часто приглашал меня в свой просторный кабинет, так как я курировал многие службы здравоохранения республики. «Я не удовлетворен качеством работы скорой медицинской помощи».*

М.Х.: Это моя фраза. Точно.

Б.Х.: *«Однажды сказал он строго: «Я предложил созвать расширенное совещание с представителями различных министерств и ведомств, от которых зависит состояние дорог и снабжение горюче-смазочными материалами, запасными частями для автомашин скорой помощи и так далее». Предложение было принято. Мансур Хасанович никогда не выступал с призывами: «Надо!», «Необходимо!», «Следует лучше».*

М.Х.: Агитацией и пропагандой я не занимался, это не мой стиль. Я работал на конкретные результаты. Например, по строительству больниц. Это также относится и к дошкольным, и к школьным учреждениям... Г. И. Усманов, по-моему, где-то писал: «Мансур Хасанович — основной организатор выполнения...»

Дело не только в организаторских способностях. Ведь я не мог не быть организатором. Сначала я писал республиканскую программу, где было прописано все до деталей: кто будет проектировать, строить, поставлять материалы, а затем оснащать построенное. Там же указывались сроки и ответственные за каждый участок работы.

Затем принимается программа и готовится постановление бюро обкома и Совета Министров, где последним пунктом значится ответственный за выполнение, например Хасанов. Был идеальный порядок во всем этом.

Б.Х.: К чему могло привести невыполнение постановления?

М.Х.: Любого могли вызвать на заседание бюро обкома, и вплоть до освобождения с работы.

Так, например, однажды, после моего подсчета вышло двадцать восемь тысяч ученических мест — это больше, чем в Москве. Я немного испугался, что на следующий год в Госплане СССР могут урезать финансирование. А без госплановского одобрения никакого строительства быть не может. Это я говорю по поводу школ. То же самое и с объектами здравоохранения. В отчетности я старался быть не в первой тройке среди регионов России, но и ниже первой десятки не опускаться.

Когда я пришел работать в Совмин, обеспеченность детскими дошкольными учреждениями в республике составляла семнадцать процентов. Это же будущее образования, науки, будущее всего! А когда я уже сдавал дела и уходил с должности, стало восемьдесят семь процентов. Я всегда был нацелен на конкретную работу. Вот почему я так долго говорю об этом.

Есть еще и больницы. Никто не ставил передо мной задачу во всех районных центрах иметь стационары. Я сам себе ставил цель и достигал ее. Когда я уходил с работы в Совмине, в каждом сельском районе было два или три профтехучилища — по сельскому и строительному профилю обязательно. Какой регион тогда был в таком же положении?

Б.Х.: Существовали ли какие-либо нормативы?

М.Х.: Из Москвы приезжали проверяющие. У них было такое выражение: «Начинаем пришивать к пуговице пиджак». Это значит, находишь какое-то незапланированное строительство и приводишь его к существующим нормативам. В конце 1970-х все деньги ушли на строительство в Москве.

Б.Х.: Имеется в виду строительство объектов московской Олимпиады⁶⁹?

М.Х.: Да. Олимпиада закончится — будем финансировать. Но после ее окончания приняли постановление ЦК и Совмина СССР, запрещающее новое строительство. Мы планируем одно, сообразуясь со сложившейся

⁶⁹ XXII летние Олимпийские игры 1980 г. проходили в Москве с 19 июля по 3 августа.

или складывающейся обстановкой, но возникают другие приоритеты и так далее.

Б.Х.: Я продолжаю цитировать Розенгартена: «За многие годы работы главным хирургом республики мне нечасто приходилось встречать руководителя, который никогда не оставлял начатое дело без контроля и не доводил бы его до конца. И вновь: «Зайдите. Мне нужны материалы для доклада на активе. Хотел бы, чтобы Вы написали тезисы».

М.Х.: Это мои слова. Действительно, я так говорил.

Б.Х.: «Через сутки-двое приношу доклад. Собралась огромная аудитория. Мансур Хасанович, не заглядывая в текст доклада, выступает без бумажки и говорит совсем о другом, наиболее актуальном и имеющем практическое приложение. Вдруг он вспоминает Боратынского: «Гете умел слушать, как трава растет, и понимал шум волн». Вот и медики должны слышать больного, зримо ощущать его нужды, его болезнь».

М.Х.: Я никогда не зачитывал написанные кем-то тексты. Медики — особые люди. Это интеллектуально очень развитая аудитория. Они были лояльными в отношении не только ко мне, но и к власти в целом. Ну да, я такие вещи делал, я имею в виду литературные отступления. Демагогов среди них не было никогда.

Б.Х.: «Под его руководством созданы условия для организации станций и отделений скорой медицинской помощи в городах и на селе. Их обеспечивали помещениями, оборудованием, кадрами, автотранспортом. Это он настоял на развитии сети травматологических пунктов в городах республики».

М.Х.: Я им задавал вопросы о скорой медицинской помощи. Предположим, сообщили, что в Муслумовском районе находится пациент в тяжелом состоянии, говорю, какое заболевание. Или болезнь еще неизвестна. Куда будете доставлять? Сколько пройдет времени? Если нужно делать операцию, успеете ли вы ее сделать? Куда будете везти? Сейчас можно быстро доехать по хорошей дороге. Может, придется ехать в Казань или Москву, поскольку не все проблемы решались в республике... Вот такие задачи я им ставил. Здравоохранению я отдавал много сил.

Я выходил перед аудиторией и такие вещи говорил, например, вы должны помнить, что когда вы здоровы, ваше здоровье в руках врачей. Ну, принимается эта часть. А когда вы заболели, ваше здоровье в собственных руках. Ну, по существу это же так. Если ты не будешь заниматься сам своим здоровьем, никто тебя не вылечит. Некоторые вещи сразу не доходили до аудитории, не все понимали, с первого так восприятия. Начинали шептаться: Мансур Хасанович оговорился,

Мероприятие, посвященное 100-летию со дня рождения С. С. Зимницкого.

На переднем плане слева направо:

И. Мухутдинов, М. Хасанов, В. Иванов,
Х. Хамитов, И. Рахматуллин. 1973 г.

М. Хасанов, И. Мухутдинов. Первая половина 1970-х гг.

Открытие поликлиники онкодиспансера. 1990 г.

хотел... А я слышу, я говорю, ничего не оговорился, вы вникните сначала. С ними было интересно работать.

Однажды на одном из мероприятий президент Академии медицинских наук СССР хирург-онколог Н. Н. Блохин обратился ко мне с вопросом о том, что я считаю самым главным недостатком в руководстве здравоохранением. И не только в руководстве, но и в работе учреждений здравоохранения. Я ответил не задумываясь, поскольку давно думал об этом: главным недостатком считаю то, что мы разорвали единый человеческий организм. Он един и неделим, а мы поделили его на части. И вот по частям и лечим. Я думаю, что это неправильно. Нужно умело проводить специализацию, а не с разрывом единого человеческого организма. Вот был раньше земский доктор, в какой-то степени универсал, и обслуживал он сельскую местность. Повторить это уже тоже глупо и невозможно. Сейчас другой уровень, другой виток развития медицины.

Б.Х.: Долгие годы министром здравоохранения республики был И. З. Мухутдинов. Каким он был руководителем?

М.Х.: Мухутдинов был очень хороший министр здравоохранения. Мы с ним долго работали. Иршат Закирович был очень деятельным и знающим свое дело человеком. Он проявил себя с лучшей стороны во время холеры в 1971 году, к тому же он является врачом-эпидемиологом. Министр прекрасно выступал с трибуны, у него была отличная дикция. Если ему дадут регламент полтора часа, полтора часа выступает, иногда к цифрам еще обращается. Это подкупало и очень нравилось многим, особенно если это еще и большие чиновники из Москвы. Как-то он пришел посоветоваться: его пригласили в Москву начальником отдела здравоохранения Совета Министров России. Я говорю, нет, это для тебя не уровень. Вот если бы предложили пост первого замминистра здравоохранения, тогда — да, стоило согласиться, а так — время терять. Он так и сделал — не поехал.

Б.Х.: Он двадцать лет проработал министром, а Усманов, как стал первым секретарем обкома, решил его заменить. С чем это могло быть связано?

М.Х.: Любой первый секретарь обкома всегда расставлял свои кадры. И Усманов не был исключением. У него было достаточно неоднозначных кадровых назначений. Если раньше он со мной все таки советовался, то в данном случае мое мнение проигнорировал. Усманов мне звонит и говорит:

— У меня сейчас встреча в моем кабинете с С. В. Михалковым, подъезжайте, вместе с ним побеседуем.

Мы с Михалковым были знакомы с начала 1960-х годов и неплохо знали друг друга. Мы часто встречались в том числе и в различных поездках по Советскому Союзу. Поэтому мне было приятно с ним увидеться, и нам всегда было о чем поговорить. Я приехал, мы посидели, пообщались. Вышли, проводив Михалкова, Усманов мне говорит: «Вместе поедем, до Кремля довезу». Когда в машине ехали, он говорит: «Я тебе министра... Нет, не «тебе», а «вам». На «ты» он ко мне никогда не обращался.

– Я вам министра здравоохранения нашел.

– Хорошо.

Он называет. Сразу как только фамилию назвал, я говорю:

– Нет, это не пойдет. Не пойдет.

Если бы это был не Усманов, а кто-то другой, я сказал бы помягче. «Подумать надо», как-то поделикатнее. А ему я свое мнение всегда высказывал напрямую: нельзя, не годится он на должность министра. Усманов не спорит со мной.

Б.Х.: Все-таки Усманов настоял на своей кандидатуре?

М.Х.: Да, в этом вопросе сразу он меня не послушал. Но проработал Кирилов на должности очень недолго.

Б.Х.: И вам пришлось искать нового министра?

М.Х.: В 1986 году была вспышка сальмонеллеза. Мамадышцы отравились мороженым местного пищекомбината.

Это было вечером. В оперном театре проходило закрытие Дней чувашской культуры, по-моему. Не дожидаясь окончания мероприятия, я поехал в Мамадыш и на месте провел заседание Чрезвычайной противоэпидемической комиссии.

После того как анализы подтвердились, всех отравившихся доставили в ЦРБ⁷⁰. Коек не хватало, и больных разместили в городской школе. Сотни кроватей немедленно привезли из Набережных Челнов. В школе устроили настоящий госпиталь. Но один смертный случай все же был. Все это продолжалось около недели, но чрезвычайную ситуацию мы выправили.

Как раз в Мамадыше я впервые увидел Царегородцева в деле и взял себе на заметку. Я и раньше слышал, что есть такой завкафедрой детских инфекций А. Д. Царегородцев. Вот, думаю, будущий министр. Специалист очень сильный, и очень интеллигентный человек. После этого я рекомендовал его на должность министра, и назначение сразу состоялось.

⁷⁰ Центральная районная больница.

В первое время он часто обращался ко мне с разного рода просьбами, с которыми, мне казалось, он и сам мог бы справиться. На что я ему говорил: «Ты министр, ты и решай. Ты, профессор, когда-нибудь станешь министром?» Так, в шутку, и он это понимал. Но все равно, работать с интеллигентным человеком — совсем другое дело. А вот, например, поставят какого-нибудь тупого чиновника, он будет молчать и уйдет, озлобившись...

Б.Х.: Его ведь довольно быстро забрали в Москву?

М.Х.: Да. По поводу своего назначения на пост замминистра он спросил моего мнения. Он пришел ко мне и несмело так спрашивает, вызывал Чазов⁷¹ и предложил эту должность.

Б.Х.: Вот это уже серьезная должность, если вспомнить историю с Мухутдиновым...

М.Х.: Вот так и случился его окончательный переезд в Москву. Он вырос до уровня заместителя союзного министра.

Как-то, еще до путча 1991 года, нас пригласили на совместное заседание Комиссии по здравоохранению Верховного Совета СССР и Комитета народного контроля СССР о медицинском обслуживании ветеранов Великой Отечественной войны. В ходе моего выступления стали задавать вопросы, некоторые еще и на прочность испытывали, проверяли, можно ли меня «положить на лопатки». Прозвучал вопрос о том, почему все участники войны до сих пор не обеспечены квартирами. В таких случаях, конечно, надо уметь защищаться, исходить из принципа «лучшее средство защиты — это наступление». Затем слово предоставили Царегородцеву, работу которого по обеспечению советских войск, находящихся в ГДР, начал критиковать Маршал Советского Союза депутат В. Г. Куликов. Отмечу, что Царегородцев держался очень достойно.

Позже он стал российским министром здравоохранения. Вот с такими людьми приходилось мне работать.

⁷¹ Евгений Иванович Чазов (1929–2021) — советский и российский кардиолог, академик АН СССР, в 1987–1990 гг. министр здравоохранения СССР.

3. Гумер Усманов

Б.Х.: Я бы хотел поговорить о том времени, когда первым секретарем обкома стал Рашид Мусинович Мусин. С его приходом обстановка изменилась?

М.Х.: Мусин многих поменял и в правительстве, и в обкоме. Он, мне кажется, не мог простить Табееву, что тот не рекомендовал его на должность первого секретаря. Табеев продвигал Ф. Г. Гайнуллина — секретаря обкома по нефтехимии. Конечно, рабочая обстановка стала другой. Мусин неоднократно пытался снять с должности Усманова, но ЦК не давал разрешения. Критика работы Совмина была перманентной.

Б.Х.: А конкретно в твой адрес выступали с критикой?

М.Х.: Приведу один пример. А заодно расскажу и о том, как проходило заседание бюро обкома. Это было в конце января 1981 года. У меня сохранились записи с этого заседания.

«Мусин ведет заседание бюро обкома. Усманова и секретаря обкома партии по сельскому хозяйству Ф. Садыкова на заседании не было: они участвовали в каком-то селекторном совещании по сельскому хозяйству.

Первый вопрос: принятие подготовленного постановления по Ленино-Кокушкино. Собралось человек 25. В адрес заместителя Председателя Совмина Ю. Валеева деликатно было сказано, что в 1985 году строительство необходимо завершить. Объем финансирования — 16–18 млн рублей».

Ю. С. Валеев⁷² был глазами и ушами Мусина в Совмине. Как только Усманов стал первым секретарем, Валеев был сразу же отправлен на пенсию.

«После этого перешли к вопросам образования. Вначале, конечно, утвердили кадровые назначения, в том числе ректора ГИДУВа профессора М. К. Михайлова, заведующего кафедрой философии университета М. Б. Садыкова и др.».

⁷² Юнус Сибгатуллович Валеев (1925–2009) — административно-хозяйственный деятель, заслуженный строитель ТАССР, в 1972–1983 гг. заместитель Председателя Совета Министров ТАССР.

Б.Х.: Кадровые назначения в вузах также рассматривались на заседании бюро обкома?

М.Х.: Безусловно, ректоры вузов — в обязательном порядке, а завкафедрами — только по общественным дисциплинам.

«Замзавотделом обкома В. Н. Липужина довольно хорошо доложила. К подготовленной для заседания справке и проекту решения бюро тоже особых замечаний не было. После этого Мусин обратился к председателю Госплана республики Ермакову Владимиру Васильевичу. Сказал, что в некоторых районах за пятилетку построено только по одной школе. Ермаков ответил, что на строительство одной школы уходит около трех лет. Потом в грубой форме Мусин обратился ко мне:

– Тов. Хасанов, столько лет сидите, докторскую диссертацию защитил, профессора получил, а кто будет селом заниматься? И Махмудов диссертацию защитил, и вы... Сколько лет я работал первым секретарем горкома, ни по одному вопросу вы ко мне не заходили. Хотел сказать, что и здесь меня не информируете».

Это для меня стало полной неожиданностью. Я, конечно, растерялся. Потом попросил слова. Мне пришлось признать критику справедливой.

Б.Х.: А как же принцип «лучшее средство защиты — это наступление»?

М.Х.: На заседании бюро обкома такая тактика не работает. Может стать только хуже: подумают, что я и критику не воспринимаю.

«Сказал, что, видимо, к этим районам не было должного внимания, и в будущем мы исправим положение. Но добавил, что тем не менее план строительства школ ежегодно выполнялся, в том числе и в сельской местности. В некоторых районах (Дрожжановском и др.) причиной недостаточного объема строительства были строительные организации.

Сказал, что необходимо увеличить их возможности. Перебив, он спросил:

– Кто должен увеличить? Это работа Совмина.

Выступил Батыев. Смысл его выступления: несколько раз получив зная победителей соревнования, успокоились. Перестали относиться самокритично. М. Хасанову нужно пригласить отстающие районы, с ними разобраться и принять конкретные меры.

Б. М. Исаев что-то сказал о проекте решения: усилить, резче записать, указать конкретную фамилию, имея в виду меня. Это было поручено М. Ф. Валееву.

На этом разошлись.

Потом в два часа было заседание Совмина. Когда оно закончилось, я позвонил Мусину. Спросил о том, какие будут указания по докладу на сегодняшнее вечернее мероприятие».

На вечер было назначено торжественное собрание, посвященное 70-летию Н. Жиганова. Там же Мусин вручил ему звезду Героя Социалистического Труда.

«А что касается доклада, он сказал:

– Я ведь доклад не читал, а М. Ф. Валеев сказал, что вы слишком сильно похвалили Жиганова.

Я ответил:

– Я ведь не вызывался писать доклад, вы сами перед Новым годом мне поручили. Вы Жиганова недооцениваете. Я написал доклад по вашему заданию, а теперь говорите, что я переборщил. Я ведь могу иметь отличное от Валеева мнение.

Он ответил:

– Хорошо, ты филолог, смотри сам, на юбилее можно и в форме аванса сказать. Хорошо, не обижайся, надо быть отходчивым».

Своими словами он хотел дать понять, что в такие моменты может и лишнего попасть, невозможно же всегда взвешивать каждое слово.

Б.Х.: Как отреагировал на это заседание бюро Усманов?

М.Х.: Я приведу свои заметки того времени.

«Утром следующего дня в кабинете Усманова. Рассказал о том, что произошло на бюро. Сказал: «Я сделаю соответствующие выводы из этого». Он спросил о том, как это было, добавив, что ему об этом никто не говорил. Я ответил, что в связи с тем, что некоторые районы (Дрожжановский, Черемшанский и др.) отстали по строительству школ, что он вспомнил мою защиту диссертации и то, что я получил звание профессора.

– Зачем, это ведь уже давние дела?

– Сначала оглушил, а потом вызвал на трибуну.

– У него же это единственный метод, а меня даже во время моего отпуска критиковал с высоких трибун. Например, по поводу выполнения плана по молоку. При личных встречах ничего не говорит, а на каком-нибудь совещании начинает критиковать. Если в гостинице полотенце грязное, в этом виноват Председатель Совмина. Я же не могу проверять полотенца по гостиницам. Ты слишком не переживай, это его форма работы. Он таким способом старается утвердиться. Это пройдет.

Когда я выходил, он сказал: «Дай бог, чтобы все так работали, как Хасанов».

Б.Х.: Очень интересная информация о том, как проходили заседания бюро обкома. Приходилось держать удар. Учитывая дружеские отношения с Табеевым, видимо, непросто было работать с новым первым секретарем?

М.Х.: Да, личные отношения очень важны. Конечно, с Мусиным у нас не было близких отношений и работать с ним было непросто, но он всегда старался быть объективным ко всем. Стиль руководства у него был совершенно другой, по сравнению с Табеевым, и к этому, конечно, приходилось привыкать. Любая смена первого руководителя предъявляет новые требования, это неминуемо, и в этом бывают и плюсы. Мусин, безусловно, привнес новую струю в работу.

Б.Х.: Он проработал первым секретарем неполных три года, до сентября 1982 года.

М.Х.: Да, тогда я как раз вместе с Разией собирался в отпуск на Западную Украину, во Львовскую область, где располагался санаторий «Трускавец». Он был известен своей водой, полезной для выведения камней. Я знаю все советские источники минеральных вод: на что влияют, чем полезны и так далее. Меня вызвал Мусин и в мягкой форме, как я это называю, спросил, не смогу ли я задержаться на несколько дней. Оказалось, что на какое-то мероприятие, организованное комсомолом, приезжает посол Афганистана Хабиб Мангал. И Мусин не хотел полностью возложить на них ответственность. Для нас это было важно еще и потому, что там сейчас послом работает уехавший от нас человек. Мне пришлось задержаться. Перед своим отъездом я зашел к нему. Он был очень благодарен, хорошо меня проводил... Это была наша последняя встреча. Буквально через три дня после отъезда, уже находясь в санатории, я узнал о смерти Мусина.

Б.Х.: Я хорошо помню тот день. Он полетел в Чистополь на юбилей первого секретаря Чистопольского горкома Г. Г. Полющенкова. И, когда вернулся на дачу, в Матюшино, ночью во сне умер.

М.Х.: Кстати, тогда в Молодежном центре с послом произошла одна история: он чуть не утонул в бассейне, но его вовремя вытащил Зуфар Бухараев, в то время работавший директором МЦ. Выяснилось, что Хабиб Мангал не умел плавать и даже не предупредил нас об этом. Вот какой был бы скандал! Всех бы поснимали.

Расскажу еще об одном случае, когда мы принимали родного брата К. У. Черненко⁷³. Тогда он был замминистра и генерал-лейтенантом МВД.

⁷³ Константин Устинович Черненко (1911–1985) — советский политический, государственный и партийный деятель, в 1984–1985 гг. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Р. М. Мусин, М. Х. Хасанов. 1979 г.

Организационное заседание
Академии наук Республики
Татарстан. 1992 г.

Юбилей Н. Г. Жиганова. Р. М. Мусин, Н. Г. Жиганов, М. Х. Хасанов, секретарь Союза композиторов СССР, Г. И. Усманов. 1981 г.

Его разместили в особняке у трампарка, сейчас там все перестроили, тогда это было другое здание. Во время ужина Н. У. Черненко попросил нас со вторым секретарем обкома В. С. Дергуновым организовать баню. Дергунов страшно испугался и отказался, сославшись на плохое самочувствие. Я тоже чувствовал себя не очень. Дергунов в баню так и не пошел, опасаясь, как бы чего не случилось с Черненко, все-таки он был пожилым человеком.

Пришлось идти мне. Как начал он меня парить! Казалось бы, это я должен его парить. Так он разошелся, прямо не остановить его, парится себе и парится. Сибирской закалки оказался. *(Смеется)*. Сам он приехал из Сибири. Рассказал о том, какие там есть татарские села.

На следующее утро Дергунов, дождавшись меня около подъезда, а жили мы с ним в одном доме, поинтересовался, какая была реакция у Черненко. Он все волновался о том, какое впечатление мы произвели на него. И в конце концов прислали информацию, что гость был удовлетворен итогами приема. Дергунов наконец успокоился. Он был очень осторожным человеком. Один из его родственников в то время работал в ЦК, был секретарем партийной организации ЦК КПСС. Ведь кто знает, что в бане может случиться с родным братом генсека, да еще и далеко не молодым.

Возвращаясь к Мусину, он был очень сильным и профессиональным руководителем. Это в свое время оценил уже С. Д. Игнатьев. Как-то мне Рашид Мусинович рассказал историю о том, как ему, тогда заместителю председателя Татарского совнархоза, в 1959 году Игнатьев предлагал стать Председателем Совета Министров республики. Но Мусин отказался.

Б.Х.: В начале октября 1982 года, после скоропостижной смерти Р. М. Мусина, встал вопрос о первом секретаре обкома.

М.Х.: Сразу после похорон заместитель заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК встречался с глазу на глаз со всеми членами бюро обкома. Они ему высказывали свои предложения о возможных претендентах на пост. Тогда обсуждались разные кандидатуры, и надо сказать, что шансы Усманова были не так велики. Ведь Мусин пытался освободить его даже от должности Председателя Совета Министров. Но тогда ЦК не дал согласия на это. Кстати, Мусин пытался снять и первого секретаря Набережночелнинского горкома партии Р. К. Беляева и назначить его прокурором республики. Тогда Беляев, используя все свои московские связи, остался руководителем Набережных Челнов.

Б.Х.: А кто еще фигурировал в списке кандидатов на пост первого секретаря, кроме Усманова?

М.Х.: Очень хотел стать первым Ф. А. Садыков. Он в последние годы работы Табеева вернулся из ЦК в Казань секретарем обкома по сельскому хозяйству. Мусинская команда лоббировала первого секретаря горкома Марса Рамеева. Думаю, что уже потом ЦК включил в список Беляева и первого секретаря Нижнекамского горкома Ильдуса Садыкова.

Почти месяц все мы ждали, кого же вызовут в Москву на согласование. В итоге в конце октября на заседание Политбюро вызвали Усманова. Гумер Исмагилович мне потом рассказывал, что Брежнев спросил его на заседании: «Как, вы разве не член ЦК?» На что Усманов ему ответил: «Нет, Леонид Ильич, но партийная организация Татарии неоднократно избирала меня делегатом съездов партии». А на пленуме Татарского обкома проголосовали за Усманова единогласно. На тот момент из членов бюро обкома трудно было назвать более сильного кандидата на этот пост, хотя мне известно, что, по существу, его в бюро мало кто поддерживал.

Б.Х.: А как решался вопрос о новом Председателе Совета Министров?

М.Х.: Усманов вначале выдвинул кандидатуру секретаря обкома Дергунова и пришел с этим вопросом к Ю. В. Андропову⁷⁴. Тот сразу ответил, что Предсовмина Татарии должен быть представителем коренной национальности и надо еще подумать. Это означало отказ. Вскоре умер Брежнев, и Андропов стал Генеральным секретарем ЦК. В итоге Москва вынудила Усманова назначить Предсовмина И. Х. Садыкова, который на последнем этапе остался в списке кандидатур вместе с Усмановым.

Б.Х.: Через год с небольшим тебя назначили первым зампредсовмина. Как это происходило?

М.Х.: Об этом у меня сохранилась запись того времени.

«В районе десяти часов вначале звонит обкомовский телефон. Звонят из первой приемной. Секретарь соединил с Усмановым. Он говорит: «Подъезжайте, пожалуйста, соскучился».

Когда я зашел, мы поздоровались, он пригласил меня сесть. После этого сказал: «Давай пока сделаем вас первым замом».

Словом «пока» он хотел дать понять, что что-то не договаривает.

Я ответил: «Вы меня знаете, я доверяю вашему чутью, я с вами готов работать на любом месте».

⁷⁴ Юрий Владимирович Андропов (1914–1984) — советский политический, государственный и партийный деятель, в 1982–1984 гг. Генеральный секретарь ЦК КПСС, в 1983–1984 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

М. Х. Хасанов и Г. И. Усманов.
Конец 1970-х гг.

Юбилей М. Ш. Шаймиева.
Поздравление коллег.
1987 г.

Сделав паузу, он добавил: «А простым замом назначим Мухаммата Сабирова».

Я сказал, что он строительство знает и будет хорошо.

Мы обсудили пару моментов, касающихся проекта школьной реформы. Сошлись во мнении, что все, о чем мы раньше говорили, реализовалось, в проект вошло. Я добавил: «Вот только одного не нужно было делать: выпускников 11-го класса не нужно пропускать через техническое училище, профессию им нужно давать параллельно, до окончания 11-го класса, тогда получится целостная система».

Он согласился.

После этого он позвонил Председателю Совмина И. Х. Садыкову, но его не оказалось на месте. Я сказал, что, наверное, он поехал смотреть, как строится мост через Волгу.

Я отметил его выступление (на отчетной конференции), сказав, что доклад получился хороший. Усманов согласился: доклад действительно получился хороший. И добавил, что это результат участия всех и многократных переработок.

После этого я встал, готовясь уйти. Он снова меня остановил: «У меня душа очень болит из-за того, что я для вас не могу ничего сделать». Он что-то хотел дать понять, но не мог сказать открыто, что-то ему мешало. И добавил: «Можно подумать, что я для вас ничего не сделал».

Я сказал, что я так не думаю.

«Вы, может, и не думаете, но ведь есть еще общественность. Пока пусть будет так, — продолжил он, — ведь не только от меня все зависит».

Попрощавшись, мы расстались. Сказав, что будем работать вместе, я ушел».

Б.Х.: Здесь Усманов открылся с неожиданной для меня стороны. Я почувствовал некоторые ноты сентиментальности, которые, как мне казалось, ему не очень свойственны.

М.Х.: Когда Усманов был предсовмина, он не раз мне говорил, что я был бы самым подходящим претендентом на должность Председателя Президиума Верховного Совета после Батыева.

Б.Х.: Так за чем же дело стало?

М.Х.: Видимо, став первым секретарем, Хасанов ему на этом посту уже был не нужен.

Б.Х.: Что ты имеешь в виду?

М.Х.: Понимай сам...

Б.Х.: Совсем недавно рядом с новым зданием педагогического университета был установлен памятник Сайдашеву⁷⁵. Как-то я от тебя слышал связанную с этим памятником историю. Можешь рассказать об этом?

М.Х.: В конце 80-х годов мы подготовили проект постановления Совмина РСФСР об установке памятника Сайдашеву и отправили его в Москву. Получив решение о сооружении памятника, Усманов поздравил меня. Я поблагодарил его за поздравление. Но мне все же хотелось узнать, какой памятник — во весь рост или бюст? А ко мне документ еще не пришел. Я его должен был получить на следующий день, поскольку в Совмин ТАССР документы приходили на день позже после обкома. Таков был четкий порядок.

Б.Х.: На установку памятника необходимо было получить разрешение Москвы?

М.Х.: В обязательном порядке. Поэтому я и спросил у Усманова, какой памятник. На что он ответил, что нет принципиальной разницы. В итоге оказалось, что это бюст. Я говорю: «Надо отослать обратно, Гумер Исмагилович. Завтра, когда этот документ ко мне придет, я не приму его. Памятник Сайдашеву должен быть во весь рост».

Спорить со мной Усманов не стал. Выразив свое недовольство, он положил трубку. Но у него была хорошая черта — настойчивость. Если он брался за какое-то дело, доводил его до конца. Через некоторое время он позвонил мне вновь. Оказалось, что он разговаривал с Табеевым. Замечу, что тогда Табеев уже вернулся из Афганистана и работал первым зампредом Совмина России. В его руках была очень большая власть. Он даже мне как-то сказал, что республика не использует его возможности. Усманов говорит, я с Табеевым договорился, он сказал как хотите, так и делайте. Это уже от вас зависит. Но финансировать и принимать памятник нужно было мне. А раз в документе сказано бюст, памятник во весь рост я ни финансировать не могу, ни принимать не имею права. В данной ситуации Усманов не мог мне возразить. Но он уже взялся за это дело и отступать не собирался.

Через некоторое время Усманов сообщил мне, что решил вопрос с Председателем Совмина РСФСР. Документ был отослан обратно. Позже все-таки было принято решение об установке памятника во весь рост. Усманов добился своего.

Б.Х.: Памятник Сайдашеву тогда так и не поставили. Почему?

⁷⁵ Салих Замалетдинович Сайдашев (1900–1954) — татарский композитор, один из основоположников татарской профессиональной музыки.

М.Х.: На рубеже 90-х годов кардинально изменилась ситуация в стране, в частности, возникли проблемы с финансированием. Но все-таки памятник был установлен совсем недавно перед новым зданием пединститута.

Будучи председателем правительства, Усманов часто обращался ко мне за советом. Он не мог возразить Табееву, когда тот давил на него, например, с кадровыми вопросами. Да и никто другой с Табеевым спорить не мог. Я уж не говорю — убедить. Убедить, может, и я не мог. Я давал Усманову рекомендации, как вести разговор и так далее. Так мы с ним работали.

В начале 70-х годов освободилось место первого зампредсовмина, отвечающего за сельское хозяйство, так у нас было принято в те годы. А это второй человек в правительстве. Табеев решил назначить на эту должность Б. М. Исаева, первого секретаря Аксубаевского райкома. Усманов был явно не в восторге от этой кандидатуры. У Усманова был весомый аргумент: он всего десять лет в республике, его плохо знают. Но Табеева было сложно переубедить. Посоветовавшись, мы придумали с Усмановым одну комбинацию. Предложили назначить А. М. Котова, работавшего зампредом по промышленности, первым, а Исаева — замом.

Б.Х.: То есть первый зампред теперь будет отвечать за промышленность?

М.Х.: Для Табеева это было неожиданным, Усманов сказал ему, что это я предложил такой вариант. На всякий случай я подготовился к разговору. Табеев не заставил себя долго ждать: «Мансур, куда ты не в свое дело лезешь?» На что я ответил: «Это всего лишь совет. В Советах мы работаем, Совет — это советоваться». (Смеется).

В результате эта комбинация прошла.

Б.Х.: Все-таки опыт общения с Табеевым у тебя был больше, чем у Усманова, ты знал его еще с университета.

М.Х.: Вот. У него свой был подход ко всему. Ни с кем это сравнить нельзя.

Б.Х.: Когда Усманов стал первым секретарем обкома, он, наверное, уже не нуждался в твоих советах?

М.Х.: Да, такого, как прежде, уже не было. Все-таки первый. Вспомни историю с назначением министра здравоохранения, например. Расскажу еще об одном случае. В конце апреля 1986 года — сейчас поймешь, почему я так хорошо помню дату, ко мне пришли министр здравоохранения Кирилов и главный санитарный врач республики. Было зафиксировано очень сильное радиационное загрязнение в нескольких точках города

Казани. И главное, точки разные. В Кремле — башня Сююмбике, площадь Свободы, рядом с обкомом, и Казанский горисполком. Я позвонил Усманову, я должен доложить, это очень особый вопрос. Мы исключили восточную сторону, рассматривали больше западную, но откуда это идет и где источник загрязнения, определить не можем. Он послушал и сказал, что, видимо, нам нечего делать и мы занимаемся ерундой.

Б.Х.: Я правильно понял, что это было связано с аварией на Чернобыльской атомной станции?

М.Х.: Мы об этом узнали только почти через четыре дня. В Чувашии тоже был повышен радиационный фон. После проверки наших объектов я абсолютно точно знал, что у нас источника нет.

Б.Х.: Меняет ли человека власть? И в какую сторону — в худшую или лучшую?

М.Х.: Власть всех меняет. Исключений не бывает. Думаешь, меня не изменила? И я уверен, что в лучшую сторону власть человека не меняет.

Б.Х.: Есть все-таки у некоторых людей, как уж это назвать, что-то вроде сопротивляемости этим изменениям?

М.Х.: Иммуитет какой-то, да, условно назовем. Если есть, это надо беречь и дальше развивать. Не всякий человек способен на такое.

Б.Х.: А у тебя был такой иммунитет?

М.Х.: Я считаю, достаточный для меня был. Но это не мне судить.

Б.Х.: Я хотел поговорить с тобой о скандальном деле, связанном с проведением юбилейного вечера, посвященного М. Джалилю. Я имею в виду так называемое дело Беляева.

М.Х.: Первым поводом стала история о скандале, последовавшем после «чаепития» с употреблением спиртных напитков с участием Беляева и ряда руководителей республики в московской гостинице. Я тоже там был.

Это произошло во время праздничных мероприятий в связи с юбилеем Мусы Джалиля в Москве. Беляев тогда был секретарем обкома и руководителем всей нашей делегации. Эти события проходили за восемь месяцев до известного пленума обкома.

Действительно, мы собрались подвести итоги в гостиничном номере Туфана Миннуллина⁷⁶. Здесь надо помнить, что в стране шел второй год пресловутой борьбы с пьянством и алкоголизмом. Один из присутствовавших затем подробно доложил все подробности первому

⁷⁶ Туфан Абдуллович Миннуллин (1935–2012) — татарский драматург, прозаик, публицист и общественный деятель, заслуженный деятель искусств РСФСР.

Выставка «Большая Волга».

Г. И. Усманов, А. М. Котов, А. П. Ткачев, М. Х. Хасанов. 1980 г.

секретарю обкома Г. И. Усманову.

Б.Х.: Ты можешь назвать, кто это был?

М.Х.: Фамилию я называть не буду, но это не являлось очень большим секретом. Вторым поводом стал инцидент в Мензелинске в начале 1987 года.

Беляев был человеком прямым, не считавшим нужным скрывать свое мнение. Он позволил себе неосторожные высказывания по поводу первого секретаря. Записи откровений Беляева моментально были отправлены по тому же адресу. Оргвыводы не заставили себя ждать. Именно тогда у Усманова окончательно созрела мысль: либо убрать Беляева, чтобы спокойно сидеть на своем месте, либо отправить за пределы республики.

Б.Х.: Беляева сняли с должности секретаря обкома, а тебе объявили выговор по партийной линии. А чем Беляев мог мешать Усманову?

М.Х.: Этот вопрос не имеет простого ответа. Беляев в конце 60-х годов был комсомольским лидером республики. Чрезвычайно активным и деятельным.

Этого не мог не оценить Табеев, что и привело к назначению его в Набережные Челны первым секретарем горкома перед строительством КамАЗа. Роль Беляева в строительстве завода и города огромна. Он работал напрямую с ЦК партии и союзным правительством, так как это была всесоюзная стройка. Его знали и ценили в самых высших эшелонах власти. При выборе кандидатуры на пост первого секретаря после Табеева в 1979 году Беляев еще не рассматривался. А Усманов тогда очень обиделся, что Табеев после себя рекомендовал молодого секретаря обкома Ф. Гайнуллина, а не его. После смерти Мусина в 1982 году Беляев уже был реальным кандидатом. В октябре 1982 года на последний момент претендентов осталось двое — это Усманов и первый секретарь Нижнекамского горкома И. Х. Садыков. Почему среди кандидатов не оказался Беляев, сказать трудно. Мне кажется, будь в полном здравии тогда член Политбюро ЦК, секретарь ЦК А. П. Кириленко, то все могло сложиться по-другому. Все годы строительства КамАЗа он был куратором Беляева от Политбюро ЦК.

Б.Х.: Действительно, в середине 70-х и начале 80-х годов Кириленко считался одной из важнейших фигур в партии и возможным преемником Л. И. Брежнева.

М.Х.: Когда отсутствовал М. А. Суслов, он председательствовал на заседаниях секретариата ЦК. Однако в дальнейшем его роль существенно снизилась в связи с серьезной болезнью. Всего через несколько дней после смерти Брежнева Ю. В. Андропов отправил его на пенсию.

Б.Х.: После сдачи второй очереди КамАЗа ЦК КПСС выделил несколько званий Героев Социалистического Труда, причем одно из них предназначалось партийному работнику, получается, что его должны были дать Беляеву?

М.Х.: Да, как первому секретарю Челнинского горкома, поскольку первый секретарь обкома Мусин не мог претендовать. Ему ЦК мог дать звание Героя отдельным решением. Но Татарский обком Беляева к званию Героя не представил. Отношение к нему было неоднозначным, и он это понимал.

Б.Х.: Все видели, что Беляев давно перерос Челнинский горком.

М.Х.: Правильно. Работники ЦК, и в первую очередь Кириленко, постоянно приезжавшие в Челны, видели в нем хорошего руководителя, которого нужно продвигать дальше. В Челнах он привык работать самостоятельно, все решать сам. На этой же почве он плохо сработался с курирующим стройку секретарем Татарского обкома М. Т. Троицким. Табеев постоянно улаживал возникавшие конфликты, понимая непростой характер Беляева. В итоге Троицкого перевели в Москву, а Беляева, уже после смерти Мусина, избрали секретарем обкома, и ему пришлось подчиняться правилам, которые существовали в обкоме. Но он привык быть первым.

Б.Х.: Усманов боялся его как сильного конкурента? А Беляев, видимо, угодничеством не занимался, не заискивал?

М.Х.: Да, он был слишком самостоятельным. Порой принимал решения, не согласовывая их с первым секретарем.

Б.Х.: Беляев подходил на должность секретаря обкома по идеологии?

М.Х.: Возможно, это был не совсем подходящий пост для такой фигуры, как Беляев. Как-то я спросил у Усманова, зачем же выбрали его, раз он их не устраивал. На что получил ответ, что его взяли секретарем по идеологии, чтобы держать поближе к себе и присматривать за ним. Усманов его побаивался. Одним словом, оба друг друга стоили.

Б.Х.: Потенциал, опыт и связи Беляева, наработанные в Челнах, были слабо реализованы после возвращения его в Казань. Это для республики было определенной потерей, не так ли?

М.Х.: Несмотря на недостатки, порой горячность, могучая энергия изливалась из него, Беляеву была присуща мощная харизма. Все это было свойственно ему еще во время работы в комсомоле, а затем — руководителем Челнов. Эта должность только отточила его лидерские качества. Потом все это проявилось на посту ректора Казанского института культуры, но масштаб уже был совершенно другой.

Мы с ним всегда были в очень добрых отношениях, еще со времен моей работы в обкоме. Когда я приезжал в Набережные Челны, он всегда находил время и мы подолгу общались в неформальной обстановке.

Б.Х.: Помню эти встречи. Как-то я присутствовал на одной из них. У меня тогда остались самые приятные воспоминания от ваших бесед.

М.Х.: Уже будучи ректором института культуры, Беляев обратился ко мне с просьбой помочь ему с получением звания профессора. Замечу, что без докторской степени это было сложно сделать. Конечно, я не оставил без внимания такую просьбу: позвонил министру общего и профессионального образования РФ В. Г. Кинелеву, поскольку Высшая аттестационная комиссия была в его подчинении.

4. Тысячелетие Казани

Б.Х.: Я знаю, что ты много работал с вопросом установления даты основания Казани. Я имею в виду прежде всего признание 1000-летия города. Давай поговорим об этом, и я хотел бы, чтобы ты рассказал некоторые подробности.

М.Х.: Начну немного с другого. В Казань после очередного съезда партии приехал Е. К. Лигачев⁷⁷. Это второй человек в партии, в отличие от других, человек принципов. Убежденный, с ясно выраженными целями. Меня определили ответственным за его пребывание на территории Кремля. Я должен был показать и рассказать ему историю Казанского кремля. Он отмечал все до мелочей, а именно что мы уделяем очень большое внимание его содержанию. Он согласился с моим мнением, что Кремль мы обязаны содержать в хорошем состоянии.

Б.Х.: Все-таки в советское время Казанский кремль был далеко не в идеальном состоянии. Хотя по сравнению с другими объектами города ему придавалось особое значение. Да и к приезду Лигачева там, наверное, навели блеск.

М.Х.: Безусловно. Но необходимо вспомнить времена, когда и на территории, и в некоторых зданиях Кремля была просто разруха. Во время войны во многих его помещениях были размещены работники эвакуированных предприятий. Здесь были организованы общежития, квартиры и даже детский сад. При этом в Кремле не было централизованной канализации. Мне все это подробно рассказывал Саид Мингазович Шарафеев, возглавлявший в те годы правительство республики. Для обустройства территории Кремля необходимо было решение союзного правительства. Когда Шарафеев приезжал в Москву, Молотов никогда не отказывал ему в приеме. Он каждый раз интересовался состоянием Булака. Будучи студентом Казанского реального училища, Молотов создавал Революционный союз и вел марксистскую пропаганду среди учащихся города, возможно,

⁷⁷ Егор Кузьмич Лигачев (1920–2021) — советский партийный и государственный деятель, секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС.

с тех пор он и запомнил Булак. Замечу, что Шарафеев соглашался с моим мнением о том, что было большим упущением вовремя не благоустроить Булак.

Б.Х.: Действительно, состояние Булака всегда было большой проблемой города. Некоторые даже предлагали засыпать его и сделать широкую магистраль.

М.Х.: Я тебе скажу даже больше, как-то Бондаренко⁷⁸, будучи вторым секретарем горкома, обратился к Табееву с идеей засыпать Булак. Он посчитал это неправильным и поручил мне заняться этим делом. Я согласился с его мнением, ведь это историческая протока города, и в свою очередь предложил рассмотреть вопрос о восстановлении этого канала, соединяющего озеро Нижний Кабан с Казанкой.

Б.Х.: Вспоминая Шарафеева Саида Мингазовича, нужно отметить, что он был очень талантливым человеком, единственным руководителем в республике, проработавшим предсовмина в два захода. Его отправили учиться в партшколу, а по возвращении это место, конечно, уже было занято. Но позже Шарафеева опять назначили на эту должность. Я еще застал Саида Мингазовича живым и помню его по даче в Матюшино, где он жил летом. Мы общались с его внуком, кажется.

М.Х.: У него была потребность все рассказывать мне, а мне все это было очень интересно, поскольку Шарафеев знал много об истории Татарстана довоенного и послевоенного периода. Мы с ним много гуляли в Матюшинском лесу. Он знал многое о кадрах. Конечно, он был недоволен некоторыми вещами, он ведь мог еще работать.

Б.Х.: Кажется, с ним обошлись не очень хорошо?

М.Х.: Игнатьев отправил его на пенсию в 53 года. Между прочим, и Табеев очень хорошо относился к Шарафееву. Вот что мне запомнилось. Шарафеев поехал в Москву на лечение, а перед этим мы с ним встретились в сквере, где сейчас стоит памятник Баки Урманче⁷⁹. Самочувствие у него было плохое, по лицу было видно. Вот, говорит, еду в Москву и совсем не верю уже, что вернусь. И действительно, он умер в Москве. Председателем комиссии по организации похорон был Ю. С. Валеев. Такую комиссию по похоронам образовывали в случае, если уходил крупный деятель культуры, писатель, артист или

⁷⁸ Александр Иванович Бондаренко (1922–1997) — председатель Исполнительного комитета Казанского городского Совета народных депутатов.

⁷⁹ Баки Идрисович Урманче (1897–1990) — советский татарский живописец, скульптор, график, фотограф, народный художник РСФСР, ТАССР.

ученый, а также государственный деятель. Все расходы брала на себя республика. Юнус Валеев был тогда зампред Совмина по строительству. По его поручению панихида должна была проходить дома у Шарафеева. Я заметил, что это неправильное решение. Все-таки ему нужно было посоветоваться со мной об организации похорон, кого как нужно провожать, к кому как относиться, кроме должностей есть еще очень много других нюансов.

Позже я узнал, что его будут провожать из Дома офицеров, сейчас это здание городской ратуши. Это было указание Табеева, который устроил разнос Валееву, узнав о его поручении.

Б.Х.: Вернемся к экскурсии Лигачева по Кремлю.

М.Х.: Так вот, в конце нашей встречи он поинтересовался, почему в таком запущенном состоянии находится Свияжск. На что я ответил, что необходимо в первую очередь выселить с острова исправительную трудовую колонию и психиатрическую лечебницу, а они в подчинении союзных ведомств. А уж потом заниматься восстановлением. Он не стал больше по этому поводу ничего говорить. Лигачев живо интересовался, внимательно слушал и был очень удовлетворен все увиденным. Он понимал национальные проблемы, их специфику и значимость в идеологических вопросах.

Затем Лигачев спросил, сколько Казани лет. У него был сопровождающий, завсектором ЦК по кадровым вопросам, он тут вдруг решил вмешаться и сказал, что это уже решенный вопрос. Завсектором хотел, чтобы мы ушли от этой темы, поскольку Москва ее закрыла. Но Лигачев захотел, чтобы я сказал: «Пусть профессор сам ответит». Меня ведь представили ему еще и как профессора. Когда прощались, очень меня благодарил, столько хороших слов сказал.

Б.Х.: А что ты ответил по поводу возраста Казани?

М.Х.: Я сказал ему, что городу 800 лет. В то время эта идея была в наших умах.

Б.Х.: Раз уж мы затронули тему 800-летия Казани, не мог бы ты рассказать, как проходило утверждение этой даты?

М.Х.: Говорят же, что 800-летие не состоялось из-за М. А. Суслова. По возвращении из Москвы секретарь обкома М. Валеев и группа наших историков были очень расстроены тем, что этот вопрос не был решен положительно. Валеев рассказывал, что заходил к Суслову, и тот спросил: «Казани сколько лет? Восемьсот? А Москве разве не знаете — семьсот пятьдесят. Этого быть не может». Суслов — это не тот человек, который так мог сказать. Я всю эту историю досконально изучил, побеседовал с теми, кто участвовал в этом процессе. На самом деле Суслов дал

Конференция по Евразийству.

Ф. Х. Мухаметшин, Ч. Т. Айтматов, М. Х. Хасанов, А. Г. Дугин, Р. С. Хакимов. 2000 г.

Юбилей М. Х. Хасанова. 2000 г.

поручение Академии наук СССР рассмотреть этот вопрос. Академик Б. А. Рыбаков⁸⁰ тогда был категорически против, и в итоге Академия наук дала отрицательное заключение.

Б.Х.: Вопрос о возрасте Казани оказался настолько важным, что решить его пытались многие поколения историков, причем не только казанских?

М.Х.: Да, он не давал покоя ученым и руководству Казани на протяжении почти 200 лет. Значительно активизировалась работа над этой проблемой в конце XIX века, когда в 1894 году Казанская Городская дума предприняла очень энергичную попытку поставить точку в многолетнем споре. В 1970-х годах профессор А. Х. Халиков⁸¹ заставил нас посмотреть на историю Казани по-новому, но не хватило бесспорных доказательств. Если помнишь, в середине 70-х годов даже собирались отмечать 800-летний юбилей города. Но только масштабные исследования последних лет, усилия ученых Института истории Академии наук Республики Татарстан и Казанского университета во главе с М. А. Усмановым⁸² позволили получить окончательный ответ. Мы нашли поддержку мирового сообщества, когда в работу были вовлечены ученые 18 стран. Естественно, все это было бы невозможно без неутомимой энергии и целеустремленности мэра Казани К. Ш. Исхакова.

Б.Х.: Если бы тогда признали дату 800-летия Казани, то потом уже вряд ли проводились бы столь интенсивные археологические исследования на территории Кремля. Кто был их главным инициатором?

М.Х.: Ты знаешь, это идея Исхакова. Он внес в это дело очень большой вклад. Даже несмотря на полученные новые археологические данные, вся идея о 1000-летию Казани была бы невозможна без поддержки М. Ш. Шаймиева⁸³. Такого масштабного празднования тысячелетия могло бы и не быть, если бы не авторитет Шаймиева в Московском Кремле.

Б.Х.: А в чем заключается принципиальная новизна последних исследований казанских историков?

⁸⁰ Борис Александрович Рыбаков (1908–2001) — советский и российский археолог, организатор науки, исследователь славянской культуры и истории Киевской Руси.

⁸¹ Альфред Хасанович Халиков (1929–1994) — советский и российский историк и археолог, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан.

⁸² Миркасым Абдулахатович Усманов (1934–2010) — советский и российский историк, археограф, действительный член Академии наук Республики Татарстан, заслуженный деятель науки ТАССР.

⁸³ Минтимер Шарипович Шаймиев (р. 1937) — советский и российский государственный и политический деятель, в 1991–2010 гг. Президент Республики Татарстан, с 2010 г. Государственный советник Республики Татарстан.

М.Х.: Долгое время возраст городов определялся преимущественно по первому упоминанию их в летописях и других письменных источниках. И совершенно не учитывался тот факт, что в летописи не попадали малые и средние города, а если и попадали, то это происходило уже после нескольких веков их существования.

Например, подобная участь постигла знаменитые города Булгар и Сувар, которые были хорошо известны в X – начале XIII века на Востоке, но русские их не знали. Ограниченность письменных источников и заставила казанских историков более внимательно изучать археологические материалы. Для этого необходимо было проведение широкомасштабных раскопок и выделение древнейшего культурного слоя, так называемого пятого. Наши археологи должны были доказать непрерывность накопления слоев с момента возникновения города и до наших дней, при этом важно было установить социальный статус первоначального поселения.

Б.Х.: То есть нужно было выявить признаки города: оборонительные укрепления, торгово-ремесленный посад. Получается, что методика предполагает синтез данных различных наук, в том числе и естественных.

М.Х.: Но приоритетная роль отводилась все-таки археологии. Эти работы велись под руководством Ф. Ш. Хузина⁸⁴. Раскопки проводились и в историческом центре города. Уникальные находки и выявили те самые признаки, которые позволили говорить о существовании городского поселения на месте современной Казани.

Б.Х.: Находки прошли экспертизу, в том числе и в зарубежных лабораториях, насколько я помню.

М.Х.: Совершенно верно. И возраст археологических материалов был подтвержден данными смежных наук. Математики совместно с историками путем аппроксимации называли окончательную дату. Такой комплексный подход показал себя как очень плодотворный. Получается, что мы ввели новую методику определения возраста древних городов. В этом нам помогли тюрколог С. Г. Кляшторный, археологи А. Н. Кирпичников и Е. Н. Носов, я имею в виду методику и методологию исследований.

Б.Х.: Ты был участником этих событий с самого начала. Как относились к активным исследованиям казанских ученых столичные историки?

М.Х.: Относились не только с пониманием, но и всячески интересовались и помогали нам. Начну с того, что все отчеты наших

⁸⁴ Фаяз Шарипович Хузин (р. 1951) — археолог, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, заслуженный деятель науки Республики Татарстан.

археологов, в которых были представлены чертежи и фотографии древнейших пластов, проходили экспертизу в Институте истории РАН. Находки, привлекаемые для датировки, изучались независимыми экспертами из Москвы и Санкт-Петербурга, а также Берлина, Праги, Будапешта и Каира. На раскопках в Казанском кремле неоднократно бывали академик РАН В. В. Седов, известные археологи А. М. Белавин и Р. М. Мунчаев.

Б.Х.: Ты присутствовал на том заседании Отделения истории РАН, на котором было вынесено окончательное заключение, что Казани 1000 лет?

М.Х.: Я не только был на этом заседании, но и выступал. В начале я рассказал о проведенных нами, совместно с институтами других стран, научных конференциях. Всего в этих обсуждениях участвовало пять российских академических институтов и несколько зарубежных, в общей сложности не менее 10 научно-исследовательских институтов стран Европы, Азии и Востока. Далее я подвел к тому, что на основании данных российских и европейских институтов вырисовывается такая картина, что Казани 1000 лет. Вел обсуждение Александр Александрович Фурсенко⁸⁵, тогда академик-секретарь Отделения истории РАН. Он сыграл важную роль. Надо сказать, что его отношение к гипотезе казанских ученых было очень требовательным и критичным. Он подчеркнул свою нейтральную позицию в этом вопросе, сказав, что будет ориентироваться только на научную объективность. И как истинный ученый он не сделал заключения, пока сам не убедился в бесспорности доказательств в пользу 1000-летнего возраста Казани. Члены Отделения признали оригинальную методику определения даты происхождения городов, апробированную казанцами, как научное открытие. Окончательное заключение о дате происхождения Казани было принято единогласным голосованием, при одном воздержавшемся. Им был директор Института этнологии В. А. Тишков⁸⁶.

Б.Х.: 1000-летний возраст Казани стал толчком еще для одного масштабного проекта — возрождения Великого Волжского пути.

М.Х.: Казань выступила инициатором проведения нескольких международных конференций по проблеме возрождения Великого

⁸⁵ Александр Александрович Фурсенко (1927–2008) — советский и российский историк, академик АН СССР, академик РАН.

⁸⁶ Валерий Александрович Тишков (р. 1941) — советский и российский историк, этнолог, академик РАН, министр по делам национальностей Российской Федерации, в 1989–2015 гг. директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

М. Ш. Шаймиев, М. Х. Хасанов. 1999 г.

Слева направо: К. Ш. Исаков, К. А. Валиев, Р. Ф. Муратов, М. Х. Хасанов.

Волжского пути. Приезжали ученые из стран Европы, Азии и Африки. Были также экономисты, бизнесмены, общественные и политические деятели. Можно сказать, что открытие наших историков послужило началом создания новых научных, общественных и, хочется думать, экономических проектов.

Б.Х.: Логическим подтверждением древнего возраста Казани можно считать включение Казанского кремля в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. В этом списке, как известно, 690 культурных, природных и смешанных объектов, расположенных в 118 странах мира. Среди них такие знаменитые памятники, как египетские пирамиды, статуя Свободы, Сергиев Посад, Кижи, Московский Кремль. Неужели Казанский кремль может состязаться с этими памятниками по уникальности?

М.Х.: Мне кажется, нельзя ставить так вопрос. Каждый из этих объектов уникален и неповторим по-своему. Казанский кремль, по мнению специалистов ЮНЕСКО, — удивительный памятник культуры. Именно с точки зрения развития культурного многообразия и преемственности поколений, влияния двух мощнейших религий мира — ислама и христианства — мировое сообщество признало Казанский кремль уникальным памятником культуры. Он признан исторической ценностью всего мира.

Б.Х.: История Казани неотделима от истории нашего народа. Для татар всего мира столица Татарстана — символ государственности и национальной идентичности.

М.Х.: Казань всегда отличалась сбалансированностью внутренних отношений между представителями разных народов и конфессий, город является ярким воплощением единства культур при всем их многообразии. Все эти обстоятельства и лежали в основе огромной заинтересованности правительства Татарстана в работе ученых по установлению истинной даты основания города.

Б.Х.: Ученые поставили последнюю точку в многолетнем споре о возрасте Казани. А что дальше?

М.Х.: А дальше нужно идти в направлении еще более углубленного изучения истории не только Казани, но и других исторических татарских городов: Булгара, Биляра, Суvara. Они были связаны со многими странами, а главное, стали местом пересечения цивилизаций и религий и средоточием различных культур.

5. Татары в братской семье народов СССР

Б.Х.: Во времена Советского Союза ты часто бывал в республиках Средней Азии. Как там относились к татарам и татарской культуре в целом?

М.Х.: В 1970 году я ездил с поэтом Ахметом Исхаком в Ашхабад на торжественные мероприятия, посвященные 200-летию туркменского поэта Кемине. В тот период первым секретарем ЦК Компартии Туркменистана был Мухамедназар Гапурович Гапуров. Во время встречи у него в кабинете он сердечно меня обнял и начал разговор с того, что татары — их учителя, повторял это через каждое слово. Гапуров это всячески подчеркивал и не считал зазорным. Но на один момент я обратил внимание. На другой день состоялось торжественное заседание, посвященное юбилею. Наслушавшись накануне от Гапунова хвалебных речей о татарах, я был снедаем любопытством, когда татарам, то есть мне, предоставят слово. Надеялся, что дадут пораньше, продемонстрируют на деле свое почтительное отношение. Ничего подобного. Пока все союзные республики не выступили, нам слова не дали. Правда, после них, конечно, предоставили в первую очередь. У Татарстана тогда, естественно, был первый ранг среди автономных республик. Ну, они вынуждены были так поступать. На словах одно, а на деле другое. Существовал строгий порядок, протокол, жесткое ранжирование, и нарушить его было невозможно.

Меня тогда сопровождала моя коллега, замзавотделом ЦК Компартии Туркменистана М. Моллаева, в прошлом первый секретарь ЦК комсомола. Я ее запомнил в связи с тем, что позднее по их просьбе мы напечатали им энциклопедию. У них даже не было для этого собственной полиграфической базы. Они были нам за это очень благодарны.

Б.Х.: А у нас была полиграфическая база, но не было своей энциклопедии...

М.Х.: Вот такие парадоксы советского ранжирования союзных и автономных республик. Затем она стала секретарем ЦК партии Туркмении по идеологии, и с ее подачи в 70–80-е годы устраивались ужасные гонения на деятелей искусства.

Б.Х.: Это общая проблема подбора кадров в идеологической сфере.

М.Х.: Уважение может быть только к личности. Если тот или иной руководящий работник сделал много полезного и хорошего для людей, своего народа, в конце концов, его можно уважать или даже гордиться им. Но очень часто представители политической элиты убеждены в своей значимости и претендуют на уважение к себе только в силу занимаемой ими должности.

Б.Х.: Это уже, получается, уважение к статусу.

М.Х.: Но проблема кадров так быстро не решается. Это, например, как подготовка профессиональных музыкантов: нужно много времени, только после этого можно рассчитывать на какой-то результат. И то, если проводить правильную политику. Отдельные таланты в искусстве, конечно, могут проявиться и пробить себе дорогу. Но это будут единицы. И в политике они тоже появляются. Но я говорю об уровне в целом.

Среди бывших мусульманских союзных республик татарская культура, как и татары вообще, занимает особое место. Нет других, кто бы мог потягаться с татарами литературой, искусством, тем более если говорить о музыке. На эту тему, помню, я обстоятельно беседовал со многими руководителями союзных республик. Не было такого, чтобы я сам проявлял инициативу в этом вопросе. Шараф Рашидов, правда, немного ревниво относился к татарам, не хотел ущемлять узбеков, но он этого не выражал при беседах. А остальные так вопрос и не пытались ставить. У такого отношения Шарафа Рашидова было две причины. Во-первых, он бывший председатель Союза писателей Узбекистана и прекрасно знал историю культуры и литературы Востока.

Б.Х.: Может, у него были нереализованные писательские амбиции?

М.Х.: Не совсем амбиции. Он слишком был в теме. Я имею в виду, что он знал истинное значение татарской культуры. Ему по должности нельзя было превозносить татар. Не открытый, замкнутым человеком он мне показался. Второе: все-таки у узбекской нации культура очень древняя.

Б.Х.: Но нельзя самоутверждаться, ущемляя и недооценивая других.

М.Х.: Вот узбекский народный поэт Гафур Гулям писал по этому поводу: «Мы бесконечно благодарны беззаветно преданным своему делу татарским просветителям, которые дали нам первый узбекский шрифт, первых наборщиков. С их помощью мы вступили в новый этап культурного развития. Первые учителя новой эры пришли к нам из Татарстана, первые учебники новой эры были напечатаны в Казани».

Б.Х.: То, что мог озвучить узбекский народный поэт, руководитель Узбекистана позволить себе не мог.

М.Х.: Татар много было в Средней Азии. Они учились там в мусульманских центрах, а уже потом сами стали открывать здесь джадидистские школы. Одна из первых таких школ в Самарканде была открыта Исмаилом Гаспринским на деньги татарских купцов.

Б.Х.: Садриддин Айни, классик таджикской литературы, тоже говорил, что приобщился к русской культуре через Габдулла Тукая.

М.Х.: Действительно так. Тот же Гафур Гулям говорил: «Габдулла Тукай и наш поэт, по праву считается нашим учителем». Я хорошо помню его эмоциональное выступление на 80-летию Тукая в Казани в 1966 году.

Б.Х.: Уважительное отношение к предкам связано одновременно с конфуцианством и исламом. Глядя на современные реформы в среднеазиатских республиках, я вижу, что они продолжают именно эту, конфуцианскую или восточную китайскую линию. Один правитель приходит на смену другому и называет себя его преемником. Они эту цепочку преемственности в сознании людей не прерывают.

М.Х.: Среди руководителей республик этого региона были очень просвещенные люди. Я говорил уже о Б. Г. Гафурове. Он автор нескольких фундаментальных трудов по истории таджикского народа. Гафуров, когда я защищал докторскую диссертацию в Институте востоковедения, рассказывал, что его наставниками были Айни и Гулям. Тот же Ш. Рашидов занимался также творческой деятельностью, написал несколько романов и пьес. А Д. А. Кунаев⁸⁷ был крупным ученым в сфере горной металлургии, президентом Академии наук Казахской ССР. Все они имели большой авторитет.

Б.Х.: Кому было выгодно, чтобы после смерти Брежнева именно с Узбекистана началась так называемая «борьба с коррупцией»?

М.Х.: Это стало понятно чуть позже, когда страна начала трещать по швам, стали возникать региональные конфликты в Нагорном Карабахе, Узбекистане, Азербайджане, Прибалтике. Люди, которые все это затевали, не рассчитывали, что начнутся сепаратистские выступления, которые и привели к распаду Советского Союза. Когда они затевали «узбекское дело», они такой цели не ставили. Но именно это дело и привело к росту сепаратизма. Вспомни погромы турок-месхетинцев в Ферганской долине в 1989 году. Тогда справиться с конфликтом не

⁸⁷ Динмухамед Ахмедович (Минлиахмедович) Кунаев (1912–1993) — советский партийный и государственный, общественный деятель, академик АН Казахской ССР; в 1960–1962, 1964–1986 гг. первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, в 1971–1987 гг. член Политбюро ЦК КПСС.

получилось. Пришлось турок-месхетинцев и крымских татар вывозить в Россию. Почти сто тысяч человек.

Б.Х.: Ю. В. Андропов и его окружение начали зачистку с самого спокойного в отношении сепаратизма региона.

М.Х.: Там проживала большая диаспора русскоязычных людей, примерно полтора миллиона. Коррупция там тоже была, как и во всех советских республиках, но не было сепаратизма.

Б.Х.: Шум по поводу «хлопкового дела» тогда в стране был огромный.

М.Х.: Шумиха была организована теми людьми, которые и начали это дело в Москве. Все средства информации были под контролем ЦК.

Б.Х.: Расскажи о своей поездке в Казахстан к Кунаеву. Предыстория той поездки была связана с засушливым 1981 годом. Было совершенно очевидно, что не только зерна, но даже соломы скоту не хватит. Недостаток соломы можно было компенсировать за счет снижения поголовья скота либо поставок соломы из других регионов.

М.Х.: Тогда собрали бюро обкома и решили послать зампредов Совмина А. М. Котова, Ю. С. Валеева и меня в три региона: Казахстан, Краснодарский край и Оренбургскую область — по вопросу заготовки соломы. Меня решили командировать в Краснодар. Но тут вмешался Усманов: «Лучше уж Мансура Хасановича послать в Казахстан. Его поездка будет более результативной. Он с казахами найдет общий язык, он знает, как к ним найти подход». Мусин тогда был первым секретарем. И он поддержал: да, пожалуйста, пусть Мансур Хасанович едет в Казахстан.

Б.Х.: Какое отношение ты имел к сельскому хозяйству?

М.Х.: Такое же, как и остальные зампреды Совета Министров республики. Зампред по сельскому хозяйству Б. М. Исаев остался в Казани, как говорят, на хозяйстве. Когда случается чрезвычайная ситуация, о профиле работы не спрашивают.

Б.Х.: А работники обкома, например секретари, завотделами, в такие поездки не направлялись?

М.Х.: Нет, конечно. За ними только партийный контроль. У меня в группе было еще человека три. Мой прямой помощник, он работал, по-моему, заместителем министра сельского хозяйства, а еще был председатель Мамадышского райисполкома В. К. Кирилов. Через несколько лет Усманов его назначит министром здравоохранения. Наша группа тогда заготовила 115 тысяч тонн соломы.

Прилетели мы в Алма-Ату, и привели нас к Кунаеву. Нас сопровождал мой коллега, зампред, а также секретарь ЦК Казахстана по сельскому хозяйству.

На встрече с Ш. Р. Рашидовым. 1972 г.

М. Х. Хасанов, К. Шамшибаева (Айтматова), Ч. Т. Айтматов. 1972 г.

Выходит Кунаев с распростертыми объятиями, подобный мавру. Мы с ним обнялись. Разговаривал он с нами по-татарски. У него жена была татарка.

Беседуем мы с ним. «Мы, — говорю, — никаких официальных писем вам не привезли. В Совмине РСФСР нам бы, конечно, дали, если бы мы сделали запрос, но у нас и времени не было. Поэтому приехали без официальных бумаг». «Не нужно нам никаких бумаг, — отвечает Кунаев. — Для наших татарских друзей мы все сделаем и без бумаг. Ведь мы с вами братья. — И, обращаясь ко мне, предлагает: — Мансур, не спеши возвращаться в Казань, погости у нас. — Дает указание моему сопровождающему, зампреду, что нам показать: рынок, театр и так далее. — Когда у нас гастролировал ваш камаловский театр, моя жена не пропускала ни одного спектакля». Кунаев спрашивает у зампреда, какая постановка идет в театре. Тогда ставили спектакль по произведению Чингиза Айтматова. Я ответил, что эту пьесу уже несколько раз видел в Казани, когда приезжал казахский театр. «Если спектакль видел, тогда здание театра посмотришь, — настаивает он. — Но не спеши, погости с неделю, отдохнешь заодно. Солома и без тебя доедет». Я ему говорю: «Сразу доложат Мусину, что я по театрам расхаживаю вместо того, чтобы заготавливать солому».

Во время той беседы Кунаев рассказал, как маленьким мальчиком ездил с дедушкой в Казань и они ночевали в доме Апанаевых. Его дед работал у крупного купца-татарина Исхака Габдулвалиева, один из сыновей которого был зятем Апанаева. По совету Исхака Динмухамеда отдали в татарскую школу. Кунаев никогда не скрывал тот факт, что в его роду есть татарская кровь. Его бабушка по линии отца была татаркой.

Б.Х.: Вот откуда его знание татарского языка.

М.Х.: Кунаев позволял себе иметь самостоятельное мнение по многим вопросам. Он член Политбюро, трижды Герой Социалистического Труда, с Брежневым они были друзьями. Сколько Кунаев сделал для Казахстана! И его ведь потом выгнали с работы. Он был в очень жалком положении.

Б.Х.: Придя к власти, Горбачев довольно быстро снял Кунаева с поста руководителя Казахстана. Первым секретарем поставили Г. В. Колбина⁸⁸, не имевшего никакого отношения к Казахстану. В итоге это привело к массовым беспорядкам среди молодежи на почве националистических проявлений. Вскоре после снятия Кунаева исключили из состава ЦК,

⁸⁸ Геннадий Васильевич Колбин (1927–1998) — советский партийный деятель, в 1986–1989 гг. первый секретарь ЦК КП Казахстана.

обвинив в нарушении принципов партийной жизни и взяточничестве, и объявили одним из столпов брежневского застоя.

М.Х.: Это еще раз подтвердило полное непонимание Горбачевым национального вопроса. В национальную республику нельзя было ставить человека некоренной национальности.

Б.Х.: В советское время Декады и Дни литературы и искусства народов СССР в Москве или в союзных и автономных республиках были одной из форм связи между деятелями искусства и литературы. Такие мероприятия способствовали развитию связей между регионами. Что это были за Дни искусства и литературы России в союзных республиках?

М.Х.: В соответствии с приглашением партийных и государственных органов проводились Дни литературы и искусства РСФСР в союзных республиках. Аналогичные Дни союзных и автономных республик проводились и в Москве.

Б.Х.: Это был показ достижений искусства и литературы?

М.Х.: В полном соответствии с политикой КПСС в многонациональном государстве. Показывались спектакли, концертные программы, проводились литературные вечера, выставки, как бы обмен творческим опытом между деятелями искусства и литературы.

Б.Х.: Я недавно обнаружил старые документы об одной из таких твоих поездок в Азербайджан. Там среди участников были многие известные в то время деятели искусства: Людмила Зыкина, Кирилл Лавров, Нонна Мордюкова...

М.Х.: В таких поездках всегда участвовали руководители творческих союзов России. Помню, были Д. Д. Шостакович⁸⁹ и С. В. Михалков⁹⁰, мы вместе, в одном вагоне поезда, путешествовали из Москвы в Баку. Гейдар Алиев повез нас на пароходе на Нефтяные Камни, это нефтяные месторождения в Каспийском море, пригласил на торжественный обед. С нами также был секретарь Башкирского обкома Тагир Ахунзянов. Ну, Алиев сначала за татар поднял бокал: «Среди нас есть представитель Татарии, давайте бокал поднимем за его здоровье». А потом уже и до башкир очередь дошла.

Б.Х.: Первый тост был, я думаю, за многонациональный советский народ?

⁸⁹ Дмитрий Дмитриевич Шостакович (1906–1975) — советский композитор, пианист, педагог, музыкально-общественный деятель, народный артист СССР.

⁹⁰ Сергей Владимирович Михалков (1913–2009) — советский и российский писатель, поэт, общественный деятель, в 1970–1990 гг. председатель Союза писателей РСФСР.

М.Х.: Без этого было никак. В этих поездках участвовали известные артисты и писатели, и это была хорошая возможность познакомиться со многими из них или еще раз встретиться со старыми знакомыми. В состав делегации России от национальных республик обычно включали секретаря Башкирского обкома КПСС Т. Ахунзянова и меня, заместителя Председателя Совета Министров Татарии. Зампред Совмина РСФСР В. Кочемасов всегда был руководителем делегации. Наш секретарь обкома возмущался по поводу моего регулярного включения в состав делегации, даже куда-то пожаловался. Несмотря на это, Кочемасов включать меня не перестал.

Ахунзянов был очень сильным секретарем обкома. С ним у нас по многим вопросам были принципиальные расхождения, нередко спорили. Когда он сообщал мне о планах по различным вопросам, затрагивающим интересы татар, я говорил: «Это вы неправильно делаете. Это так нельзя решать». На что он возражал, что уже согласовал вопрос с Мурзагитом Валеевым. «Если вы согласовали, — говорю, — тогда и решайте вместе». На что он возражал: «Нет, на татарскую интеллигенцию твое влияние несравнимо больше. Но ведь у меня за то, что я вроде бы служу татарам, утром ворота бывают измазаны дегтем и пишут на них: «Долой Ахунзянова». В тяжелые моменты на мою критику он отвечал: «Ты же не знаешь, Мансур, в каких условиях я работаю. Тебе легко говорить, а я ведь двум господам служу, чтобы и башкиры были довольны, и татары были довольны». М. Ф. Валеев, конечно, по уровню с ним не мог сравниться. Ахунзянов прекрасно знал литературу и искусство своей республики. Прекрасно писал на татарском художественные произведения и повести.

Был такой случай. Ко мне несколько раз обращались из ИЯЛИ, чтобы я выступил перед сотрудниками академических институтов об актуальных проблемах развития социальных и гуманитарных наук в республике.

В ходе выступления я сказал, что богатое научное наследие татарских ученых, начиная с просветителей и заканчивая джадидистами, должно исследоваться и получить марксистскую оценку. В частности, я высказался о необходимости изучать наследие Марджани. Это было сделано впервые.

Б.Х.: Видимо, это происходило еще до перестройки, когда сами эти термины и фамилии употреблять побаивались?

М.Х.: О, задолго до перестройки, еще в середине 1970-х. В это время секретаря обкома по идеологии Валеева в Казани не было. После возвращения он мне говорит: «Ты, оказывается, в своем выступлении допустил методологические ошибки, покажи мне текст выступления».

Уж не знаю, кто ему это подсказал, хотя всегда люди найдутся. «А я без текста выступал, — ответил я, — у меня наброски только были». «Покажи, — говорит, — наброски». Через некоторое время вновь вернулся к этому вопросу.

Б.Х.: Получается, это была собственная инициатива М. Ф. Валеева.

М.Х.: Я ему ничего не дал, он для меня не цензор. Если бы он у меня официально запрашивал текст, тогда нужно было согласовать с Табеевым.

Б.Х.: А что он имел в виду, какие-то твои ошибки в выступлении?

М.Х.: Он и сам не знал, какие ошибки. Я впервые поставил вопрос об изучении наследия Марджани, а также всех просветителей, джадидистов. Тогда уже само слово «джадидист», а также такие фамилии, как Марджани, Гаспринский, звучали одиозно. Гаспринский был настоящим пугалом, его изучать было нельзя.

Б.Х.: Пантюрист.

М.Х.: О, это основоположник пантюркизма. Вот такие бывали в то время случаи. Но для того, чтобы судить об этом, давать какую-то оценку, нужно разбираться в этом вопросе, знать это наследие. А для этого нужно как минимум уметь читать на татарском языке. А Валеев этого не умел, не то что писать. Ты ведь знаешь, что такое «кәлимә»? Ни одного слова.

Б.Х.: Ни одной буквы.

М.Х.: Кәлимә — это одна фраза. Говорят: «Бер кәлимә сүз»⁹¹. Это из арабского пришло.

Ну конечно, работал он в районной газете, там писал по-русски. Потом попал в обком, заведующий лекторской группой, еще когда я в этой группе работал. Валеев был неплохим лектором, при нем, помню, мы пропагандировали хрущевский лозунг, обещавший, что нынешнее поколение будет жить при коммунизме. Но татарскую культуру Валеев не знал. Как говорится: «Аттан ала да туа, кола да туа»⁹². Бывали ведь и другие секретари по идеологии. Вот, например, можно вспомнить Камиля Фатыховича Фасеева, который был одним из инициаторов того самого пленума по татарской культуре. Ему хватило смелости поднять вопрос о положении татарского языка. Это его большая заслуга, хотя не все это понимают. В то время он был одним из редких руководителей, которые могли свободно разговаривать и писать на двух языках.

⁹¹ Одно-единственное словечко (перевод с татарского языка).

⁹² У кобылы рождаются и пегие (сивые), и буланые жеребята (перевод с татарского языка).

Встреча с деятелями искусств Башкирии. 1986 г.

Встреча в аэропорту. Слева направо: М. Хасанов, М. Карим, Н. Наджми, Р. Файзуллин, М. Валеев. 1976 г.

Б.Х.: Ты как-то мне говорил, что в Казани была издана повесть «Галия» Ахунзянова. Расскажи об этом подробнее.

М.Х.: В 1980 году мне звонит Ахунзянов: «Мансур Хасанович, ты мне поможешь выпустить повесть «Галия»?» Я, конечно, согласился помочь. Пригласил к себе главного редактора журнала «Казан утлары» Заки Нури, обозначил просьбу. Он без лишних вопросов заверил, что напечатает произведение. Вот был дисциплинированный человек, при этом у него всегда было собственное мнение. Отличался человечностью, был человеком слова. Заки Нури в годы Великой Отечественной войны был начальником разведки в партизанском отряде К. Заслонова в Белоруссии. Все это уже само по себе вызывает очень большое уважение. Он опубликовал повесть, это полностью его заслуга. Ее также поставили в Башкирском театре драмы и во время гастролей привозили в Казань, демонстрировали в Татарском академическом театре.

Б.Х.: То есть Ахунзянов писал произведения на татарском. А он башкирский язык тоже хорошо знал?

М.Х.: Конечно, знал. Он вынужден был специально «стать» башкиром, хотя был чистокровным татаринном.

Б.Х.: Зачем секретарю Башкирского обкома понадобилось издать свою повесть именно в Казани? Казалось бы, в Уфе ему это ничего не стоило.

М.Х.: Повесть была написана на татарском языке, он сам признавался мне, что до революции у башкир даже письменности не было. А издание ее в Уфе для секретаря Башкирского обкома по идеологии было бы определенным вызовом. Через несколько лет, уже в Уфе, увидел свет его сборник повестей и рассказов на башкирском, куда вошла и повесть «Галия».

Б.Х.: Ему, наверное, нужно было расширить географию своих изданий для вступления в члены Союза писателей. У тебя много было друзей среди татарских писателей в Уфе. Помню, были очень теплые взаимоотношения с Сайфи Кудашем⁹³.

М.Х.: Когда я еще во времена СССР в последний раз ездил в Уфу, меня сопровождала моя башкирская коллега, зампред Совмина. Я попросил ее организовать мне встречу с Сайфи Кудашем. Она была вынуждена зайти вместе со мной к нему домой. Мы с ним были большими друзьями еще с начала 60-х годов, активно переписывались. Ему было уже за девяносто. И он мне писал о своих проблемах, жаловался по поводу материальных

⁹³ Сайфи Кудаш (настоящее имя Сайфетдин Фаттахетдинович (Сайфи Фаттахович) Кудашев) (1894–1993) — татарский поэт и писатель, народный поэт Башкирской АССР.

трудностей. Я тогда спросил его: «Сайфи ага, вот здесь со мной зампред Совмина Башкирии. Какие у вас вопросы есть?» И попросил ее позаботиться о нем, а не обвинять его. Несколько раз повторил ей, что это их талант, таких не бывает, это исключение. Когда же она сказала, что он и татарской культуре служил, подтвердил, что Сайфи Кудаш — наше общее достояние. Я в таких случаях прямо говорил: «Почему вы не помогаете, почему пенсию ему не поднимете?» И здесь Сайфи Кудаш не исключение. Это участь многих татарских литераторов в Башкирии.

Вообще, я хорошо знал татаро-башкирскую интеллигенцию. Ахунзянов меня познакомил со многими людьми. Я в этом отношении ему очень благодарен. Помню, когда впервые приехал в Уфу на съезд писателей Башкирии, Ахунзянов познакомил меня с М. З. Шакировым⁹⁴. Он тогда был начальником управления строительного треста объектов нефтяной промышленности.

Б.Х.: А в горбачевское время Шакирова и Ахунзянова сняли с работы с большим скандалом...

М.Х.: Это целая эпопея, как Шакирова снимали с поста первого секретаря Башкирского обкома. Я его неплохо знал. В мае 1987 года в газете «Правда» вышла статья о стиле и методах работы первого секретаря Башкирского обкома Шакирова. В начале июня 1987 года состоялся пленум Башкирского обкома, на котором его освободили от должности. Шакирова обвинили в фальсификации уголовных дел и грубом произволе, незаконном уголовном преследовании секретаря горкома, который был ему неуютен. Заодно освободили от должности секретаря по идеологии Ахунзянова. Выгнали без предоставления пенсии. Его обвиняли и в том, что он якобы навязывал свою повесть «Галия» для постановки в театрах, получал за нее большие гонорары. Шакирову все льготы оставили, а Ахунзянова лишили всего. Тагир Исмагилович рассказывал мне позже, как встретил Шакирова на улице: «Тагир, ты не думай, я на тебя не в обиде. Приехал бы ко мне на дачу, увез пару мешков яблок». Это вместо того, чтобы извиниться, ведь из-за него Ахунзянов пострадал. Они привыкают относиться к своим подчиненным как к крепостным.

Вот ты мне все время задаешь вопрос: изменяет ли власть людей? Еще как изменяет. Если не изменит, ты там не сможешь работать.

Б.Х.: Татаро-башкирские отношения — это был очень сложный вопрос еще со времен образования СССР.

⁹⁴ Мидхат Закирович Шакиров (1916–2004) — советский партийный деятель Башкирской АССР, в 1963–1969 гг. первый секретарь Уфимского горкома КПСС, в 1969–1987 гг. — Башкирского обкома КПСС.

М.Х.: Знаешь, как его можно было решить? Объединив оба народа в одну республику и поставив их в равные условия, как предлагал Мирсаид Султан-Галиев⁹⁵. Был же декрет наркомата по делам национальностей 1918 года о Татаро-Башкирской Советской Республике.

Б.Х.: Я хотел бы с тобой побеседовать на тему использования татарского языка в советское время. Ты уже не раз говорил, что среди руководящих работников обкома и Совмина было мало тех, кто в равной степени владел и русским, и татарским языком. Я имею в виду скорее публичные выступления, чем обычный бытовой или кулуарный разговор между татарами в вашем кругу.

М.Х.: В советское время публично было не принято выступать на татарском. Вот мне довелось выступать в Колонном зале, в Москве. Я там много раз выступал на разных юбилейных татарских мероприятиях. И там московские татары требовали: «На татарском, на татарском!» Я перехожу на татарский, но замечаю: «На татарском-то я вам скажу, однако ведь еще нужно с уважением относиться к русскоязычной аудитории». «Вот ведь, вы хорошо на татарском говорите». Они потом уже совсем по-другому начинают общаться.

Б.Х.: Может, это они тебя проверяли, умеешь ли ты по-татарски выступать?

М.Х.: Это ты правильно заметил, именно выступать, а не говорить. Это абсолютно разные вещи. Но я думаю, что им в Москве не хватало красивого татарского языка. Вообще, я всегда чувствовал поддержку от московских татар. Мы с ними тесно работали, помогали им. А для меня такой проблемы, как с одного языка перейти на другой, не было.

Б.Х.: Только сейчас двуязычие входит в нашу политическую жизнь, появляются деятели, способные говорить на обоих языках. При этом важен ведь не только язык, но и то, что ты говоришь.

М.Х.: Для людей во власти умение говорить на двух языках было редким явлением. Тогда считалось: разве язык — это главное? Что ты говоришь — вот это самое важное. Языковую проблему сейчас очень приподняли, конечно. Я с готовым текстом редко выступал, хотя, как правило, он у меня был. Я записывал некоторые тезисы, оттенял нужные места, наброски делал и им следовал. Тут вот еще какой момент: у меня и помощников не было, кто бы мог это подготовить и написать. Мои референты же владели только русским языком, хотя читать чужой текст было не мое.

⁹⁵ Мирсаид Хайдаргалиевич Султан-Галиев (1892–1940) — татарский политический деятель, член РСДРП(б), один из основоположников Татарской республики.

В конце 80-х годов первый секретарь обкома Усманов попросил меня пойти на собрание Татарского общественного центра. Я говорю: «Пусть идет секретарь обкома по идеологии, это его обязанность». «Мансур Хасанович, ну вы же знаете, он по-татарски ни слова сказать не может». «А почему у вас секретарь по идеологии по-татарски не говорит? — спрашиваю я. — Делайте так, чтобы мог. Если не может, поставьте такого, который может говорить». На собрании ТОЦ ведь нужно аргументированно выступать, не просто зачитать подготовленный текст. Очень активно проходило собрание. Я сижу, слушаю, обстановка накаляется. Как раз в самый пиковый момент мне дали слово. А до меня уже кого там только с трибуны не сгоняли.

Б.Х.: Это было не то место, где можно было серьезно обсуждать те глобальные вопросы, которые ставились, и тем более находить какие-то решения. Это был первый форум, где можно было высказаться без всякой цензуры, все стремились выйти на трибуну и обрушиться с критикой на власть.

М.Х.: Если бы там еще секретаря обкома выпустили к микрофону, совершенно не владеющего татарским языком... Согнали бы его, сказали бы, говори по-татарски, и все. Уже в постсоветское время я был с парламентской делегацией в Турции. Там нас пригласили на прием к президенту С. Демирелю. Ф. Х. Мухаметшин выступал на русском, тогда ему еще было тяжело по-татарски говорить. Потом он решил представить меня следующим образом: «Вот среди нас присутствует человек, который много лет работал в руководстве республики. Я бы хотел, чтобы он выступил». А турки не поймут, почему мы на своем языке не говорим. Я сказал: «Я считаю, что должен говорить на татарском». И выступил на татарском, не в современном его варианте, как сегодняшние татары говорят. Потому что на литературном татарском языке уже почти никто и не говорил, а использовали только бытовой язык. Я выступил на том языке, на котором наша интеллигенция разговаривала в 20-х и 30-х годах. За этим я специально следил.

Б.Х.: Например, на языке Галимджана Ибрагимова или Гаяза Исхаки?

М.Х.: Там и литературный язык Ибрагимова есть, всей после-октябрьской интеллигенции и потом первого послевоенного поколения. Исхаки как большого знатока языка я бы не охарактеризовал. Исхаки не может здесь в качестве примера служить. А вот язык Фатиха Амирхана — да. Вспомни хотя бы его «Татар кызы». Потом такие, как Амирхан Еники, Гумер Баширов, вот их язык. Используя такую фразеологию и немного приукрасив, я и выступил. Им это очень понравилось. И президент задает мне вопрос: «Вы очень красиво говорили по-татарски, чисто. Татары

Парламентская делегация Татарстана на приеме у Президента Турции С. Демиреля.

Подписание Договора о дружбе и сотрудничестве между Татарстаном и Башкортостаном, г. Уфа. 16 августа 1991 г.

сейчас тоже на таком языке разговаривают?» Я говорю: «Татарская интеллигенция, получившая образование на татарском языке, и сейчас так говорит». Ему это очень понравилось, видимо, уже приходилось слышать.

Б.Х.: Получается, он все без перевода понял?

М.Х.: Там никто и не собирался переводить. С турками можно друг друга понять. И на татарском ведь по-разному можно говорить... А я специально по ходу использовал некоторые слова из тюркских языков, которые туркам понятны без перевода. Если будешь специально готовиться заранее, это может только хуже получиться, это когда как получается.

Я помню в 1965 году ИЯЛИ проводил конференцию, посвященную 20-летию Победы в Великой Отечественной войне. Специалисты по татарской лингвистике и литературе выступали на татарском языке. Во время доклада языковеда Л. Махмутовой Александр Ерминингельдович Арбузов — мы сидели рядом — вдруг наклонился ко мне и спросил: «Мне кажется, во время моей молодости татарская речь звучала заметно иначе. Что вы об этом думаете?» Меня поразили его наблюдательность и слуховая память, человека, далекого от татарского языкознания. Конечно, он по-своему был прав, музыкальный слух его не подводил. Лексика, интонации татарского языка эпохи Тукая, Дэрдменда не могут не отличаться от советизированной лексики 60-х годов XX века.

Б.Х.: Как-то ты говорил мне, что тебе везло на людей. С некоторыми из них ты быстро находил общий язык. Я знаю тебя как хорошего собеседника, ты всегда с большим увлечением вел разговоры с интересными тебе людьми. Это могли быть беседы об истории и литературе или обсуждение вопросов государственного строительства и политики. Я хочу попросить тебя вспомнить некоторых из них.

М.Х.: С Сайфи Кудашем мы были в близких дружеских отношениях, хотя у нас разница в возрасте 36 лет.

Б.Х.: Я знаю, что у вас была интенсивная переписка.

М.Х.: Да, это так. Еще до революции 1917 года он поступил в знаменитое уфимское медресе «Галия», где уровень преподавания был очень высоким. Уфа тогда являлась одним из основных, крупных центров татарской культуры. Молодой Кудаш лично общался с классиками национальной литературы: Галимджаном Ибрагимовым, Мажитом Гафури, Сагитом Рамиевым, Шаехзадой Бабицем. Он был активным участником различных творческих кружков, очень много мне

обо всем этом рассказывал. Сайфи Кудаш был мастером импровизации и в поэзии, и в жизни.

Очень многому я научился и узнал из бесед с Баки Урманче. Пик нашего общения пришелся на время, когда мы занимались строительством музея Тукая в Кырлае. Запомнилось общение с Гумером Башировым, который, как правило, производил впечатление строгого человека. Как только он раскрывался, беседовать с ним было одно удовольствие. С Назибом Жигановым, при всем нашем близком, как мне кажется, общении, было по-другому: чувствовалась дистанция. Близким другом Жиганова в структуре республиканской власти был Салих Батыев.

Б.Х.: Однажды мне довелось присутствовать при вашем откровенном разговоре с С. Г. Батыевым, когда вы обсуждали вопросы жизни в Татарии 30–50-х годов.

М.Х.: Батыев всегда был открыт со мной в этом плане. С ним легко было разговаривать. Про него, к сожалению, мало пишут сегодня, а личностью он был уникальной. Мне всегда было любопытно беседовать с прямыми свидетелями тех или иных событий. Батыев в этом плане представлял собой целый клад воспоминаний, хотя, надо признать, долгое пребывание во власти сказалось в некоторой степени на его объективности. С невероятным интересом я вел беседы с Саидом Мингазовичем Шарафеевым и Камилем Фатыховичем Фасеевым. Их обоих очень рано отстранили от самых высоких должностей в Татарии, но так случается.

Помню, мы проводили юбилей республики. На него пригласили А. П. Таняева, который первым занимал должность первого секретаря Татарского обкома. Этот человек восемнадцать лет провел в сталинских лагерях. После знакомства мы с ним весь вечер проговорили в небольшом отдельном зале гостиницы «Казань». Мне были очень интересны его воспоминания, его оценки. Он рассказывал, что по совместительству работал главным редактором партийного журнала. Подчеркивал, что партийные руководители тогда сами писали свои речи и статьи. Он не мог скрыть своего изумления и недоумения по поводу того, как могут руководители пользоваться написанными кем-то текстами. «В наше время, — говорил он, — если ты не умел писать, ты просто не мог оказаться в роли первого секретаря». Вот так было тогда.

Б.Х.: Каждое время диктует свои условия.

М.Х.: Я у него интересовался тем, как осуществлялась передача власти после образования Татарской автономной республики. Он рассказывал, что этим занимался Совнарком ТАССР, назвал Кашафа

Мухтарова⁹⁶. Власть была там, а не у партии. Он подчеркнул, что партия тогда еще не командовала.

Б.Х.: Как-то мы беседовали с тобой о семье Аксеновых. Я имею в виду Павла Васильевича Аксенова и Евгению Соломоновну Гинзбург, которые также долгое время провели в лагерях и ссылке.

М.Х.: В 1962 году, я тогда работал заведующим отделом культуры обкома, ко мне пришла Евгения Соломоновна Гинзбург. На тот момент я совершенно не знал о том, кто она, какая у нее судьба, что отбыла десять лет в лагерях по статье «террор», а ее бывший муж Павел Васильевич Аксенов — председатель Казанского горисполкома в середине 30-х годов — вернулся после восемнадцати лет, проведенных в лагерях.

Б.Х.: Ты даже поначалу не понял, что она мать Василия Аксенова, ставшего известным в период «хрущевской оттепели».

М.Х.: Так и было. Она получила образование в Казанском университете и Восточном педагогическом институте, где изучала филологию и историю. Затем защитила кандидатскую диссертацию, занималась журналистикой — руководила отделом культуры в редакции газеты «Красная Татария». Параллельно преподавала историю партии в Татарском коммунистическом университете. Все это она мне рассказала, в том числе и о своих учениках, многие из них стали видными людьми в Татарии.

Б.Х.: Но Евгения Гинзбург приходила к тебе не для того, чтобы рассказывать о себе. Где она жила после реабилитации? В Казань она не вернулась, в отличие от Павла Аксенова.

М.Х.: После реабилитации она с новым мужем жила во Львове, кажется, у них был запрет на проживание в столичных городах. Работала корреспондентом в газете. Все как в Казани до ареста, только не преподавала, естественно. Писала статьи и очерки для периодической печати.

Рассказывала, что начала работать над циклом мемуарных произведений, своеобразных воспоминаний. Она принесла мне рукопись автобиографической повести «Так начиналось. Записки учительницы», попросила помочь с изданием. Я прочитал, мы ее напечатали. Она описала свои впечатления и воспоминания о преподавании на Тюрко-татарском рабфаке. В повести она передала атмосферу жизни Казани 20-х годов. Можно сказать, что это была история формирования первого поколения татарской интеллигенции. У меня хранится эта книга с автографом.

⁹⁶ Кашаф Гильфанович Мухтаров (1896–1937) — советский государственный деятель, в 1921–1924 гг. председатель Совнаркома ТАССР.

Интересный факт: она подписала ее не традиционными словами — «с благодарностью от автора», а по-другому — «от благодарного автора». Мне кажется, это звучит совсем иначе.

Б.Х.: Почему Евгения Гинзбург приехала с рукописью в Казань? Можно было бы попытаться издать в Москве или, например, во Львове.

М.Х.: В этом все и дело. В Москве это было нереально, насчет Львова не знаю, возможно, пробовала. Иначе не приехала бы.

Б.Х.: А здесь, в Казани, были трудности с изданием ее книги?

М.Х.: Выпустить книгу всегда непросто. Тем более ее уже двадцать пять лет не было в городе. Тут, конечно, сыграло роль то, что она многие годы здесь работала, к тому же жена бывшего председателя горисполкома. Оба репрессированные и впоследствии реабилитированы. Если бы не все это, были все основания не издавать. Мы поступили абсолютно правильно тогда, в 1963 году. Эта была первая книга Евгении Гинзбург. Уже потом ее рассказы стали печатать в журналах «Юность» и «Новый мир», хотя роман «Крутой маршрут», в котором нашло отражение все увиденное и пережитое этой удивительной женщиной за десять лет лагерей и восемь лет ссылки, журнал «Новый мир» не опубликовал. А Евгения Гинзбург, безусловно, обладала литературным даром. Так что у Василия Аксенова это наследственное.

Б.Х.: «Крутой маршрут» был опубликован в газете «Вечерняя Казань» в самом конце 80-х годов. Я обнаружил одну интересную деталь: в 1967 году и Александр Петрович Танеев, и Павел Васильевич Аксенов были награждены высшей наградой СССР — орденом Ленина. Оба были ранее репрессированы, в то время находились уже на пенсии и никакой должности не занимали. Как ты думаешь, здесь есть какая-то закономерность?

М.Х.: О награждении Аксенова я знал. Был такой указ президиума Верховного Совета СССР о награждении активных участников Октябрьской революции. Оба они таковыми и были. Это же был год 50-летия Октября. Почему орден Ленина? После того как 18 лет необоснованно провел в лагерях и в ссылке, дали самую высокую награду. Но прошедшего такие испытания человека этим уже изменить невозможно.

ГЛАВА 5

ИСКУССТВО И ТАТАРСКАЯ МУЗЫКА

Б.Х.: Мы часто говорили о своей культуре в сдержанных тонах. На то были разные причины. Десятилетия пребывания республики в условиях предельно усеченной автономии самым губительным образом сказывались и на духовной жизни нации. Второстепенность татарской национальной культуры относительно культуры советской, наднациональной если и не декларировалась официально, то всегда подразумевалась. Это касалось и татарской музыки.

М.Х.: Многие ли композиторы Татарстана перешагнули своим творчеством границы республики? Впрочем, такой же вопрос можно отнести и к татарским писателям, поэтам, художникам, артистам и т. д. Таковы последствия существования татарского народа в условиях жестких идеологических рамок, когда национальная культура искусственно сводилась лишь к «народному фольклору», к состоянию провинциальной самодеятельности. Чрезвычайно трудно было ломать эти рамки. Однако именно в этот период в республике создавались музыкальные произведения мирового уровня.

Б.Х.: Можно считать, что одной из знаковых фигур, одним из тех, кто ломал такие устоявшиеся рамки, был Назиб Жиганов?

М.Х.: Динмухамед Кунаев назвал Жиганова великим композитором Востока, и я об этом написал статью. А Кунаев был большим знатоком культуры Востока. Однажды Нина Ильинична, жена Жиганова, прочитав мою статью о нем, сказала, что я спас ее от инфаркта. Она все хотела узнать, кто мне поручил ее написать. А я просто не мог не написать. Ведь

мы с ним долгое время вместе работали и знали друг друга. Жиганова очень обижали. У нас ведь человека и после смерти порой не щадят. Но как бы там ни было, он обладал большим талантом. Нельзя равнять всех композиторов только под Салиха Сайдашева. У него было другое направление, другой подход. Ведь татарская музыка не заканчивается на одном Сайдашеве. Безусловно, он был великим композитором. Но разве рядом с ним не должно быть других? Чем больше разных имен, тем лучше. Это и в литературе, и в искусстве так.

Б.Х.: Почему на Жиганова в последний период его жизни были сильные нападки? Из-за чего?

М.Х.: В том числе и от зависти. Говорили, что его музыка не такая уж и великая. Если бы он был лучше Сайдашева по всем параметрам, его бы признали. А быть выше Сайдашева — значит иметь совершенно другой талант. Но именно музыка Жиганова вывела татарскую музыкальную культуру на международную арену. Вот это у нас не всегда понимают, не могут этого увидеть. Это первое. Второе, якобы Жиганов обижал Сайдашева. Безусловно, двум талантам было сложно уживаться друг с другом. Это приходится терпеть. Тогда между ними должен быть кто-то, кто бы с ними работал, кто бы мог на них повлиять.

Б.Х.: Такую роль могли бы сыграть, наверное, только представители власти?

М.Х.: Все эти разговоры о Сайдашеве, Жиганове и множестве других личностных конфликтах в творческой среде уйдут со сменой поколений. Я так думаю. Противопоставлять их могут те, кто хорошо знает об их взаимоотношениях. А когда этих людей не станет, вопрос решится сам собой. Между талантами бывает всякое, и в Москве тоже так. А были люди, которые все это понимали, с ними очень приятно и познавательно было беседовать. Яркий пример — Натан Григорьевич Рахлин⁹⁷, музыкант мирового уровня.

Б.Х.: Как он оказался в Казани?

М.Х.: Это из разряда исключений, которые в жизни тоже бывают. Конечно, большое счастье для татарской профессиональной музыки, что Рахлин работал здесь. На Украине в какой-то момент он оказался без симфонического оркестра, и мы его пригласили. Он с удовольствием согласился, приехал и создал наш оркестр.

Он часто приходил ко мне не с просьбой, а просто поговорить.

⁹⁷ Натан Григорьевич Рахлин (1905/1906–1979) — советский дирижер, педагог, народный артист СССР.

У него была такая потребность. Он любил беседовать на темы очень специфичные, глубокие, скажем условно, народ и музыка. Я его попросил оркестровать некоторые произведения Сайдашева. Тогда он сказал, что, будь у украинцев такой композитор, как Сайдашев, они бы его на руках носили и этим во всем мире гордились. Правильно ведь сказано! А мы этого сделать не могли. Я попросил его помочь нам. Оценить, показать своих гениев, свои таланты татары часто не умели.

Б.Х.: В этой связи открытие в Казани консерватории в 1945 году трудно переоценить. Вот, например, приезд в Казань оркестра Олега Лундстрема⁹⁸ из Шанхая был связан в том числе и с наличием здесь консерватории. Лундстрем сам об этом впоследствии вспоминал. Рахлин бы тоже, наверное, вряд ли приехал, если бы не было консерватории и Жиганова.

М.Х.: Ты знаешь, когда консерватория была создана, еще шла война. Это было время борьбы с космополитизмом, и под этим предлогом очень многих музыкантов выслали из Москвы и Ленинграда. Не в ссылку, хотя, наверное, были и такие. Вот их Жиганов пригласил преподавать в Казанскую консерваторию. Среди них такие таланты были! А без настоящих кадров ничего бы создать не получилось. У Жиганова линия своя была, поэтому я к нему относился с уважением и очень ценил. Ты спрашивал, почему на Жиганова были определенные нападки в последние годы его жизни. Что говорить про других, когда между ним и его родным братом Джалялем Садрижигановым⁹⁹ отношения были неважными. Он приходил ко мне и пытался что-то плохое говорить про Жиганова. Я запретил ему рассказывать всякие сплетни, ведь это же его родной человек, и росли они без родителей.

Все-таки между братьями должны быть родственные чувства, если даже что-то кого-то не устраивает. Вот это и есть наше татарство. Между родственниками чего только не бывает. Но Жиганов, между прочим, никогда сплетни не распространял, ничем таким не занимался. Был настоящий интеллигент.

Б.Х.: Похоже, Садрижиганов ревностно относился к успехам младшего брата.

⁹⁸ Олег Леонидович Лундстрем (1916–2005) — советский и российский джазмен, композитор и дирижер, создатель и руководитель Государственного камерного оркестра джазовой музыки, народный артист РСФСР.

⁹⁹ Джаляль Гаязович Садрижиганов (1909–1997) — дирижер, педагог, заслуженный деятель искусств ТАССР, заслуженный работник культуры РСФСР, брат Н. Г. Жиганова.

М.Х.: Другого объяснения я не вижу. Тогда я предложил Садрижиганову вместо того, чтобы всякие гадости про брата рассказывать, написать воспоминания, ведь он со многими деятелями культуры встречался и общался. И действительно, через какое-то время он пришел ко мне с рукописью своих воспоминаний. Он написал о своих встречах и впечатлениях от общения с Салихом Сайдашевым, Фаридом Яруллиным¹⁰⁰ и Джаудатом Файзи¹⁰¹. Книга вышла очень неплохая.

Перед властью ведь некоторые лебезят, могут дрожать от страха, а может быть и наоборот. Из моего кабинета иногда не очень культурные деятели культуры выходили хлопнув дверью, когда я правду говорил. Бывало и такое. А ведь есть и прекрасные татары, культурные и образованные.

К слову, мне часто звонила Сара Садыкова¹⁰². Конечно, она была для меня старший товарищ и непререкаемый авторитет в музыкальном искусстве. И, видимо, в силу своей молодости, повседневной перегруженности, не все получалось анализировать в должной мере. Сейчас времени больше об этом думать. Ведь тогда часто настрой был такой: раз звонят, значит, рассчитывают на помощь в решении тех или иных вопросов. А Сара-ханум, как и Рахлин, ни с чем подобным не обращалась. Бывало, звонит и просит послушать, что у нее получилось, споет, сыграет на рояле новую мелодию. Теперь все это вспоминается с грустью и ностальгией. В то же время есть и определенное чувство благодарности и гордости, ведь гений татарской музыки делилась сокровенным. Мое поколение застало живое творчество Сайдашева, Жиганова, Музафарова¹⁰³, Яхина¹⁰⁴, но Сара Садыкова среди них совершенно уникальна и творческой судьбой, и необычным дарованием.

Б.Х.: В одном твоём тексте есть такое высказывание: «Татарскую музыку только татарин может оценить».

М.Х.: А ведь в самом деле, почему только татарин может оценить?

¹⁰⁰ Фарид Загидуллович Яруллин (1913–1943) — советский татарский композитор, автор музыки к балету «Шурале».

¹⁰¹ Джаудат Харисович Файзи (1910–1973) — татарский композитор, фольклорист, заслуженный деятель искусств ТАССР, РСФСР, народный артист ТАССР.

¹⁰² Сара Садыкова (1906–1986) — татарский композитор, актриса и певица, первая женщина — профессиональный композитор среди татар, заслуженный деятель искусств РСФСР, народная артистка ТАССР.

¹⁰³ Мансур Ахметович Музафаров (1902–1966) — татарский композитор, педагог, заслуженный деятель искусств ТАССР, народный артист ТАССР.

¹⁰⁴ Рустем Мухаметхазеевич Яхин (1921–1993) — советский татарский композитор, пианист, педагог, народный артист СССР.

Если татарская музыка выйдет за рамки татарского слушателя, ее ведь могут оценить по достоинству и другие народы. Доступность представителям других народов — это самый высокий критерий, показатель самого высшего качества. Я уже не говорю, если это родственные народы. Это уже общечеловеческий уровень, получается. Под таким высказыванием я имел в виду слово «мон». У него нет однозначного перевода на русский. По-другому можно сказать так: «Татарскую музыку можно оценить только татарской душой».

Б.Х.: В этой связи я хочу вспомнить Александра Ключарева¹⁰⁵. Найти такого, кто настолько великолепно знал татарскую музыку, как он, очень сложно. А ведь он был русским по национальности.

М.Х.: Ключарев — это уникальное явление. Он был справочником по татарской музыке, мог ответить на любой вопрос. Его творчество настолько органично вплелось в ткань национальной музыкальной культуры татар, что может служить образцом, эталоном для последующих поколений композиторов. Между тем татарский мелос по своей природе и структуре значительно отличается от европейской музыки вообще и русской музыки в частности.

Б.Х.: Татарский фольклор стал привлекать внимание исследователей еще в XIX веке, когда появились его первые нотации.

М.Х.: Европейцам долгое время не удавалось постичь мелодическую суть татарской музыки. Исходя из своих стереотипов они весьма поверхностно оценивали татарский фольклор. Карл Фукс¹⁰⁶ был первым, кто объективно стал изучать и описывать татар. Только Ключарев осуществил строго научный подход к изучению татарской музыки. Он ездил по татарским селам различных регионов страны и собирал песенный фольклор. Так он создал антологию песенного татарского фольклора. Ему удалось представить татарский мелос во всем его многообразии и дать подробный анализ строения жанровой и ладовой структуры татарской песни.

Б.Х.: Получается, что именно Александр Ключарев заложил основы и задал направление развития национального музыковедения. Как и где он познакомился с татарской музыкой?

М.Х.: Татарской музыкой в той или иной степени в советское время занимались и другие, имеющие нетатарское происхождение. Например,

¹⁰⁵ Александр Сергеевич Ключарев (1906–1972) — советский композитор, дирижер, пианист, заслуженный деятель искусств РСФСР, народный артист ТАССР.

¹⁰⁶ Карл Федорович Фукс (1776–1846) — медик, этнограф, историк, профессор и ректор Казанского университета.

можно назвать А. Лемана¹⁰⁷, И. Шермана¹⁰⁸, В. Виноградова¹⁰⁹, однако их произведения в жанре татарской музыки, при всей их технической оснащенности, не столь органичны, как произведения Ключарева. В чем тут дело?

Ключарев происходил из семьи русских интеллигентов, его отец служил главным бухгалтером в торгово-промышленной компании братьев Хусаиновых. В семье Ключарев получил, если так можно сказать, «европейское воспитание», его с детства учили музыке, игре на фортепьяно. Но жил он в татарской среде, впитывая татарские мелодии и песни. Ключарев обладал абсолютным слухом, моментально запоминал любую мелодию, в нем очень рано обнаружился дар музыкальной импровизации. Гениальный аккомпаниатор, он редко пользовался нотными записями, демонстрируя блестящее и неповторимое исполнение любого произведения. Ключарев говорил: «Я русский по рождению, а духом принадлежу татарскому народу».

Б.Х.: Можно ли считать А. Ключарева основоположником академической музыки в татарском искусстве?

М.Х.: Большая удача национальной культуры, что на пути ее развития нашлись такие грамотные и прекрасно подготовленные музыканты. Будучи не татарами, они сумели поставить на теоретический фундамент татарскую музыку и, по сути дела, задали направление ее современного развития. Уже в 1930-е годы Ключарев создал произведения совершенно новые и оригинальные для татарского искусства. Так появились первые татарские симфонические формы: сюиты, поэмы, тематические музыкальные картины. Ключарев, я бы сказал, стоял у истоков татарской профессиональной музыки, и народ любит его музыку.

Б.Х.: Ты слышал историю о том, как Александр Ключарев хотел создать эстрадный оркестр Татарии?

М.Х.: Не припомню.

Б.Х.: Я уже говорил, что в конце 40-х годов в Казани обосновывается шанхайская группа музыкантов под руководством Олега Лундстрема...

М.Х.: Я понял, о чем идет речь. Ключарев тогда, кажется, руководил Татарской филармонией. «Хотел создать» — сильно сказано. Скорее,

¹⁰⁷ Альберт Семенович Леман (1915–1998) — советский и российский композитор, педагог, профессор Московской консерватории, народный артист РСФСР.

¹⁰⁸ Исай Эзрович Шерман (1908–1972) — советский дирижер, концертмейстер, музыкальный педагог, заслуженный артист РСФСР, народный артист Карельской АССР.

¹⁰⁹ Василий Иванович Виноградов (1874–1948) — советский композитор, скрипач, заслуженный деятель искусств ТАССР, автор оперы «Сания».

мечтал. В те годы это было невозможно, да и не в его это компетенции. А вот то, что оркестр Лундстрема исполнял Ключарева, Яхина и даже Жиганова, я слышал. Естественно, в своей аранжировке. Татарская музыка в джазовом исполнении, по-моему, неплохо получалась.

Б.Х.: Руستم Яхин среди всех композиторов сильно выделяется. Он же единственный народный артист СССР среди композиторов, конечно, кроме Жиганова. Но Жиганов столько лет занимал высокие должности, в его руках был административный ресурс. А Яхин занимался исключительно творчеством.

М.Х.: Я уже чувствую у тебя ноту противопоставления...

Б.Х.: Ни в коем случае. Я крайне уважительно и положительно относился к деятельности Назиба Гаязовича. Ты же знаешь, я знаком с ним примерно с десяти лет.

М.Х.: Яхин — это вообще уникальное явление в татарской культуре. Говорят же, «ана сөте белән кәрмәгән, тана сөте белән кәрми».

Б.Х.: В своих сочинениях Р. Яхину удалось выразить душу народа, и народ отблагодарил его своим признанием. Популярность его музыки среди широкого круга любителей и специалистов-музыкантов чрезвычайно велика. Чем же объяснить этот феномен?

М.Х.: Конечно, свою очевидную роль сыграли прежде всего огромное дарование композитора и совершенство художественной формы его музыки, доходчивость и новаторство.

Б.Х.: Но ведь сходными качествами обладали и другие его современники-композиторы, талантливые и прекрасно образованные. Многих из них мы называем первооткрывателями различных классических жанров в татарской музыке. Почему же не всякое музыкальное творение получает широкое признание у рядового слушателя? Только ли дело в «опережающем время» творчестве некоторых композиторов, в так называемом ускоренном развитии? Нужно искать причину «отдаленности» от народа, как считают некоторые музыковеды?

М.Х.: Ну и вопрос ты задал... Попытаюсь объяснить свое понимание этого явления на примере Р. Яхина.

В становлении Р. Яхина удачно сомкнулись три обязательных основополагающих фактора: исключительность его композиторского таланта, великолепная профессиональная школа и прекрасное воспитание в духе лучших национальных традиций. Последнее явилось изначальным условием развития его личности, тем, что формируется в семье под влиянием окружающей его среды.

Его отец происходил из рода потомственных мулл, т. е. татарской интеллигенции того времени. Это была интеллигентная семья, в которой царила атмосфера духовной культуры. В доме Яхиных собирались представители татарской интеллигенции, разумеется, вместе музицировали и пели. Увлечением был театр, ставились домашние спектакли с музыкальным сопровождением. Вот в такой атмосфере рос Рустем.

Б.Х.: Известная оперная певица Марьям Рахманкулова¹¹⁰, кажется, приходилась родственницей Яхиным, она и привела его в музыкальную школу. Можно предположить, что, родившись уже при советской власти, Яхин застал лишь отголоски того культурного подъема, которым было охвачено татарское общество начала XX века.

М.Х.: Тем не менее 20-е годы были не самыми плохими в смысле условий для развития национальной культуры, хотя идеология советской власти уже давала о себе знать. Однако благополучие Яхиных длилось недолго — они в полной мере испытали на себе все «прелести» сталинской политики «ликвидации эксплуататорских классов». У них отбирают дом, имущество, и он рано лишился отца.

Б.Х.: Все это, конечно, оставило глубокий след в душе Рустема, сказалось на его характере и личности.

М.Х.: У Яхина до конца жизни осталась удивительная духовная близость со своей матерью. Он даже женился только после ее смерти. Но тогда, в тридцатые годы, быстро пройдя курс Казанской музыкальной школы, он поступил в музыкальное училище при Московской консерватории, а после войны занимался одновременно на композиторском и фортепьянном факультетах. Во время учебы в Москве на него очень большое воздействие оказала К. Т. Мацюшевич. Она водила Яхина по всем концертным залам, на Гилельса¹¹¹, Рихтера¹¹², Ойстраха¹¹³ и знакомила с богатой музыкальной жизнью столицы. Рустем отличался особой жаждой новизны. Яхинская эlegantность, по-видимому, формируется именно в это время. Он изучал партитуры малоизвестных произведений, стремился не

¹¹⁰ Марьям Маннановна Рахманкулова (1900–1988) — советская оперная певица (меццо-сопрано), композитор, народная артистка ТАССР, РСФСР.

¹¹¹ Эмиль (Самуил) Григорьевич Гилельс (1916–1985) — советский пианист, музыкальный педагог, народный артист СССР.

¹¹² Святослав Теофилович Рихтер (1915–1997) — советский и российский пианист, народный артист СССР.

¹¹³ Давид Федорович Ойстрах (1908–1974) — советский скрипач, альтист, дирижер, педагог, народный артист СССР.

Первый ряд (слева направо): З. Хабибуллин, Д. Файзи, Ш. Асфандиярова, Х. Туфан, А. Ключарев. Второй ряд: Б. Гизатуллин, А. Арсланов, М. Хасанов, Э. Гельмс, М. Салимжанов, Н. Кузнецов, Ш. Биктемиров. 1971 г.

С композиторами в десятую годовщину смерти С. Сайдашева. 1964 г.

пропускать исполнение таких сочинений в концертах. Все это было чрезвычайно полезно для его композиторского становления и расширения музыкального кругозора. Яхин обладал широкой эрудицией. Так, он поражал окружающих своими познаниями в американском джазе.

Б.Х.: Его дипломной работой в Московской консерватории был концерт для фортепьяно с оркестром. Известный педагог и пианист Э. Монасзон¹¹⁴ вспоминает, какой фурор произвел его однокашник, исполнив эту работу выпускном экзамене.

М.Х.: Ты должен хорошо помнить Эммануила Монасзона и его жену Веру Улик, она служила в Качаловском театре, затем уехала в театр Ленсовета к Игорю Владимирову. Ты с их сыном учился в одном классе.

Б.Х.: Очень хорошо помню, и его домашнее музицирование. Мы ходили с тобой в концертный зал консерватории на выступление квартета Бородина с его участием. А вот Улик я на сцене уже не застал.

М.Х.: Так вот, Яхин был очень скромный и даже застенчивый человек. Монасзон пишет, что он комплексовал, чувствуя себя «гадким утенком» в окружении блестящих сокурсников из Московской консерватории. Многие действительно стали звездами исполнительского искусства или прославились как композиторы. А вот после исполнения своего концерта Рустем, по словам Монасзона, «проснулся знаменитым», теперь все признали в нем «прекрасного лебедя». Монасзон всегда умел красиво сказать, педагог он замечательный. Действительно, фортепьянный концерт Яхина считается шедевром мирового уровня. «Зрелый умудренный опытом войны тридцатилетний человек, с юношеской непосредственностью и восторженностью славил жизнь. Я слушал его на дипломном экзамене. Впечатление было огромным, ошеломляющим. Это был нечастый случай единения сцены и зала. Это был триумф!» — вспоминает Монасзон. Что здесь еще можно добавить... В этом концерте автор предстал мелодистом и романтиком уровня С. Рахманинова¹¹⁵.

Б.Х.: Яхина всегда упрекали за близость к Рахманинову.

М.Х.: Он был очень ранимым человеком и, кажется, побаивался критики в свой адрес. Да, он и был продолжателем традиций. Музыка преемственна. Отдав в первой части концерта дань европейской традиции,

¹¹⁴ Эммануил Александрович Монасзон (1927–2010) — пианист, педагог, заслуженный деятель искусств ТАССР.

¹¹⁵ Сергей Васильевич Рахманинов (1873–1943) — русский композитор, пианист, дирижер.

во второй и третьей частях Яхин поднимает национальные татарские темы. В концерте есть все: страсть, темперамент, поэтическая кантилена, блестящая обработка татарских народных тем.

Б.Х.: Две последние части концерта Яхин писал уже по возвращении в Казань. Как восприняла его казанская публика?

М.Х.: Татарские композиторы отнеслись доброжелательно. Но он ведь сам играл свои произведения, и это не нравилось другим композиторам. Такими пианистами они не были. Но все же концерт был признан специалистами крупным достижением всей «советской многонациональной музыкальной культуры».

Б.Х.: В истории татарской музыки Рустем Яхин занимает совершенно особое, уникальное место. Прежде всего это выдающийся, несравненный мелодист, причем международного уровня, при этом он был и выдающимся исполнителем.

М.Х.: Обладая уникальной фортепьянной техникой, присущей редкому профессионалу, он внес огромный вклад в воспитание татарского слушателя, которому было доступно понимание инструментальной и симфонической музыки. Татарский слушатель всегда отличался чрезмерным консерватизмом, зачастую не воспринимая элитарные жанры музыкального искусства. Вначале для татарской публики музыка и мелодия Яхина была новой, совершенно отличной от, например, Музафарова, Хабибуллина¹¹⁶ и даже Ключарева. Яхин, можно сказать, стал эталоном хорошего вкуса в татарской музыке, он установил в ней высокие эстетические критерии.

Б.Х.: Некоторое время Р. Яхин преподавал в Казанской консерватории...

М.Х.: Преподавание было все-таки не для него, оно тяготило его, он предпочитал уединение. По своему психическому складу Яхин был человеком, ставившим внутренний мир превыше внешнего. Очевидно, на характере композитора сказались непростые обстоятельства его жизни. Тем не менее он не был мизантропом, любил жизнь, людей и хорошую шутку. Я часто отмечал его необыкновенное чувство юмора, находчивость и остроумие.

Б.Х.: Оставив преподавательскую работу, Рустем Яхин целиком переключается на композиторское творчество и исполнительскую деятельность. Если бы он сосредоточился лишь на одной концертной дея-

¹¹⁶ Загид Валеевич Хабибуллин (1910–1983) — татарский композитор, скрипач, заслуженный деятель искусств ТАССР, РСФСР, народный артист ТАССР.

На юбилее Н. Рахлина. Слева направо: Н. Рахлин, Ф. Табеев, М. Валеев, М. Хасанов. 1976 г.

Вручение государственных наград деятелям культуры. 1977 г.

тельности, то, не приходится сомневаться, достиг бы самых вершин как исполнитель экстра-класса.

М.Х.: С этим я не совсем согласен. Нельзя разделять Яхина как исполнителя и композитора. Как пианист это был виртуоз с безупречной техникой и высочайшей культурой исполнения. Причем его исполнительская манера внешне выглядела чрезвычайно сдержанной, но внутренний темперамент, романтический порыв фантастическим образом выражались в звуках.

Между тем по своему внутреннему складу, мироощущению и мировосприятию Яхин тяготел к жанру камерной, лирической музыки. Его упрекали в том, что он избегает крупных форм. Вообще, на мой взгляд, упреки в приверженности какому-то одному жанру, как правило, несправедливы. Любого композитора надо принимать за то, что он делает и что в нем ценно.

Б.Х.: Универсальных гениев, одинаково сильных во всех жанрах, в истории мировой музыки можно пересчитать по пальцам.

М.Х.: Такая специализация естественна и понятна. Ведь и в литературе есть мастера крупных форм, а есть гениальные авторы короткого рассказа. Каждый творит в том жанре, к которому расположен его талант. Мне кажется, Яхин все же мечтал написать оперу, однако как можно сочинить приличное произведение в этом жанре в отсутствие подходящих либретто? Ведь надо признать, что были большие проблемы с либретто даже для опер «Алтынчеч», «Ильдар» и «Джалиль» Н. Жиганова.

Б.Х.: Либретто всех этих опер связано с М. Джалилем — а он еще не был реабилитирован?

М.Х.: И это тоже. Если я не ошибаюсь, Яхин загорелся идеей написать что-то схожее с монооперой «Человеческий голос» Ф. Пуленка¹¹⁷, естественно на национальной татарской основе. В этой моноопере нет каких-то больших действий — всего один исполнитель. Такая форма, мне кажется, была бы близка Яхину. Кто из татарских литераторов мог осилить подобный сюжет и написать либретто?

Б.Х.: Вокальное творчество Р. Яхина огромно, им написано около 400 песен и романсов. Причем среди них нет проходных, вымученных произведений.

М.Х.: За сочинительство он брался, лишь почувствовав вдохновение. У него было удивительно тонкое чувство слова, он в совершенстве владел родным татарским языком, что очень помогало авторам текстов.

¹¹⁷ Франсис Жан Марсель Пуленк (1899–1963) — французский композитор, пианист, критик.

Нередко Яхин удивлял окружающих, взяв в работу тексты начинающих авторов.

Б.Х.: Жанр песни на первый взгляд кажется простым, доступным даже для не очень хорошо подготовленных композиторов.

М.Х.: Это впечатление обманчиво. Здесь нужен талант не меньший, чем в других, академических жанрах музыки. История музыкальной культуры знает случаи, когда дар уникального мелодиста вдруг обнаруживался в человеке, не знавшем даже нотной грамоты. Так, знаменитый американский автор бродвейских мюзиклов и популярных шлягеров Ирвин Берлин одним пальцем наигрывал на пианино свои шедевры, которые за ним фиксировали в нотах профессиональные музыканты.

Б.Х.: Рустем Яхин своими сочинениями поднял татарское вокальное искусство до европейского уровня. С его легкой руки в национальной музыкальной культуре укоренился жанр романса.

М.Х.: Большой успех имел романс на стихи М. Джалиля «Дулкынар», великолепный драматический цикл «В моабитском застенке». Можно, конечно, об этом сожалеть, но, видимо, душа музыканта испытывала потребность выражения именно в камерной музыке. И, по существу, именно Р. Яхин впервые открыл огромные выразительные возможности рояля в его прекрасных фортепианных сопровождениях при исполнении романсов. Он обогатил тем самым татарский музыкальный слух. Для меня он, несомненно, корифей романса. Удивительная музыка! Красивая, мелодичная, эмоциональная, напоенная национальным ароматом. Она западает в душу сразу и навсегда, не только волнует сердце, но и возвышает разум.

Его вокальное творчество разнообразно по тематике. Любовная лирика, пожалуй, наиболее близка. Но лирика с героической патетикой и философскими раздумьями тоже есть. Он писал как в классической манере («Куңлемдә яз», «Оныта алмыйм», «Ышанам» и др.), так и в стиле народной песни («Китмә, сандугач», «Сорнай моңы», «Килен төшә»).

Б.Х.: Его связывала дружба со многими татарскими литераторами и поэтами. Но все же с кем Яхину работать было комфортнее, с твоей точки зрения?

М.Х.: Среди авторов его песен М. Нугману¹¹⁸ принадлежит особое место.

Я был свидетелем их дружбы. Мустафа Нугман был личностью вы-

¹¹⁸ Мустафа Нугманович Нугманов (1912–1976) — поэт, языковед.

сокоодаренной и темпераментной, оригинальной во всех отношениях, с другой стороны — спокойный и тихий Яхин. Он был воистину певцом любви, глубоко мыслящим, искренним и страстным. Результатом удивительного содружества поэта и композитора стали лучшие романсы Р. Яхина.

Б.Х.: Есть ли среди вокальных произведений Р. Яхина такие шедевры, написав только один из них, он навсегда остался бы в истории татарской культуры?

М.Х.: К таким можно отнести пронзительную и трогательную песню «Китмә, сандугач» на стихи Г. Зайнашевой¹¹⁹, романсы «Син кайда иден?» на стихи Н. Даули¹²⁰, «Киек казлар китә» на стихи М. Нугмана, «Кунелемдә яз» на стихи Г. Насретдинова¹²¹. Яхинские сочинения представляют собой новое европеизированное стилистическое направление.

Б.Х.: Особого внимания заслуживает вклад Р. Яхина в создание и развитие татарского фортепианного искусства, в пропаганду национальной музыки.

М.Х.: Это был блистательный музыкант. Он стал первым татарским пианистом, обладавшим высокой исполнительской культурой, впитавшим лучшие традиции московской пианистической школы.

Б.Х.: Я хотел поговорить о семье Рустема Яхина. Некоторые говорят, что, если бы женой у него была понимающая женщина, он не выглядел бы так удручающе в последние годы жизни.

М.Х.: Это очень деликатная тема. И здесь все не так однозначно. Вот кто-то мне рассказывал, что Халима Закировна, жена Яхина, без его ведома добилась получения четырехкомнатной квартиры на улице Татарстан. Я отлично помню эту историю, потому что сам занимался этим вопросом.

Б.Х.: Как будто бы даже сам Яхин рассказывал, что он не был в курсе...

М.Х.: Да, мне об этом говорила Юлдуз Исанбет¹²². Без личного участия Рустема Яхина такие вопросы не решались, здесь он лукавит, если ты говоришь, «что не был в курсе». Я бы не хотел подробно обсуждать данную тему. У Яхина был свой внутренний мир, он был созерцательного типа личность и в музыке, и в жизни тоже. В музыке он созерцал

¹¹⁹ Гульшат Хисамовна Зайнашева (1928–2005) — татарская поэтесса, драматург.

¹²⁰ Наби Даули (Набиулла Хасанович Даулетшин) (1910–1989) — писатель, поэт.

¹²¹ Гамир Гарипович Насрый (Насретдинов) (1976–1959) — поэт, драматург.

¹²² Юлдуз Накиевна Исанбет (1936–2021) — музыковед, педагог, заслуженный деятель искусств ТАССР, РФ.

по Марксу¹²³, ближе к чувственной деятельности. А вот в своей семье он был созерцателем по Канту¹²⁴, то есть без осмысления. Когда я был в гостях у Рустема Яхина, вот в этой его квартире на улице Татарстан, он подвел меня к окну и показал: «Видите минарет мечети? Это мне дает вдохновение писать». Кто чем вдохновляется. Рустем Яхин писал музыку, созерцая минарет мечети. Если подумать, не преувеличение ли это? Если он создает ограниченные творения, глядя только на минарет мечети, его можно за это критиковать — ты ограничиваешь себя, свой уровень, у тебя талант шире. Главное — результат.

Его вклад в развитие национальной культуры, я считаю, сопоставим с достижениями Г. Тукая — в поэзии, Г. Ибрагимова — в литературе, Б. Урманче — в изобразительном искусстве.

Б.Х.: В татарской культуре можно назвать три яркие звезды, которые задавали ориентиры дальнейшего национального развития. Это Габдулла Тукай. Он раскрыл татарскому народу волшебный мир поэзии в небывалой широте и глубине. Салих Сайдашев сумел раскрыть душу народа в музыке, его мелодии будто касаются тончайших струн человеческих чувств. И, наконец, Баки Урманче. Это он воплотил на холсте, в суровом камне или дереве историю своего народа. Глядя на его шедевры, возникает ощущение, что они сотворены не только руками художника, но и его сердцем. Этими творениями он увековечил не только свое имя в истории, по ним будут судить о всем нашем народе.

М.Х.: Эти три титанические личности воздвигли фундамент современной татарской культуры. И все трое порождены золотым периодом татарского ренессанса, приходящимся на начало XX столетия. Эти три гения воплощают в себе весь талант народа, копившийся веками, его могучий духовный потенциал, национальный подъем, его мечты и устремления. Каждый из них задал определенное направление культурно-духовному возрождению татарского народа.

Б.Х.: Что же дал XX век татарам? Что нового принес он в жизнь народа, в его прогрессивное развитие? Что мы обрели и что потеряли в уходящем столетии?

М.Х.: В XX век в политическом и духовном плане татары вошли как одна из самых зрелых наций Российской империи. Татары шли в аван-

¹²³ Карл Генрих Маркс (1818–1883) — немецкий философ, социолог, экономист, писатель, поэт, политический журналист, общественный деятель, историк.

¹²⁴ Иммануил Кант (1724–1804) — немецкий философ эпохи Просвещения.

На переднем плане: М. Хасанов, Б. Урманче, Н. Даутов. с. Новый Кырлай, 1976 г.

Юбилей Баки Урманче. Слева направо: М. Хасанов, Д. Зарипова, Т. Салахов, К. Фасеев, Ф. Ахметова-Урманче, Б. Урманче. 1987 г.

гарде социально-экономического прогресса. Не все надежды оправдались. В результате советской автономизации татарский народ оказался разделенным в территориальном отношении, что служило препятствием развитию культуры народа. Однако было бы неправильно не видеть достижения советского периода, тут мы должны сохранять объективность. В то же время уходящий век принес татарам не только победы и достижения, но и утраты, а то и подлинные трагедии.

Б.Х.: Таланты, порожденные татарским ренессансом, призванные служить родному народу, его культуре, оказались обречены на трагическую судьбу. Многие из них пали жертвами революций, войн, тоталитарной системы большевизма. Тех, кто остался жив, сумел вернуться на родину, к творчеству, можно сосчитать по пальцам.

М.Х.: Баки Урманче — один из немногих, кому это удалось. Его путь как художника оказался непростым и богатым, в общем поучительным. Ему пришлось отбывать срок на Соловецких островах¹²⁵, и после освобождения он был вынужден жить и творить вдали от родного Татарстана. Из семи с лишним десятилетий активной творческой жизни ему лишь около половины довелось провести в родной среде татарской культуры, среди друзей и единомышленников. Несмотря на все это, Б. Урманче благодаря своему выдающемуся дарованию, огромной силе воли, незаурядному трудолюбию сумел стать великим художником. Он являл собой классика и новатора татарской культуры в одном лице.

Б.Х.: Есть непреложная истина, подтвержденная историей развития мировой культуры. И эта истина заключается в том, что для раскрытия таланта, его востребованности народом необходимы три условия: первое — наличие природных способностей; второе — обретение должных профессиональных знаний и навыков; третье — глубокая укорененность в родном народе, его древней и богатой культуре.

М.Х.: В Урманче все эти качества присутствовали в полной мере, и даже с избытком. Все это вместе с его самосовершенствованием сделали из него великого Художника.

В то же время творчество Урманче переросло национальные границы, нашло любовь и признание других народов. Работая в Казахстане и Узбекистане, он начал с изучения культуры и местного фольклора. Он не просто иллюстрировал произведения Абая¹²⁶ или местные народные сказки, а вносил свое видение и понимание литературного текста.

¹²⁵ На Соловецких островах находился Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН).

¹²⁶ Абай (Ибрагим) Кунанбаев (1845–1904) — казахский поэт, философ, музыкант, народный просветитель, общественный деятель, основоположник казахской письмен-

Б.Х.: Это же можно сказать и о его иллюстрациях к стихам Тукая.

М.Х.: Порой рисунки Урманче выходят за рамки текстов Тукая. Это авторское прочтение художника, и поэтому нужно называть, скорее всего, соответствующее издание как «Тукай в иллюстрациях Урманче». Сюда же относятся графические работы по мотивам поэзии Дэрдменда¹²⁷.

Б.Х.: Видимо, благодаря глубокому знанию фольклора он помнил большое количество народных песен. Говорят, что Урманче был незаурядным певцом.

М.Х.: Вообще, песни сопровождали всю его жизнь. Он знал множество текстов и некоторые помнил с детства, еще от отца. Можно, наверное, сказать, что он запоминал и видел их через свое художественное изображение. Они создавали в его подсознании образы, которые он проявлял художественными методами. Я бы сказал, что песни, стихи и даже пословицы он пытался перенести на холст или в скульптуру. Это относится и к его работам как художника-оформителя.

У меня сложилось впечатление, что ценность любого знания для Урманче зависела от степени полезности для его творчества. Занятие живописью, как мне казалось, было ему нужно для достижения чего-то большего. И множество языков, которые ему приходилось изучать, были нужны для работы с оригинальными источниками в его многоплановой творческой деятельности. Можно одно и то же явление изобразить средствами живописи, а можно то же самое описать с помощью языка. Изобразительное искусство передает окружающее более наглядно и зримо по сравнению со средствами языка.

Б.Х.: Здесь есть различие между поэзией и литературой вообще?

М.Х.: Думаю, что для него разницы не было. Живопись, например, может изобразить предмет или явление как целое. А литература и ее текстовый ряд разворачиваются во времени последовательно. В языке очень трудно и почти невозможно одновременно схватить целое в единстве всех его частей. То, как Урманче пытался Слово изобразить посредством живописи, и есть основание гармонии Урманче, которое роднит его с эстетикой Леонардо да Винчи¹²⁸. Об этом в свое время фундаментально писал Алексей Лосев¹²⁹ в своей «Эстетике Возрождения».

ной литературы.

¹²⁷ Дэрдменд (псевдоним; Закир Садыкович Рамеев) — классик татарской литературы, известный золотопромышленник, меценат, оренбургский купец первой гильдии.

¹²⁸ Леонардо ди сер Пьеро да Винчи (1452–1519) — итальянский художник, ученый, изобретатель, писатель, музыкант, один из крупнейших представителей искусства Возрождения.

¹²⁹ Алексей Федорович Лосев (1893–1988) — русский советский философ,

Б.Х.: Для понимания творчества Урманче необходимо обратиться к его истокам. У многих творцов татарского ренессанса можно обнаружить одно, если можно так выразиться, генетическое сходство. Почти все они происходят из семей мусульманских религиозных деятелей.

М.Х.: Это не удивительно, ведь муллы, по сути, составляли национальную интеллигенцию того времени. Они не только вели религиозную деятельность, но и обучали детей, готовили их к взрослой жизни. Его отец имам Идрис дал и первоначальное образование маленькому Баки. Затем Урманче учился в медресе «Мухаммадия»¹³⁰.

Б.Х.: Татарская культура, развивавшаяся в русле мусульманской цивилизации, имела весьма специфические традиции изобразительного искусства. Вопрос правомерности своей профессиональной деятельности с позиций ислама всегда волновал Урманче.

М.Х.: Считается, что ислам не поощряет занятие живописью и скульптурой. Урманче не обнаружил в Коране прямого запрета на изображение человека в любой форме. Но ответа на этот вопрос он, по-видимому, для себя так и не получил. Коран для него был источником не только знания, но и вдохновения. Одних только логических умозаключений недостаточно для понимания природы вещей.

Б.Х.: Урманче был верующим человеком?

М.Х.: Мировоззрение Урманче всегда было глубоко религиозным. Несколько поколений его предков были муллами. Я вижу в нем, с одной стороны, полную жизненных тягот и лишений мудрость, а с другой — невероятный оптимизм. Искусство для Урманче было основано не только на религиозном чувстве, но и на разуме, и на фантазии. Его разум и подсознание — это не одно и то же. В подсознании он находил свою картину мира, которую его разум воплощал в реальной действительности.

Творчество Урманче воспринимается как реалистическое искусство. Но это только на первый взгляд. Он следовал в своем искусстве и модернистским течениям, и импрессионизму, которые проявлялись постоянно, и не только в живописи. Это какой-то новый художественный стиль. В нем есть палитра красок импрессионизма, одновременно присутствуют и живопись, и рисунок.

Б.Х.: Урманче не мог обойти и графические вариации на основе арабской вязи. Видимо, поэтому он занимался прикладным орнаментом и

антиковед, филолог, переводчик, писатель.

¹³⁰ «Мухаммадия» — высшее мусульманское образовательное учреждение, расположенное в историческом центре Казани.

Уважаемому ученому,
честному и великому
руководителю, дорогому
Мансуру Хасановичу
на память.
С почтением, Габдельбаки.

Хөрметлеги عالم وه ناموسلى اولوغ قور اييه له ريه
عزىتى منور حسن اوغلى
ناهيزانه يادگار بولغايدى
عبد الباقي

Юбилей Баки Урманче. 1987 г.

росписью шамаилей¹³¹. Это искусство можно считать разновидностью каллиграфии, очень почитаемой у мусульман Востока.

М.Х.: Его шамаили восхитительны и не имеют аналогов в мусульманском искусстве. Урманче усовершенствовал стиль арабской каллиграфии. Этим искусством он владел в совершенстве и был им сильно увлечен, и, конечно же, источником идей для его каллиграфических работ были татарский фольклор и литература. Можно сказать, что арабскую каллиграфию он превратил в жанр изобразительного искусства. Он мне писал или что-то подписывал, используя только арабскую графику. Ты знаешь, Урманче участвовал в подготовке «Письма 82-х»¹³² в 1927 году против перехода с арабской графики на латиницу. Но обвинили его за участие в группе Султан-Галиева и отправили на пять лет в заключение на Соловецкие острова.

Б.Х.: Деятельность Урманче не ограничивалась лишь изобразительным искусством, он был знатоком древних рукописей и к тому же писал стихи.

М.Х.: Народный фольклор — это не просто одно из его увлечений. Урманче собирал древние книги и вполне профессионально переводил их на современный татарский язык. Его жена Флора Ахметова-Урманче рассказывала мне, как он помогал ей при работе над известным дастаном «Лейла и Меджнун». Для татарской версии он переводил архаичные термины на современный язык, адаптировал непонятные для нынешнего читателя древние стихи. По существу, его можно назвать и текстологом, потому что адаптация дастанных стихов — это самостоятельная сфера его деятельности.

Б.Х.: После освобождения из лагеря в 1933 году Урманче некоторое время работал в Москве, где впервые стал участвовать в художественных выставках. Он был вынужден творить в рамках так называемого социалистического реализма, с его прямолинейной дидактикой и служением советскому агитпропу¹³³.

¹³¹ Шамаиль — в мусульманской культуре вид религиозного изобразительного искусства.

¹³² В письме ставилась под сомнение необходимость форсированного перевода татарской графики на латынь, особо подчеркивалась опасность отрыва от созданной за многие столетия культурной традиции татарского народа и нанесения ущерба его исторической памяти.

¹³³ Агитпроп (сокращение от слов «агитация» и «пропаганда»; Управление пропаганды и агитации) — обиходное название Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС (ранее ЦК ВКП(б)).

М.Х.: Но такова была судьба всех художников в те годы. Умудренный горьким опытом Урманче понимал это достаточно хорошо.

Б.Х.: С другой стороны, в этом можно узреть и проявление конформизма¹³⁴.

М.Х.: Впрочем, альтернативой конформизму были лагеря. Поэтому мало кто из деятелей советской культуры избежал в своем творчестве тех или иных проявлений конформизма. Тогда же его принимают в Союз советских художников. Как известно, творческие союзы изначально были созданы для осуществления партийного руководства художественной интеллигенцией. В те же годы он занимается оформлением многих павильонов комплекса Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Б.Х.: Сейчас мы знаем этот комплекс как ВДНХ.

М.Х.: В 1941 году Урманче едет в Алма-Ату для участия в подготовке 100-летнего юбилея казахского поэта и просветителя Абая. Без членства в Союзе художников все это было бы невозможно, к тому же имея в биографии лагерный срок.

Б.Х.: Оптимизм и душевная стойкость всегда были присущи Урманче. Несмотря на многие неурядицы и порой тяжелые социальные и житейские проблемы, он умел жить и радоваться бытию.

М.Х.: Талант всегда и везде остается талантом. Помнится, Урманче не имел обыкновения посвящать кого-либо в трудности своей жизни. Да и в его произведениях это особенно не заметно. Где бы ни работал Урманче, он обладал удивительным даром вживания в национальную среду. В Казахстане он творит как истинно казахский художник, в Узбекистане — как узбекский. В каждой из этих республик его считают деятелем своей культуры.

Б.Х.: Но в Казань ему не разрешали вернуться?

М.Х.: Правительство республики пригласило его для выполнения оформительских работ, декораций, костюмов для концерта мастеров искусств ТАССР во время Декады татарской литературы и искусства в Москве в 1957 году. На следующий год руководство Татарской республики добивается разрешения на возвращение Урманче в Казань.

Б.Х.: Салих Батыев, в то время второй секретарь обкома, приписывал себе заслугу получения этого разрешения.

М.Х.: Вполне так могло и быть. И судьба дарует Урманче более 30 лет активной творческой жизни в Казани. Это были, пожалуй, самые пло-

¹³⁴ Конформизм — изменение человеком норм, установок, восприятий, мнения и поведения в соответствии с теми, которые приняты или господствуют в данной группе или обществе.

дотворные годы его творчества. Уже зрелый мастер создает шедевры, ставшие достоянием художественной культуры татарского народа.

Б.Х.: Урманче в своем творчестве сумел синтезировать эстетику Востока и Запада, он поднял татарское изобразительное искусство до высот европейского и мирового уровня. Я думаю, его имя может стоять рядом с именами таких художников и скульпторов XX века, как С. Коненков¹³⁵, Д. Сикейрос¹³⁶, Н. Фешин¹³⁷. Талант Урманче многогранен, он плодотворно работал в таких разных жанрах, и все же именно в скульптуре, на мой взгляд, ему удалось проявить свое дарование в полной мере. Он увековечил образы выдающихся деятелей татарской истории и культуры. Эту скульптурную галерею можно считать национальным достоянием.

М.Х.: Все верно, Б. Урманче не просто скульптор, но и, без преувеличения, своеобразный и глубокий мыслитель. Его произведения насыщены глубокими философскими идеями. Кстати, скульптурой он начал заниматься только в Казани.

И я хочу напомнить тебе скульптуру «Сагыш» — работу необыкновенной художественной силы. Не думаю, что кто-то мог оставаться равнодушным, находясь перед ней. Невольно погружаешься в глубокие раздумья о жизни и бытии.

Б.Х.: В музее она, кажется, в переводе на русский язык так и называется «Раздумье».

М.Х.: Это не совсем точный перевод. Сагыш — это тоска, грусть. Что имел в виду Урманче, сейчас трудно сказать. Вот об этом я его не спрашивал. Ты помнишь, у нас есть эта скульптура в гипсе, а оригинал он вырезал из корня дерева. Он подарил мне копию в семидесятых годах. Старик как будто соединяет в себе две противоположности, которые присущи Урманче: оптимизм и жизнерадостность, грусть и печаль. Это пластическое осмысление его образов.

Б.Х.: Голова старика напоминает мне то, как описывал Бродский¹³⁸ лицо английского поэта Уистена Хью Одена. Оно было настолько изрезано морщинами, что он сравнивал его с географической картой с глазами посередине.

М.Х.: У меня другие сравнения. Урманче искусно использовал в этой

¹³⁵ Сергей Тимофеевич Коненков (1874–1971) — русский и советский скульптор, график, педагог.

¹³⁶ Давид Альфаро Сикейрос (1898–1974) — мексиканский художник.

¹³⁷ Николай Иванович Фешин (1881–1955) — русский и американский живописец, скульптор, график, резчик, яркий представитель русского импрессионизма и модерна.

¹³⁸ Иосиф Александрович Бродский (1940–1996) — русский и американский поэт, эссеист, лауреат Нобелевской премии по литературе 1987 г.

скульптуре корни дерева. Мне кажется, что в ней сказалось увлечение Урманче каллиграфией — можно разглядеть в складках изборожденного лица изгибы арабской вязи. Он органично адаптировал природный материал к своему замыслу.

Или возьми скульптуру «Весенние мелодии». Это воистину гимн жизни и ее обновлению. Вообще, «Сагыш» и «Весенние мелодии» воспринимаются как разные полюсы жизни, противоположные друг другу, в них как бы пересекаются жизнь и смерть, полные философской глубины.

Урманче — эрудит, владевший турецким, арабским, фарси и французским языками. Он обладал глубокими познаниями в народном искусстве, архитектуре, фольклоре и этнографии татар. А в поэзии он выдал такие шедевры, которые ставят его в один ряд с самыми выдающимися нашими поэтами. Как пела в его руках скрипка, как пел он сам! Действительно, его таланты не счесть. По широте и глубине своих познаний, разносторонней деятельности он настоящий энциклопедист. Он стал первым татарским теоретиком и историком искусства, эстетики в широком смысле.

Б.Х.: Урманче работал и в живописи, и в скульптуре, и в графике. Можно ли назвать его творчество равновеликим во всех этих видах изобразительного искусства?

М.Х.: Да, в этом как раз проявляется универсальность Урманче, которая среди художников встречается крайне редко. Даже больше, он занимался и архитектурными проектами, оформлением театральных спектаклей.

Б.Х.: Тукай — это особая тема в творчестве Урманче. К 90-летию поэта он принимал участие в создании в селе Кырлай посвященного поэту мемориального комплекса.

М.Х.: Всю свою жизнь Б. Урманче тянулся к Тукаю, вдохновлялся его произведениями. Я ощутил эту великую любовь к поэту, когда в 70–80-е годы возводился музейный комплекс Г. Тукая. Мне приходилось каждую неделю бывать в Кырлае и заниматься вопросами строительства. Нередко со мной ездил и Баки Урманче. По сути, он являлся архитектором дома-музея и автором скульптуры Тукая, по его замыслу был оформлен парк, для которого он изготовил персонажей произведений поэта.

Б.Х.: Урманче умер летом 1990 года. Его похоронили рядом с могилой Тукая. Кто выбирал место для могилы?

М.Х.: После кончины Баки Урманче мы с его супругой Флорой Ахметовой вместе подбирали место для могилы. Тогда я вспомнил его рассказ о том, как он весной 1913 года, когда учился в медресе, узнав о смерти

Тукая, провел ночь у его тела. И мы решили похоронить его рядом с великим поэтом. Мои полномочия тогда позволяли принять такое решение, несмотря на то, что это было не так просто. Тогда на похоронах Урманче общественность, пришедшая проводить в последний путь художника, одобрила наш выбор. Так спустя 77 лет он сам упокоился рядом с Тукаем.

У меня было ощущение, что по могучему и ветвистому дубу татарской культуры ударила молния, и я сказал об этом в своем прощальном слове у могилы. И все же корни этого дуба не засохли. Из них прорастают все новые и новые побеги.

Б.Х.: Ты назвал Урманче энциклопедистом в татарской культуре, он создал свою школу изобразительного искусства, а это признак бессмертия.

М.Х.: Во всей своей разнообразной деятельности он достигал совершенства. В наше время трудно найти такого Художника, который был бы совершенен в различных областях искусства. Но Урманче был именно таким. Такими были мастера Возрождения. По существу, это фигура масштаба Леонардо да Винчи для татарской культуры XX века.

М. Хасанов,
Н. Валеев,
Ф. Табеев.

М. Шаймиев, М. Хасанов.

Чингиз Айтматов в Академии наук РТ. 2000 г.

Юбилей Р. Сагдеева в Казани. Слева направо: Г. Месяц, Р. Сагдеев, С. Эйзенхауэр, М. Хасанов. 2002 г.

М. Шаймиев, М. Хасанов, Г. Усманов. 2002 г.

Десятилетие Академии наук РТ. Слева направо: Э. Батыева, Ф. Мухаметшин, М. Хасанов, К. Исхаков, М. Фарукшин, З. Валеева, А. Коновалов. 2001 г.

Вручение Государственной премии РТ в области науки и техники сотрудникам Института Татарской энциклопедии АН РТ. 2005 г.

Коллектив Института Татарской энциклопедии АН РТ на презентации «Татарского энциклопедического словаря». 1999 г.

Представление коллективу Института Татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова АН РТ нового директора. Слева направо: А. А. Тимерханов, Р. Н. Минниханов, Э. М. Галимова. 2024 г.

Ученый секретарь института М. Ш. Сибгатуллина, директор Э. М. Галимова, заместитель директора Л. М. Айнутдинова. 2024 г.

Заседание Ученого совета института. 2024 г.

С внуками Фаридом и Айдаром.

Внук Азат с женой Аделей и дочерьми Аминой и Марьям.

Внучка Камиля с мужем Айратом и сыновьями Каюмом и Камилем.

Азат, Булат и Камиля Хасановы на открытии мемориальной доски на здании Академии наук РТ.

Фарида Хасанова и внуки: Каюм, Камиль, Марьям, Амина.

Булат и Мансур Хасановы.

С сыном Айратом и внуками Айдаром и Фаридом.

ГЛАВА 6

ТАТАРСКАЯ СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПОЭЗИЯ

Б.Х.: Считается, что татарская литература имеет почти тысячелетнюю историю и рукописную книжную традицию. Однако соотношение жанров в ней на протяжении всей истории довольно изменчиво. На рубеже XIX–XX веков в татарской литературе отчетливо прослеживается эволюционный переход в новое качество. У татар появляется жанр беллетристики, свойственный культурам развитых европейских народов.

М.Х.: Конечно, это было связано с новыми потребностями татарского общества, вставшего на путь капиталистического развития и национального строительства. Развивались взаимосвязанные и подпитывающие друг друга процессы. Новые экономические и культурные потребности эпохи вызвали бурные перемены в традиционной системе национального образования.

Б.Х.: Царская власть, следуя своей колонизаторской политике, жестко следила, чтобы инородцы в обучении не выходили за рамки религиозно-схематической догматики.

М.Х.: Однако джадидистские (новометодные) медресе получали все большее распространение. Безусловно, огромное влияние на развитие татарской литературы оказало появление национальной периодической печати. И хотя татары еще в XIX веке добивались разрешения на издание газет, это было дозволено лишь после грозных событий 1905 года, потрясших основы Российской империи.

Б.Х.: У многих видных деятелей татарской культуры журналистика и литературное творчество тесно переплетались.

М.Х.: Тут можно назвать и Гаяза Исхаки, и Габдуллу Тукая, и Галимджана Ибрагимова, и очень многих других. И такое совмещение деятельности талантливыми людьми способствовало развитию как литературы, так и журналистики.

Б.Х.: На соотношение жанров в литературе, безусловно, влияют даже чисто технологические факторы общественного прогресса. Скажем, авторская проза могла получить распространение лишь с возникновением книгопечатания — у татар оно появилось в конце XVIII века. И это не случайно, ведь трудно представить себе рукописное распространение пусть даже небольших повестей, не говоря уже о романах. Никакие переписчики с этим не справились бы, хотя история рукописной книги у татар восходит где-то к IX–X векам, когда народ Волжской Булгарии принял ислам и освоил арабскую письменность.

М.Х.: Это не главное. Особенность развития литературы, на мой взгляд, способствовала усилению позиций в ней жанра поэзии во все времена. Эта традиция и сейчас весьма ощутима в татарской литературе. Поэтическое слово любимо и востребовано татарским читателем и по сей день. Тут сказываются не только эстетические приоритеты нашей культуры. Кроме того, жесткий колониальный гнет царизма с многочисленными ограничениями и запретами, в том числе и в сфере духовной жизни, отнюдь не способствовал литературному творчеству в сфере беллетристики. Тогда как поэзия с ее иносказательным, метафорическим, образным языком могла обходить цензуру.

Б.Х.: Тогда можно ли сказать, что трудное испытание татарская литература прошла и в советскую эпоху, когда в угоду идеологии авторы вынуждены были жертвовать художественной стороной творчества.

М.Х.: Разумеется, больше всего от этого пострадала проза, ее метод был строго ограничен так называемым социалистическим реализмом, далеким от поиска новых форм. Поэзия же при всех идеологических компромиссах авторов могла уходить в сферу любовной лирики, интимных переживаний героев, аллегорий и метафор. Таким образом, она могла больше внимания уделять обычным человеческим чувствам, актуальным для людей во все времена и при всех режимах.

Б.Х.: Татарская литература на протяжении всей своей долгой истории славилась многочисленностью поэтов, хороших и разных. Причем география их происхождения поражает своим разбросом. К примеру, Хади Такташ родился в Тамбовской губернии, Дэрдменд — на Урале, Сагит Сюнчелей — в Саратовской губернии и т.д. Среди

татарских поэтов есть выходцы из Сибири, Центральной Азии, Крыма, Кавказа.

М.Х.: Действительно. И это относится не только к поэтам. Татарская культура до образования Татарской республики была распространена не только в пределах современной географической территории. Все изменилось при новом территориальном переустройстве, при образовании СССР. Особенно наглядно все это проявилось после основания Башкирии и Татарии. Пожалуй, больше всех литераторов дала Уфимская губерния, впоследствии включенная в Советскую Башкирию. Отсюда вышло и немало замечательных прозаиков, таких как Галимджан Ибрагимов, Мажит Гафури, Амирхан Еники и др.

Б.Х.: Наивысший уровень татарского возрождения в национальной поэзии XX века определили Г. Тукай, Дәрдемәнд, М. Джалиль и Х. Туфан. К ним с полным основанием можно отнести и Хади Такташа. Поговорим о нем. Ты рассказывал, что в молодости испытал очень сильное влияние этого поэта.

М.Х.: История мировой литературы свидетельствует, что наиболее яркие поэты рождались в трудные, переломные эпохи. Творчество Хади Такташа сформировалось в переломное время — в первой четверти XX века. Его стихи и поэмы можно определить как поэтический протест против революционных разрушений устоев народной жизни, складывавшихся в течение столетий.

В мучительных поисках развивалась татарская литература после событий 1917 года. Я бы сказал, что в ней, во-первых, продолжался процесс самоопределения художественного мышления народа по пути национального возрождения, во-вторых, шли поиски методов приспособления литераторов к требованиям революционного «переустройства» общества.

Б.Х.: Интерес к отдаленной от нас многими десятилетиями литературной жизни двадцатых годов обусловлен тем, что теперь, в период переоценки мировоззренческих ориентиров, для нас совершенно по-иному открываются многие явления из того времени социальных потрясений.

М.Х.: Хади Такташ — литератор, в чьем творчестве отразились вся сложность и противоречия художественной жизни третьего десятилетия XX века. Он деятельный участник изменения самой структуры татарской художественной литературы. Новая власть очень быстро свела значение искусства к средству пропаганды революции. Большевикам требовалось искусство, воспевающее идеи классовой борьбы. Литература перестала быть явлением книжным, она вышла на площади и в аудитории. Не было

еще такого времени, когда она занимала бы столько места в жизни народа.

Б.Х.: В становлении Хади Такташа велика роль татарских актеров, ставивших театральные постановки в Средней Азии, активным участником которых был тогда еще молодой поэт.

М.Х.: В Казани с многочисленными русскими и татарскими театральными студиями и коллективами Такташ заявил о себе драматургическим произведением. Поэма «Трагедия сынов земли», основанная на библейском сюжете, рассказывает о столкновении сынов земли, мечтающих о прекрасном, о свободе человеческой личности, с силами зла и деспотией. Вслед за С. Рамиевым, Ш. Бабичем и М. Гафури молодой Такташ романтическими средствами передавал трагические настроения гисианизма.

Б.Х.: Понятие гисианизма, идущее от традиций древней тюркской литературы, означало протест личности против сковывающих ее религиозных и общественных норм.

М.Х.: В пореволюционное время значение его расширяется, перерастая в выражение свободы творческой личности, преодолевающей земные и небесные силы зла. Гисианисты были более увлечены наступлением на старое, чем утверждением нового. Кровавые годы, убитые пророки, царь-голод, свергнутые с небес, пламень костра, огнедышащие вулканы — эти метафоры были атрибутами поэтики Такташа того времени. «Я знал темную историю прошлого, поэтому бунтовал против него», — утверждал поэт. Такташ был уверен, что может писать стихи, которые заставят людей содрогнуться, призовут к новому, пока еще зыбкому в своих очертаниях будущему.

Б.Х.: Получается, что он бунтарь, который мучается и терзается извечными вопросами?

М.Х.: Обобщенный образ «Я», выдвинутый на передний план, — это униженный, обездоленный, оскорбленный человек, недовольный окружающей его действительностью:

*Кайгы белән үткән көннәре
Озын булган мәңге газәп белән
Йоклый алмый үткән төннәре.
Ул күп, бик күп уйлап йөргән:
«Адәм кайдан килгән? — тагын да
Кайда китәр?» Ләкин моңа
Жавап табалмаган үзенең аңында.*

Б.Х.: Его герой становится романтиком и символистом одновременно, наделенным колоссальной силой, сравнимой с грозными природными

явлениями: ветрами, вихрями, вулканами и даже атомами.

М.Х.: И даже больше: его сознанию гисиана подвластна не только реальность, но и вся Вселенная. И позднее его герой не терял черт титана, призванного на великие свершения во имя освобождения и счастья людей. В стихотворении «Эшлиләр» («Работают») это богатырь-рабочий, разрушающий основы старого мира. В поэме «Гасырлар һәм минутлар» («Века и минуты») — это «пришедший похоронить старый мир великий могильщик» Ленин.

И Такташ не мог обойти тему вождя. В поэме герой Такташа не конкретный, зримо представляемый человек с волевым характером, а обобщенный образ вождя, одно имя которого ведет за собой миллионы людей. Здесь нет сюжета, где одно событие сменяет другое и раскрывается одушевленный образ человека. Поэма представляет собой ряд эпизодов-картинок из жизни в разных уголках планеты. Они являются фоном для патетических размышлений о том, какой отклик вызвала у людей горестная весть о смерти Ленина. Для Такташа Ленин — это не конкретный земной человек, а вождь.

«Бөтен жир яшь түгә», однако это горе не давит своей безысходностью. На арену борьбы выходят новые люди — их миллионы и миллионы, идущие путем, который указал вождь.

Б.Х.: Такташ, несмотря на все сложности реальной жизни начала двадцатых годов, не мог не чувствовать новую свободу в искусстве, ничем не стесненную, с искренней верой в великие идеалы.

М.Х.: В этой атмосфере работали представители литературных объединений, по-своему видевшие пути и средства возведения нового искусства слова. Гисианизм Такташа оказался созвучен времени рождения новой эстетики, которая начала свое развитие с критики прежних литературных норм и законов. Представители новых эстетических воззрений объявили все это мелкобуржуазным и мещанским. Они требовали отказаться от «пассивного» реалистического отображения жизни. Поэты нового времени, декларируя свою идейную сопричастность идеям большевизма, считали себя монопольными создателями пролетарского искусства.

Б.Х.: Отстаивать свои эстетические концепции приходилось в жарких диспутах, возникавших в ходе литературных собраний, которые стали столь популярными, например литературное объединение Аделя Кутуя «Сулф».

М.Х.: «Сулф», в работе которого принимал участие Такташ, — пример по-настоящему демократического развития искусства. Это литературное объединение середины двадцатых как татарская группа

Слева направо: М. Хасанов, Х. Туфан, С. Кудаш, А. Абсалямов. 1964 г.

Слева направо: Г. Баширов, Р. Каримова, Ф. Ильская, М. Хасанов. 1977 г.

литераторов левого фронта искусства имело футуристический уклон и испытало влияние поэзии Маяковского. Такташ, будучи составителем текстов, участвовал в экспериментальных сценических действиях, таких как грандиозное ораториальное митинговое воплощение поэмы В. В. Маяковского «150 000 000». Поэты «Сулфа» считали, что в стихах должны отражаться факты политики, идеологии и реальной жизни человека. Чтобы достичь в поэзии максимального эмоционального напряжения, разрабатывалась новаторская форма и техника стиха. Они провозглашали полный высокой патетики новый язык со своим лексическим и грамматическим строением.

Б.Х.: Выдвинутые Такташем принципы полностью совпадали с декларациями левых течений в искусстве, которые должны были стать основой стиха нового времени.

М.Х.: По Такташу татарский стих должен приобрести новое звучание и интонацию. «Узок для широких душ и горячих сердец» старый поэтический стиль — аруз. Это арабская система стихосложения, которой свойственно чередование долгих и кратких слогов, знакомых каждому татарину. Такташ требовал дидактику заменить изображением конкретной жизни. Отходя от романтизма в поэзии, он призывал перейти от словесной игры и красот к четко выраженной мысли. Единственно возможной формой, делающей поэтическую идею понятной современнику, Такташ считал говорный стих.

Б.Х.: В этом Такташ был схож со стремлением пролеткультовских сторонников свободного стиха передавать идейное содержание произведений разговорным языком. Тогда свободный стих объявлялся стилем новой формирующейся пролетарской культуры и отвергал какие-либо национальные черты.

М.Х.: Однако Такташ, испытывая сильное влияние новаторских течений, в своих поисках стиля основывался на национальной поэтике и достижениях своих предшественников. Тукай ввел народный язык и поэтику в классический стих, который он довел до совершенства. Сагит Рамиев расширил строфические рамки восточного стихосложения и развивал жанр нәсер, форма которого близка свободному стиху. Такташ использовал точность традиционного и неточность свободного стиха, придал им естественное звучание.

Б.Х.: Можно ли сказать, что он открыл новые возможности татарского языка в поэтическом искусстве?

М.Х.: Заслуга Такташа заключается в создании новой ритмико-интонационной организации стиха: подъемы и снижения, резкие срывы интонации, акцентирование наиболее значимых слов, их графическое

выделение, внимание к звучанию каждого слова и звука. Все это использовалось для создания нужных ассоциаций. Интонация — средство, позволявшее ему выразить смысл стихотворений, который далеко не всегда лежал на поверхности. Вначале у Такташа интонация была составляющей идейно-тематической структуры стихотворений и носила функцию экспрессивной оценки изображаемого. Затем посредством интонации он заставляет понять свои мысли и чувства, которые он не мог выразить открыто.

Б.Х.: Такташ все более проникался убеждением, что стихи должны быть доступны и понятны простому читателю, и искал для своих произведений реалистический язык.

М.Х.: Он утверждал, что ценность стиха заключается не в том, чтобы человек ломал голову над идеей, заключенной в нем, а в том, чтобы идею передать легко и просто, двумя-тремя словами. Такташ избегал отвлеченной эмоциональной экспрессии, он насыщал стихи жизненным материалом, обладающим художественной конкретностью. Цикл стихов поэта «Маленькие шутки» дал повод критикам заявить, что Такташ пишет только о дорогих сердцу крестьянина домашних животных: гусях, курах, телятах, кошках. Такташ, отвечая на критику, писал, что это только декорации, фон для трактора, который был понятным для читателя символом счастливого будущего. Насыщение поэзии вещественными образами было свойством не только поэзии Такташа.

Б.Х.: Крестьянская поэзия была значительным явлением в литературном процессе двадцатых годов во многом благодаря Сергею Есенину. Эта заинтересованность поэзией Есенина объяснялась связью ее с жизненными драмами и конфликтами, характерными для социальных слоев, к которым поэт был близок. Воздействие есенинской поэзии испытал и Такташ, который никогда не скрывал своих симпатий к нему.

М.Х.: Такташ первым из татарских поэтов постиг народный дух, открытую эмоциональность, глубокий психологизм и лаконичность средств выражения поэзии Есенина. Как непосредственное подражание Есенину пытались истолковать критики «Маленькие шутки» Х. Такташа. Действительно, есть в творчестве двух поэтов общие мотивы и точки соприкосновения. Но объясняется это тем, что оба переживали людские неурядицы и несчастья и воспринимали их как свои собственные и личные. Такташу не надо было специально изучать жизнь народа, чтобы постичь его душу — поэт сам по праву был носителем народной души.

Б.Х.: Постоянное обращение Такташа к сельской теме было обусловлено его крестьянским происхождением?

М.Х.: Его естественным знакомством с реальными условиями, тяготами и лишениями простых людей. Лирический герой Такташа глубоко переживал разрыв с деревней, он со злой иронией говорит о городе:

*Здесь нужны деньги! Видно, из деревни
Напрасно заявили мы сюда,
Напрасно, лапотники, затерялись
Мы в этих шумных улицах!*

А уже в другом стихотворении обращается:

*Моя деревня, улицей твоею
Не ограничится моя мечта,
Мое бунтарское стремительное сердце
Велит мне мчаться в дальние края.*

Б.Х.: Его лирический герой не может найти себя ни в городе, ни в деревне.

М.Х.: Сельский человек вступал в полосу глубокого идейно-психологического преобразования, потому что менялась сама деревня. Такташ понимал, что деревня стоит на пороге драматической ломки ее устоев и укладов. Поэтому то, что было связано с прошлым, окрашивалось в лирические и печальные тона. Его образы тоскующей луны, осиротевшего котенка, гусыни — врага сельской ребятни напоминают есенинского жеребенка, который не знает, что «... живых коней победила стальная конница». Эта параллель с есенинскими мотивами сразу заметна. В условиях нападков на лирическую поэзию и борьбы с «есенинщиной» это воспринималось как воспевание «мелких тем и мелких мыслей».

Б.Х.: Вторая половина двадцатых годов — это время идей, что все проблемы художественного творчества должны решаться с позиций классовой борьбы. Каждая ситуация намеренно обострялась, а столкновение взглядов на вопросы литературы сводилось к идейно-политическим разногласиям. Идеологи искусства требовали от литераторов быть проводниками и пропагандистами решений и постановлений партии.

М.Х.: Литераторы левого крыла, среди них и юный Муса Джалиль, навешивали Такташу ярлык мелкобуржуазного декламатора. Учеба поэта в медресе, отсутствие большевистской биографии послужили основанием для обвинений поэта в политической неграмотности. Уходило в прошлое время литературных диспутов, когда называвшие себя символистом Такташ, имажинистом — К. Наджми, футуристом — А. Кутуй могли яростно спорить о задачах литературы и при этом оставаться со-

ратниками, сообща строившими новую татарскую литературу. Критика все более принимала запугивающую, агрессивную интонацию. Некоторые писали, что Такташ не внес в татарскую поэзию ничего нового, а новаторство его ложно, другие обвиняли в следовании Г. Тукаю и С. Рамиеву, что в условиях того времени уже не одобрялось. Поэт едко замечал, о том, что писали: «гомер буе рэтлэп эшлэмәдем, казлар жырлап гомер уздырдым».

Һәр өйрәнчек тәнкийть язучылар

Һ.Такташны мишень итэләр,

Өйрәнчек яшъ хирурглар кебек,

Минем әсәрләрдә «опыт» ясап,

Утмәс пычак белән кисәләр...

Неужели утерүдән курыкмыйлар?!

Вот такие строки адресовал Такташ критикам.

Б.Х.: В конце двадцатых годов перед угрозой набравшего обороты маховика репрессий это требовало немалого мужества. Люди искусства были среди первых, кто пострадал от политических чисток. Мало кто избежал репрессий. Те, кто осуждал сегодня, завтра оказывались осужденными. Писавшие доносы оказывались теми, на кого доносы писались.

М.Х.: Выжившие ценой покаяния сегодня завтра неизбежно оказывались раздавленными системой. Трагедия Такташа в том, что, будучи сам постоянно третируем, он оказался в числе тех, кто инициировал дело «Джидеган» — писателей, обвиненных в контрреволюции и национализме. В числе пострадавших был Адель Кутуй, с которым Такташа связывала многолетняя дружба. Вряд ли можно сомневаться в том, что действия Такташа были осознанны и искренни, ведь через несколько лет уже больной он не подаст былому другу руки и заявит в одном из стихотворений, адресованном султангалиевцам, что они враги его и что он готовит для них пулю. Многие в то время воспринималось иначе, не так, как воспринимаем мы, живущие в конце XX – начале XXI столетия.

Б.Х.: Известно, что Такташ одобрительно отнесся к смене татарской графики на латинский шрифт. Тогда полагали, что переход на новую графику будет способствовать ликвидации неравенства и межнациональных барьеров.

М.Х.: Сейчас мы уже осознаем, что тем самым новые поколения татар были лишены многовекового культурного наследия. Разумеется, нельзя однозначно отрицательно оценивать политику государства в области культурного строительства. Открывались многочисленные учебные и научные учреждения, росло книгоиздание, книги на татар-

ском языке издавались в Москве, Уфе, Ленинграде, Оренбурге, других городах, а Казань становилась центром, куда стекались лучшие творческие люди из всех регионов проживания татар. Именно в двадцатые годы наблюдалось бурное развитие татарской журналистики, а в Казани — городе с населением меньшим нынешнего в 10 раз — издавалось около 30 газет и журналов. Формировалась новая культурная среда. Литература и журналистика перестали быть уделом только лишь небольшого количества богатых татар. Каждый, кто имел способности и стремление, мог выбрать писательство своей специальностью.

Б.Х.: Совсем неожиданной для меня стала поэма Такташа «Исповедь любви», в которой со всей очевидностью раскрылся лирический талант поэта.

М.Х.: Она стала результатом совмещения сложного и легкого, драматического и юмористического. Поэма обладает внутренней поэтической гармонией. Чем не гимн юности и любви?

*Любовь стара, как мир,
Но наше сердце
Ее всегда готово обновлять.
Безумна юность — все отдать готова,
Чтоб чувствами любовными пылать...*

Б.Х.: Его интересуют проблемы нравственности и новых, вызванных временем взаимоотношений женщины и мужчины. Как и во всей советской литературе того периода, любовная тема сливается с героической.

М.Х.: Так, в «Зарытом оружии» героиня во имя торжества «общественного» дела жертвует своей первой любовью. Собственной жизнью жертвует героиня другой драмы — «Утраченная красота». Идея этого произведения предельно проста: в советской семье общественные и личные интересы должны гармонично сочетаться. Такташ, сознательно романтизируя устремления своих героев к прекрасному, сталкивает их с реальной, далеко не безоблачной жизнью. Сугубо жизненная, актуальная для того времени проблема решалась в пользу необходимости ломать прежний уклад жизни, жить по-новому. Здесь он говорит о жизни правдиво, не порывая при этом с романтизацией героев.

Б.Х.: Вторая половина двадцатых оказалась для Такташа временем исключительно сложным. Литераторы, не стремившиеся выдавать желаемое за действительное, подвергались обструкции. Если кто-то не уделял внимания классовой борьбе, делали логический вывод — это контрреволюционер. И ни одно издательство — а все они были под

партийным контролем — не бралось печатать произведения классового врага.

М.Х.: Такташа заставляли верить, что лучшая жизнь уже наступила, и влиться в ряды пропагандистов новой действительности. В одном из писем 1929 года к друзьям он пишет: «Акча юк, билгеле. Ун тиен көмешкә жанымны сатарга эзер» («Денег нет, конечно. За десять копеек серебром душу готов продать»). Так, выкручивая руки, его принуждали воспевать новую жизнь и показывать верность партии. Поэтому порой появлялись у Такташа то неожиданно оптимистическая концовка грустного стихотворения, то вымученно мажорный тон или ничем не обусловленный славословящий рефрен. Писал Такташ и откровенно верно-подданнические стихи, и статьи в духе установок Татарской ассоциации пролетарских писателей.

Б.Х.: Но и в этих сложнейших условиях Такташу удалось сказать то, что он хотел?

М.Х.: Поэт создавал стихи, в которых глубокое эмоциональное содержание скрывалось за внешней простотой и безыскусственностью. Любой факт или событие могли заставить Такташа искать ответ на волнующие его вопросы жизни. Вот его стихотворение «Болай... гади жыр гына» («Так, просто песенка») на добровольный уход из жизни известного человека. А стоит ли жизнь того, чтобы жить? Если прекрасна жизнь, а еще прекрасней будущее, то отчего же люди уходят из жизни? И как будто он заявляет о своем несогласии с теми, кто добровольно покинул этот мир, приходя к выводу: «Мин үлмәскә булып йөрим әле». Такташ не говорит твердо: «Нужно жить», а как будто раздумывает, не приняв окончательного решения. Поэт любил такое построение стиха, когда несколько наиболее значимых строк повторяются. Это позволяло посредством похожей на приливы волн интонации раскрыть особую душевную наполненность стихотворения.

Канатымны еллар каерса да,

Каерса да...

Ах, үләсе килмәс, үләсе.

Здесь нет ответа, какими — грустными и тихими или пафосными и громкими — должны быть эти строки в нашем слышимом или мысленном произнесении. Мы сами придаем стихотворению ту тональность, которая отвечала бы нашему душевному состоянию и настрою.

Б.Х.: В большом поэтическом цикле Такташ собирался раскрыть в исторической перспективе значительные темы и проблемы времени, ему была интересна философия переходного периода, выраженная в сложных морально-этических противоречиях.

Чествование народного артиста СССР Фуада Халитова. 1975 г.

Открытие музея в с. Новый Кырлай. 1976 г.

М.Х.: Уже в зрелом возрасте он задумывался над вопросом о предназначении поэта. Такташ осознавал, что источник силы его творчества в постоянной связи со своим народом:

*Вот они идут — все эти люди, —
В рваных шапках, в стоптанных лаптях;
Все они мне дороги и любы.
Я у каждого бывал в гостях...*

Причем Такташа интересовала судьба простого человека в аспекте социальных потрясений. Протестуя против разделения людей по какому бы то ни было признаку, он призывал их к единению. Понимая, что действительность не совпадает с его представлениями об идеале, он верил, что мечты о светлом будущем, питавшие его творчество, непременно будут осуществлены.

Нам интересно то время напряженных исканий и открытий новой поэзии. Время не властно над поэзией Такташа. Изменилась реальность, служившая источником его творчества, ушли в прошлое события, волновавшие поэта, по-прежнему жива его формула жизни времени перемен: «Дөнья үзенең авырлыгы белән матур» («Мир прекрасен трудностью своей»).

Б.Х.: У каждой национальной литературы свои истоки, своя родина. Веками складывалось так, что корни татарской словесности сельские. Большинство татарских поэтов — выходцы из деревни. Я хочу чтобы ты вспомнил Хасана Туфана.

М.Х.: В какие бы края ни заносила поэтов судьба, какие бы изгибы жизни поэты ни преодолевали, в мыслях или наяву, они возвращаются на свою «милую родину». Так и Туфан, с лихвой испивший из чаши жизни, познавший и горечь, и сладость ее, вернулся туда, откуда был родом, в деревню Старую Киреметь.

В этой деревне среди людей, предки которых много веков назад поселились здесь, на целинных землях, чтобы спастись от насильственного крещения, дабы сохранить свою веру, жизненный уклад, обряды и обычаи, — истоки поэтической философии Туфана.

Б.Х.: Здесь начались его первые поэтические опыты, в немалой степени вызванные влиянием художественной натуры его матери, щедро наделенной чувствами и верой в одушевленность природы.

М.Х.: Туфан вспоминал, что его мама «могла вести разговор с перелетными птицами, дикими гусями, журавлями, кустарниками, ивами, ветром, звездами». Здесь он уверовал в то, что «...все сущее наделено душой, умеют разговаривать родники, листья, ветер, звезды». А домо-

вые, шурале, духи, пери — не только привидения и герои сказок, а существа, живущие рядом с человеком.

На всю жизнь он сохранил память об отце, в руках которого спорилось любое крестьянское дело, запомнил песни, загадки, пословицы, которые рассказывали его родные и односельчане, вернувшиеся с уральских и сибирских медных рудников, золотых приисков и из угольных шахт. Поэт и сам познал тяжкий труд, пройдя их дорогами.

Эти люди — зимогоры, искавшие лучшей доли на чужбине, — позднее станут героями его произведений.

Б.Х.: В медресе «Галия»¹³⁹, куда определили Хасана старшие братья, желавшие, чтобы хоть один из их рода избежал в жизни тяжелого физического труда, он стал человеком образованным.

М.Х.: Священные аяты Корана, классическая восточная поэзия Фирдоуси¹⁴⁰, Навои¹⁴¹, Хайяма¹⁴², распевное чтение молитв, занятия музыкой и арабской графикой стали основой формирования его профессионального поэтического мышления. Так окрепло желание Туфана заниматься литературным трудом. Наставничество Галимджана Ибрагимова — классика татарской литературы — укрепило Туфана в мысли, что поэт принадлежит не себе, а народу и служит народному счастью. Вот основа идейной убежденности поэта, вступавшего в поэзию в пору коренной ломки социальных отношений.

По-настоящему Туфан пришел в поэзию в двадцатые годы, одним из первых заявив о романтическом духе эпохи. Встретив революцию на заводе рабочим, он и героев своих эпических произведений «Ике чор арасында» («На границе эпох»), «Башлана башлады» («Начало начал»), «Уральские эскизы» — «людей с бунтарским сердцем» — видел среди рабочих.

Б.Х.: Герои Туфана — люди со своеобразной биографией. Оказавшись в гуще революционных событий, они испытывают в душе противоречивые чувства. Пройдя через великие исторические испытания, его типические характеры переживают ломку в острых идеологических конфликтах.

М.Х.: Туфана интересует социальная психология, то, как его герои растут, переживая процесс идейного развития. Судьбы героев раскры-

¹³⁹ «Галия» — медресе, существовавшее в Уфе с октября 1906 по 1919 г. при второй Уфимской соборной мечети для татар и других тюркских народов.

¹⁴⁰ Хаким Абулькасим Фирдоуси Туси (940 – около 1020) — персидский поэт, классик персидской литературы.

¹⁴¹ Алишер Навои (1441–1501) — тюркский поэт, суфий.

¹⁴² Омар Хайям (1048–1131) — персидский поэт, математик, астроном, философ.

вались поэтом в движущемся историческом потоке. «Ана сөте белән кәрмәгәнне, тормыш узе кертә күңелгә» («С материнским молоком не вошедшее вносит в душу жизнь сама»), — заявляет поэт, проводя философскую мысль об обновлении жизни.

Б.Х.: В эти годы татарская литература находилась в состоянии наибольшей активности. Разные литературные школы и направления, творчески осваивая перемены, кипели в спорах и дискуссиях. Поэтов-революционеров двадцатых не устраивали обветшалые каноны поэзии. «Нас не удовлетворяли ни Тукай, ни Пушкин, ни Восток, ни Запад», — отмечал, вспоминая те годы, Туфан. Когда «революция ворвалась в область стиха», а поэзия, поднявшись на трибуны, заговорила громовым голосом, понадобился новый стих и новый поэтический язык.

М.Х.: Поэтов нового времени не устраивала гармония, тонкость, нюансовость и острота татарского языка: слишком тихим, неслышным казался старый татарский стих, не рассчитанный на широкие массы людей. Туфан, как и Х. Такташ и А. Кутуй, требовал отмены его внешней сдержанности и внутренней эмоциональности. Новый стих для него — это речевые интонации, другой размер и ритм стиха. Туфан как экспериментатор развивал повествовательную интонацию, внутреннюю, почти неуловимую, ассоциативную рифму. В стихах Туфана того времени, как ни у кого другого, сильна антитеза, а строй метафор, афоризмов, сложных тропов стал его отличительной чертой. В историю татарской литературы Туфан и его соратники вошли как «композиторы в поэзии», выразители новых, прежде никем не подмеченных и не высказанных мыслей и чувств.

Б.Х.: Поиск нового, да и не в последнюю очередь романтическая натура поэта, отправляют его в дальние странствия. Пеший путь его пролегал с берегов Волги на юг, в те края, что «ближе к солнцу» — в республике Кавказа и Средней Азии.

М.Х.: Туфан сам очень метко сказал по этому поводу: «Есть у каждого человека постоянно пополняемая кладовая памяти — сокровищница, собранная из миллионов воспоминаний ...Что хранится в ячейках памяти, сколько их, ячеек, я и сам не знаю. Там остался след каждого дня, каждого переживания». Подумать только, на Кавказе он мостил дороги, в Узбекистане копал каналы, в Туркмении боролся с саранчой в составе спецотрядов, в Ферганской долине метался в бреду смертельной болезни. Безусловно, это время обогатило его память встречами с представителями родственных по языку народов, с народными сказителями: ашугами, акынами, манасчи. Но большая часть написанного им в эти годы пропала. Эти странствия определили тематику его творчества

тридцатых годов. «Память через определенные интервалы времени высвечивает образы пережитых лет», и Туфана все больше занимали загадки вечности, проблемы прошлого и будущего, философско-этические проблемы жизни и смерти.

В стихах «Узып барышлый» («Мимоходом»), «Кумелгән эзләр истәлеге» («Память занесенных следов»), «Ташкент бакчаларында» («В садах Ташкента»), поэме «Ант» («Клятва») Туфан раскрывает философскую суть эпохи, находя в природе четко очерченные, глубокие параллели. У него нет чисто пейзажных стихов, в его восприятии шорох листьев, мерцание звезд, шуршание песка пустынь, порывы ветра — все это язык вечности, а человек сопричастен природе, частицей которой является. Здесь Туфан отошел от резкого антагонизма двадцатых годов, идеалом для него становится гармония человека и природы. В его стихи проникает психологизм, он находит средства для передачи тончайших оттенков душевных переживаний, усиливается лирическое начало его поэзии.

Б.Х.: В тридцатые годы, когда творческих людей заставляли уверовать в обострение классовой борьбы, а целью литературы становилось служение идеологии, было немало попыток направить поэзию Туфана в единое русло пролетарской литературы.

М.Х.: Стиль Туфана, основанный на многозначительной метафоре, не устраивал партийных идеологов. Это, полагали они, проявление инакомыслия в художественном творчестве. Объектом жесткой критики и обвинений в формализме послужили форма и содержание поэмы «Ант» («Клятва»), опубликованной в 1935 году. За пределами понимания критиков остались попытки Туфана посредством введения в поэму обширного круга героев — древних мудрецов, общественных деятелей и революционеров нового времени — показать, что человечество двигалось к новому миру не с семнадцатого года, а с древнейших времен, когда мыслители искали пути вывода человечества к счастью.

Этими деятелями, которым сейчас дано определение «вульгарные социологи», в пору чисток и репрессий двигал инстинкт самосохранения. Они, показывавшие активность, только внешнюю, в борьбе с отклонениями, подобно «иптәш Хелли», становились объектом едкой туфановской сатиры.

Конечно, и сам Туфан, будучи работником радиокомитета, журналистом, не мог избежать стихов, восхваляющих достижения и успехи. Это рифмованные репортажи о передовиках производства, то песни — агитки нового строя, то статьи, в которых он пытается обелить себя.

Б.Х.: В мрачный тридцать седьмой год — время самых жестких чисток — люди, преследующие собственные, чаще нечистоплотные цели,

под предлогом борьбы за чистоту рядов Союза писателей изгоняют нескольких литераторов, в том числе Туфана.

М.Х.: Тучи над головой поэта то смыкались, то размыкались вновь. И в это тягостное время были писатели, вступившиеся за Туфана.

Поэт, чья творческая деятельность всегда была под знаком убежденности в правоте нового мира, в эти годы впервые обращается к образу Х. Такташа — соратника по строительству новой татарской литературы, не дожившего до этих репрессий. Туфан размышляет над тем, как светлые мечты сменились жестокой реальностью. Этот главный вопрос, над решением которого бьется поэт, присутствует в разном оформлении во всех стихах конца тридцатых годов.

Излюбленный новаторами двадцатых символ ветра, воплощающего силу и мощь революции, сметающего со своего пути старый мир, в творчестве Туфана рубежа десятилетий приобретает новое значение: «Ваемсыз жил килеп керде кырдан...» («Ә йолдызлар дәшми») или ветер в стихотворении «Кайлардан килә икән жил...» становится символом грядущего, которое вносит в душу смятение и тревогу.

Б.Х.: В ноябре сорокового года Туфана арестовали. Ему было предъявлено обвинение, чудовищное в своей абсурдности, — организация контрреволюционной группы, подготовка покушений на лидеров большевистской партии. Через два года пыток и издевательств поэта приговорили к высшей мере.

М.Х.: Туфан считал, что его приговорили к смерти не только физической, — закончилась его жизнь духовная. Он выполнил свой долг перед литературой и умер для нее. В стихах Туфана этих «похороненных дней» («Күмелгән көннәр»), написанных не для печати, нашли решение вопросы, мучавшие поэта на протяжении всего его творчества. Он не боялся смерти, но и не желал ее даже ради того, чтобы освободиться от страданий. В стихах Туфана, таких как «Хәят» («Жизнь»), — жажда жизни, надежда на будущее.

Впервые в творчестве поэта зазвучала пятистрочная классическая строфа. Позднее отточенная, доведенная до совершенства, она вошла в теорию литературы под названием туфановской строфы. Пятистрочие, в котором каждая строка повторяется на протяжении стихотворения, напоминает медитативное чтение или молитву. Поэзия оказалась средством, укрепившим дух этого мягкой души человека: он никого не выдал, ни на кого не навлек страданий.

Б.Х.: И, может быть, наградой, дарованной свыше, стала отмена смертного приговора.

М.Х.: Жизнь продолжалась. Туфан довольствовался малым, был милосерден, в каждом явлении видел чудо жизни. Из стихов исчезли условные, искусственно созданные тропы, в них появились традиционные, свойственные народному поэтическому мышлению метафоры и сравнения: кыраулы гөлләр (увядшие цветы), яшен суккан усак (пораженная молнией осина), яфрак сибелү (листопад).

В послевоенных стихах Туфана сквозила надежда на скорое освобождение, но вместе с тем и неверие в возможность этого. Он утверждал, что ради свободы готов бросить литературу.

Он пришел к мысли, что для поэзии важна не сама жизнь, а жизнь на виду у людей, забвенье — это смерть для поэта, духовная и физическая. Туфан сравнивал собственную судьбу с участью литераторов-изгнанников. Герцен¹⁴³, Н. Хикмет, М. Джалиль — герои его стихов. В стихотворении «Овидий Назон» он утверждает, «что жизнь среди природы одна отвечает сути человека», что только она может дать ему искры надежды, но в то же время заявляет, что чем дальше поэт от тех, кому адресовано его творчество, тем дальше он от самой литературы.

Б.Х.: Можно только догадываться о том, какие стихи были на маленьких кусочках папиросной бумаги, которые Туфан не смог извлечь из лагерного тайника перед отправкой в сибирскую ссылку.

М.Х.: Краткость стала новым качеством Туфана, обретенным в период лагерного творчества. У него нет лишних образов, слов, не несущих смысловую нагрузку. Зрелый поэт Туфан в своем творчестве все больше отдавал предпочтение поэтическим нормам древних классиков, формам, выработанным народным творчеством. Стихотворение «Ромашки» пятьдесят шестого года начинается, как и многие народные песни, с описания природы:

*Ромашкалар тирбәлә жңлдә,
Бер күренеп, тагын күмелеп.*

Он находит общее, что роднит состояние природы и чувства человека. Они настолько связаны между собой, что по мере развития души меняется состояние природы. Его стихи не рожают пессимизма, но он сам не раз за эти годы переживал упадок и следовавший затем душевный подъем.

Б.Х.: Отчаявшийся, смилившийся с участью пожизненного ссыльного и, подобно суфию, живший одной поэзией, Туфан вновь обретает надежду в 1953 году, после смерти Сталина.

¹⁴³ Александр Иванович Герцен (1812–1870) — русский писатель, философ и публицист.

М.Х.: Но прошло еще три года, прежде чем он получил возможность вернуться домой. Творчество пятидесятых открыло нам нового Туфана. То, что было выстрадано, осознано и осмыслено им, приобрело форму философских обобщений. Туфан уже осознал жизнь во всей полноте противоречий. Он, как философ, выделял частности и вновь собирал их в единое художественное целое.

Б.Х.: Выступая подчас в качестве исследователя, Туфан видел то, что роднит человека и окружающий его мир, осознавал духовное и физическое единство вечности и мира людей.

М.Х.: Человек в понимании Туфана — одушевленное воплощение Вселенной, вершинное достижение природы. Личность не сгорает бесследно, духовно она остается в памяти следующих поколений, но и физическая ее жизнь продолжается. Смерть человека — начало новой жизни материи, переход из одного ее качества в другое. Эта идея проводится им во многих стихотворениях: «Сүз кушасы килә талларга» («Ивам вторить хочу»), «Сәләм сиңа, тормыш» («Жизнь, приветствую тебя»). В стихотворении «Сөйли торган материя» («Говорящая материя») поэт утверждает, что бессмертие в вечном движении:

*...Придя из вечности, в круговращенье некоем
В цветок ты превратилась тут.*

*А я, как видишь, в то, что человеком
Здесь, на земле, зовут.*

Диапазон лирики Туфана очень широк — от самых тонких любовных переживаний до глубочайших философских обобщений. Он ненавидел однообразие обывательски замкнутого существования, он откликался на все события, и каждый день мир людей был для него «по-другому новым».

Б.Х.: За пять десятилетий творчество Туфана претерпело значительные изменения. Ушли в прошлое условные образы, нагромождения поэтических конструкций, изменилась тематика стиха, но неизменными остались его принципы.

М.Х.: В начале 1960-х годов Хасан Туфан прочитал одно из еще не опубликованных стихотворений о родном языке. Реакция секретаря обкома по идеологии М. Тутаева была молниеносной: «Передайте Туфану, чтобы больше не писал таких стихотворений. Пусть помнит, где он находился в последние годы».

После мы вместе с Хасаном Туфаном были на съезде писателей Башкортостана. Я тогда еще только начал работать заведомом культуры в обкоме. Я предложил ему выступить на съезде и упомянуть о том, что настали другие времена, столько людей освободили из лагерей и все

это заслуга партии. Ведь он пробыл в лагерях и ссылке 16 лет. Не знаю уж, говорил он об этом на съезде или нет, его выступления мне не довелось услышать. Но еще до возвращения в Казань Туфан попросил меня быть его «комиссаром». Я ответил, что у каждого должен быть свой внутренний «комиссар».

Б.Х.: У Туфана внутренний «комиссар» не мог не быть после 18 лет лагерей.

М.Х.: Поэту «комиссар» противопоказан. Он должен быть необузданным, на то он и поэт. Другое дело — хороший или плохой поэт, потом уже пусть определяют:

Уләрмен дә, онытырлар, дип, юкка гына, йөрәк, янасың,

Тамбов урманнары сагыныр әле — үзе үстәргән бунтарь баласын!

Хади Такташа никто не мог обуздать. Не могли и Хасана Туфана. Они, как большая река со стремительным течением, а бывают и такие, что текут плавно, медленно. Бывают и такие, что едва булькают. С первого возгласа в университетской аудитории середины пятидесятых: «Вернулся большой, как Тукай, поэт!» до последней газетной публикации восьмидесятых о том, что Туфан — фанатик, пророк и святой татарской поэзии: «Шигырьләрне язалармыни? Шигырь белән яшиләр, дәрәсрәге, ул үзе жанда бер изге зат булып яши...» («Стихи разве пишут? Стихами живут, вернее, они сами в душе живут святой драгоценностью...»).

Б.Х.: Жанры поэзии в татарской литературе всегда занимают особое место. Она никогда не позволяет себе опускаться ниже определенного уровня, отвечающего эстетическим критериям настоящей литературы. Хотя идеологическое давление советской эпохи не могло не сказаться на художественных достоинствах татарской поэзии. Особенно это заметно в поэзии 20-х годов, когда «перо приравняли штыку». Контраст тем более заметен на фоне поэзии Тукая и Дәрдемнда.

М.Х.: По своим художественным достоинствам и интеллектуальной глубине в лучших своих образцах она ни в чем не уступает поэтическим достижениям любых национальных литератур. Однако в силу известных причин поэзия любого народа обречена в основном на внутреннее потребление.

Главным становится чисто техническое обстоятельство: адекватный перевод стихов с передачей всех нюансов оригинала просто невозможен. Любой стихотворный перевод в конечном счете сводится лишь к определенной вариации на заданную тему с той или иной степенью приближения к оригиналу. Что касается татарской литературы, она вынуждена смотреть на мир сквозь призму русскоязычного посредничества.

Б.Х.: А любая призма так или иначе преломляет подлинную картину мира.

М.Х.: Да, это деформированное восприятие мира очень сильно сказывалось на творчестве татарских авторов советского периода. Впрочем, и сегодня инерция этого явления постоянно дает знать о себе.

Б.Х.: Равиль Файзуллин, безусловно, один из самых ярких и эрудированных татарских поэтов второй половины XX века. Его имя олицетворяет целое поколение поэтов, пришедших в литературу на волне хрущевской оттепели рубежа 50–60-х годов прошлого века.

М.Х.: Вообще, эта мощная генерация ярких индивидуальностей в нашей поэзии второй половины XX века составляет сегодня гордость татарской литературы. Она представлена, например, именами Мудариса Аглыма, Роберта Ахметзянова, Радифа Гаташа, Гарая Рахима, Рината Хариса. Талант каждого из них своим самобытным творчеством заметно оживил литературный процесс, способствовал подъему татарской поэзии.

Б.Х.: Файзуллин стремительно ворвался на арену большой литературы, вызвав переполох в кругу коллег и литературных критиков. Его смелые эксперименты со стихотворным языком и формой поначалу не очень-то и воспринимались читательской аудиторией.

М.Х.: Авторитетный литератор Нурихан Фаттах заголовком критической статьи сурово вопрошал: «Стихи или головоломки?». А другой признанный поэт Энвер Давыдов отвечал вопросом на вопрос: «Критика или замах дубиной?», отменяя обвинения в адрес молодого коллеги. И, между прочим, там же он дает литературной молодежи бесценные советы. Видя очевидное увлечение молодых коллег европейской формалистикой и излишним рационализмом, он наставляет их не забывать свою тысячелетнюю укорененность в великой культуре Востока, чья поэзия во многом отличается от европейской, причем не в худшую сторону. А татарская поэзия сильна синтезом Востока и Запада, таким образом, своеобразной двукрылостью.

К двадцати годам Равиль Файзуллин успевает надеть большой переполох в татарской поэзии. Поначалу его стихи, не слишком принятые национальной читательской аудиторией, выходят на русском языке в переводе Рустема Кутуя¹⁴⁴. И все же не форма была главной особенностью поэзии молодого Файзуллина. Он удивлял всех смелой постановкой философских проблем, которых старались избегать в советской

¹⁴⁴ Рустем Адельшевич Кутуев (1936–2010) — писатель, заслуженный работник культуры ТАССР.

литературе. «Кто я?», «Для чего живу?», «В чем мой долг перед родным народом?» — вот вопросы, мучающие поэта. Автор ищет на них ответы языком метафор и аллегорий. Из них видно глубинное понимание судьбы своего народа, его сложной истории. В этом можно узреть духовную раскрепощенность поэта, его ощущение внутренней свободы.

Б.Х.: Тем парадоксальней выглядят некоторые повороты в его судьбе. В 25 лет он решается возглавить Альметьевское отделение Союза писателей ТАССР. Когда человек попадает в литературную номенклатуру, к его творчеству начинают относиться особенно пристрасно.

М.Х.: Однако Файзуллин не изменил себе. И хотя его не назовешь ярко выраженным нонконформистом, ему удалось избежать и откровенной конъюнктуры. Впрочем, необходимо понимать, что советские регалии парадоксальным образом добавляли пишущему человеку определенную степень свободы в литературном процессе.

С ранних лет Равиль Файзуллин любознателен и одержим страстью к путешествиям. И пост руководителя Альметьевской писательской организации открывает перед ним возможность участия в различных форумах, поездках по стране и за рубеж. В татарской литературе мало кто может сравниться с ним по географии поездок. И все это, несомненно, отражается на его творчестве. Отсюда и глубокая эрудиция поэта, которая пополняется не просто книжными знаниями, но и личными впечатлениями от увиденного.

Б.Х.: Особого внимания заслуживает лирический герой поэта. Он не сосредоточен лишь на любовных переживаниях и внутреннем самоанализе.

М.Х.: Ориентированный на постоянную борьбу за высшие идеалы и принципы справедливости, он воплощает сгусток общественных отношений. Поэзия раннего Файзуллина подкупает искренним порывом его героя к борьбе за светлые идеалы. Правда, это достаточно абстрактные идеалы, и каждый воспринимает их на свое разумение. Возможно, читатель 60–70-х годов понимал их в соответствии с идеологией того времени. Сегодняшнему читателю видятся совсем другие цели борьбы лирического героя поэта. Универсальность и многоплановость его образов свидетельствуют о художественном мастерстве автора.

Б.Х.: Конечно, Файзуллину не откажешь в публицистическом даровании. Еще молодым поэтом он провозгласил: «Бала чактан туры без көрәшкә кердек» («Мы с детства включились в борьбу»).

М.Х.: К счастью, в советской поэзии всячески поощрялась тема любви к Родине. В татарской поэзии советского времени есть высочайшие образцы раскрытия этой темы. Файзуллин сумел увидеть эту тему

сквозь призму своей вечной жажды борьбы и свободы. Его раздумья о судьбах Родины и родного народа чужды ложного пафоса, барабанного боя. Мысль поэта движется по очень непростой траектории, в его творчестве нет прямолинейной дидактики и назидательности.

Б.Х.: Иные критики, да и читатели, упрекают Р. Файзуллина в усложненности поэтических образов, что якобы делает его стихи недоступными для понимания простых читателей.

М.Х.: Впрочем, в татарской литературе проблема того, должен ли поэт ориентироваться на самого «элементарного читателя», или же, наоборот, стремиться поднять его до высот своего, пусть усложненного, мировосприятия, обсуждается давно. В свое время эту проблему первым поставил Галимджан Ибрагимов в связи со знаменитым стихотворением Дэрдменда «Корабль», опубликованным в 1908 году. Вообще, родоначальником интеллектуальной поэзии в татарской литературе, видимо, следует считать именно Дэрдменда. До него дидактизм и назидательность были неотъемлемыми чертами национальной литературы.

Б.Х.: Сегодня продолжателем традиций интеллектуальной поэзии в татарской литературе, безусловно, является Файзуллин. Но этот интеллектуализм присущ не всей нашей современной поэзии.

М.Х.: Равиль Файзуллин всегда неожиданен. Размышляя о национальном характере соплеменников, он пишет:

Аһ, тау юклыклар! Кыя юклыклар!

Үзән, калкулыклар күз текәмә кая...

Бөркетләр түмгәктә канатларын кага...

Тырнаклары чумган... Ә күзләре яна!

Вот подстрочный перевод: Ах, отсутствие гор! И отсутствие скал! Куда ни кинь взор — повсюду низины и возвышенности. Орлы бьют крылами в трясине... Когти увязли... А глаза горят.

Какой метафорический слог, полный глубокого смысла!

Без всякой позы и рисовки он размышляет о серьезных социальных проблемах, о месте поэта в обществе, о его нравственном долге. При этом он не выступает в роли проповедника и ментора. Своего героя он характеризует так: «...Шәхесен ватмаган, хаклыкны сатмаган, вөжданны саклаган» («...Не разменявший личность, не продавший истину, сохранивший совесть»).

Б.Х.: Как и всякий большой поэт, Р. Файзуллин интересен в динамике, в развитии.

М.Х.: В 30 лет он иной, чем в 20, и тем более в 40 и 50. Но есть в его творчестве и неизменные константы, характеризующие и его человеческие качества.

Б.Х.: Равиль Файзуллин на виду не только своей поэзией, но и публичной жизнью. Он подчеркнуто мужественен, имидж своеобразного мачо (джигита) татарской литературы неотделим от личности поэта. Файзуллин — лучший спортсмен среди поэтов и лучший поэт среди спортсменов. Его марафонские заплывы, увлечения лыжами и теннисом, видимо, способствуют живой энергетике стихотворных строк.

М.Х.: Впрочем, образ джигита заложен в архетипе татарской поэзии. Еще в XVI веке великий Мухамедьяр¹⁴⁵ писал: «Повязав кушак джигита, ты берешь и ответственность за страну». И этот высокий пафос присущ стихам Файзуллина, но без всякого пережима:

Жил исүеннән туктармы, жилкән корганга карап?

Чирәм үсүдән туктармы, очын кырганга карап?

Су — хәрәкәттән туктармы, буып куйганга карап?

Адәм — көрәштән туктармы, иреген тыйганга карап?

(Разве ветер перестанет дуть, столкнувшись с парусом?

Разве трава перестанет расти, когда засохнет ее кончик?

Разве вода прекратит свое движение, столкнувшись с запрудой?

Разве человек перестанет бороться, если ограничить его свободу?)

Б.Х.: В его поэтических образах постоянно присутствует стихия природы. Аллегии и метафоры, связанные с этой стихией, являются органической частью его поэтического мышления и языка.

М.Х.: Особенно бросается в глаза его пристрастие к водной стихии. Волга, чайки, лодка, ветер, парус, пристань, белый пароход — неотъемлемые элементы его поэтического тезауруса. Он умеет придавать неожиданную метафоричную окраску природным явлениям:

Жилләр шатлык алып киләләр. Жилләр картлык алып киләләр.

Жилләр диннәр алып киләләр. Жилләр чирләр алып киләләр.

Жилләр алар шундый: теләсәләр — әллә ниләр алып киләләр!

(Ветра приносят радость. Ветра приносят старость.

Ветра приносят верование. Ветра приносят хвори.

Ветры они такие: захотят — принесут все, что угодно!)

В оригинале эти стихи замечательны своим упругим ритмом, выражающим даже музыкальные ассоциации.

Свою активную жизненную позицию Файзуллин не только декларировал в стихах. Его напряженная внутренняя жизнь, в сущности, оказалась основательной подготовкой к грядущим большим переменам в стране. И он как никто другой был к ним готов.

¹⁴⁵ Мухамедьяр Махмуд Хаджи улы (1496/1497 – 1549) — татарский поэт, религиозный мыслитель, философ первой половины XVI в.

Б.Х.: Его демократические убеждения, приверженность идеалам свободы оказались востребованы в бурных политических процессах рубежа 90-х годов. Р. Файзуллин избирается депутатом Верховного Совета ТССР. Таким образом он оказывается в гуще политических событий того времени.

М.Х.: В этот период ярко раскрывается другая грань его таланта. Все увидели пламенного публициста, зрелого политика в публикациях на страницах печати. В его пятитомном собрании сочинений публицистика занимает целый том. Глубоко аналитичные статьи публициста Файзуллина охватывают самый широкий спектр проблем национальной литературы, истории и культуры. Он очень чуток к творчеству коллег-литераторов и пишет большое количество статей-откликов на выход в свет тех или иных произведений собратьев по перу. Правда, иногда они грешат излишней комплиментарностью. Но это, видимо, от широты натуры поэта, или, если ему что-то не нравилось, он не брался писать.

Б.Х.: Политическая тематика также возникает в его стихах?

М.Х.: В остроумных метафорах он предельно лапидарно и саркастично выражает свое отношение к новым явлениям:

*Көттөк. Көттөк... Ниһаять,
Күзләр шәрран ачылды.
Күз алмаларына шәп-шәрә
Чынбарлык кереп тулды.
(Ждали. Ждали... Наконец,
Глаза раскрылись навывкат.
В глазные яблоки набилась
Голая-преголая действительность).*

Сегодня разве не уместны вот эти стихи десятилетней давности:

*Империя коллыгында
Гел күнеккәч искегә,
«Демократия»сеннән дә
Юылмаган ис килә.
(Когда в имперском рабстве
Во всем привыкаешь к старому,
Даже от их «демократии»
Разит немывтым духом).*

Творчество Файзуллина пронизано в целом оптимистическим мироощущением. Оно проявляется даже в технике стихосложения. Его приверженность верлибру требует постоянного напряжения духа, если хотите, интенсивного горения.

Б.Х.: Похоже, время не властно над ним, ведь его творчество продолжает движение по восходящей траектории.

М.Х.: Видимо, поэтому он еще не приступил к рассмотрению экзистенциальных проблем жизни и смерти. Что ж, в этом тоже можно видеть неисчерпаемый витальный потенциал большого художника.

Б.Х.: Татарская литература имеет древние корни и богатейшие традиции. Татары в этой связи могут назвать себя богатым народом. Ведь литература для них — это не просто чтение, а духовное здоровье и нравственная чистота нации, это судьба родного языка.

М.Х.: Нашу литературу во все времена отличала убежденность, горячая и смелая мысль, идущая от души, от сердца. Она оказывала сильнейшее воздействие на национальную жизнь. Наверное, это самое значительное достижение татарской национальной культуры во времена всевластия бездуховности, когда проблемы человечности, нравственности и морали отодвинуты на второй план, в условиях наступления разрушительной массовой культуры.

Б.Х.: Сложный и противоречивый XX век оказал колоссальное влияние на развитие татарской литературы. Социальные катастрофы, чудовищные войны перемежались с временами небывалого подъема творческого духа. Все это создает трудности в объективной оценке и осмыслении произошедшего. Художник и время, власть и интеллигенция, идеология и литература — эти понятия во все времена будоражили умы мыслителей. Не взаимоисключают ли они друг друга?

М.Х.: Ответ на этот вопрос чрезвычайно сложен, как сложна, многогранна и противоречива сама жизнь. Татарская литература XX века является очень ярким отображением времени и общества, нации и человека — в том смысле, что предлагала читателю самые актуальные проблемы того или иного десятилетия. На коротком историческом промежутке, фактически на протяжении жизни одного поколения, радикально менялись модели мировосприятия, образа жизни. Видимо, эти тенденции и закладывали в творчество национальных писателей, их произведения определенные противоречия, которые необходимо оценивать предельно объективно, соотносить их с эпохой.

Б.Х.: Попытка вымарать, вычеркнуть, исключить из татарской литературы кажущиеся с позиций сегодняшнего дня «тенденциозные, идеологизированные» произведения неминуемо приведет к отрицанию советской татарской литературы как таковой.

М.Х.: Она может породить губительную тенденцию в отрицании национальных литературных традиций, историко-культурного наследия, которое создавалось на протяжении всего XX века. Ушли в прошлое

идеологический диктат и единомыслие, в том числе и в национальной литературе. Это огромное завоевание и достижение. Но все же главным критерием литературного труда является читательский интерес к писателю и его произведениям, их востребованность обществом и временем.

Б.Х.: В этом смысле татарская литература в полной мере отвечает этим качествам и является важнейшим звеном в истории советской литературы.

М.Х.: Перед татарским писателем всегда стояла очень трудная задача — быть продолжателем многовековых национальных литературных традиций. И, видимо, основой здесь является бережное отношение, стремление к сохранению и развитию духовно-нравственных традиций татарского народа. В годы советской власти эта задача осложнялась многократно. Но то, что она, несмотря на идеологический диктат, сумела их сохранить, ее огромная заслуга. Здесь требуются предельная объективность, уважительное отношение к писателям. Несмотря на всю кажущуюся противоречивость их творчества, они все же были надежным щитом, не позволявшим разрушить дух нации, ее культуру и язык.

Б.Х.: Писатель и эпоха... Для большинства татарских литераторов XX века это во многом абстрактное, философское определение принимало предельно конкретные формы. Как соотносить внешнюю, довлеющую идеологию с внутренними духовными потребностями нации?

М.Х.: Этот вопрос на протяжении десятков лет, видимо, и составлял основу внутреннего конфликта любого литературного произведения. В татарской советской литературе монументальный пафос часто и тесно переплетался с тончайшим национальным лиризмом. Это своеобразие было характерным для творчества многих татарских литераторов того времени. Г. Ибрагимов и Х. Такташ, М. Джалиль и Х. Туфан и еще десятки других мучительно искали очень хрупкую грань между жесткой государственной идеологией и порой противоречащим ей национальным мировоззрением.

Б.Х.: Все же можно с большой уверенностью говорить, что советская татарская литература оказала огромное влияние на нацию, была неотъемлемой и важнейшей частью духовной жизни татар. Она будоражила умы и сердца сотен и тысяч людей, являясь зачастую единственной для них отдушиной.

М.Х.: Действительно, татарская литература XX века чрезвычайно богата и разнообразна. Вклад многих писателей в национальную культуру, пожалуй, до конца еще не оценен. Все они требуют пристального внимания вне зависимости от того, соответствуют ли их произведения меркам так называемой «высокой литературы». Это понятие чрезвычай-

но относительно. Каждый из них внес свою лепту, свой кирпичик в храм татарской культуры, который является основой существования нации.

Они создали произведения, которые не только явились абсолютно разными образцами литературного творчества, но и активно влияли на духовную и общественную жизнь. Национальная литература сумела сохранить также очень важную традицию — преемственность поколений. Для нее это понятие имеет не только абстрактный, некий философский смысл, но в большей степени очень конкретное значение. В ней сложилась определенная нравственная основа, база, которая, несмотря на все идеологические и политические перетряски, была стабильной. Татарский писатель старался остаться честным и искренним перед своими читателями, он в истинном смысле служил родному языку.

Б.Х.: И все же в татарской литературе советского периода, при всем ее многообразии, есть писатели, которые стали символом литературного процесса этих десятилетий, были связующим звеном между прошлым и настоящим. Я хочу немного поговорить с тобой о Гумере Баширове, Наки Исанбете и Амирхане Еники, совершенно разных и непохожих друг на друга с моей точки зрения.

М.Х.: Творчество Гумера Баширова, писателя и мыслителя, всегда вызывало много споров: кто-то принимал его безоговорочно, иные подвергали критике. Но произведения Гумера Баширова неизменно получали большой читательский интерес и общественный резонанс. Его книги издавались огромными тиражами, но этим никак не подчеркивалось его особое положение в татарской литературе тех лет. Объяснение этому простое — Баширов на протяжении многих десятилетий оставался одним из самых читаемых татарских писателей.

Баширов прекрасно знал и разбирался во всех достоинствах и недостатках татарской литературы 1930-х годов. В довоенные годы он работал в журнале «Совет әдәбияте» и Татарском книжном издательстве, то есть, как и многие тогда, активно занимался журналистикой. Этот бесценный опыт журналистики, литературной критики и редакционной работы сыграл определяющую роль в его писательской судьбе. Он свободно, легко и талантливо работал во многих жанрах литературы и журналистики.

Б.Х.: Его произведения стали заметным явлением в довоенной татарской литературе. Особенно тепло была принята читателями и критикой его повесть «Сиваш».

М.Х.: Первый литературный опыт писателя оказался удачным. Повесть «Сиваш» стала своего рода отправной точкой для всего дальнейшего творчества Баширова. Он очень быстро нашел свое место в потоке

татарской литературы тех лет. Одним из важных признаков, который отличает большой писательский талант, является критическое отношение автора к своим произведениям, непереносимое желание усовершенствовать их, придать им свежие краски. Чувство неудовлетворенности было всегда присуще Баширову. Совсем не случайно уже в зрелые годы, будучи состоявшимся и признанным мастером, он возвращается к своим ранним произведениям, в том числе и к повести «Сиваш». Здесь проявляется его стремление не только придать своим произведениям новые художественные нюансы, а в большей степени, видимо, решить чрезвычайно важную задачу — соотнести повествование с быстро меняющейся эпохой. Гумер Баширов обладал очень ценным для писателя качеством — чувством времени. Его произведения, как метроном, отсчитывали десятилетия, каждое из которых обладало своими достоинствами и недостатками. Его книги — это обобщенная картина противоречивого XX века, а этих противоречий Гумер Баширов объективно не мог избежать в своем творчестве — они естественны, как сама жизнь, которую он талантливо описывал.

Б.Х.: Немного витиевато. Но я, кажется, понял твою мысль. В период Великой Отечественной войны стали появляться произведения, которые сразу же становились ярким событием в татарской литературе. Война стала катализатором небывалого подъема творческого духа, побуждала к глубоким размышлениям, порой безжалостно крушила рафинированные представления о жизни и смерти, любви, долге и чести.

М.Х.: Я понял, что ты имеешь в виду. Описывая трагические события войны в многочисленных статьях и очерках, Баширов в течение нескольких лет создавал ставший программным в его творчестве роман «Честь». Он вышел в 1947 году и всего лишь за несколько лет был переведен на десятки языков народов СССР и мира. А в 1951 году Баширов за свой роман был удостоен Сталинской премии. Удивительная судьба у этой книги. Она всегда имела горячих сторонников и резких противников. Роман обсуждали, о нем спорили, он получал самые противоположные оценки.

Б.Х.: Этот роман создавался под воздействием идеологической и политической конъюнктуры тех лет?

М.Х.: Ты повторяешь основную суть критики в отношении этого произведения, которая сопровождает его уже многие годы. Как-то Гумер Баширов сказал мне, что не изменил бы в романе ни строчки.

Б.Х.: Отношение писателя к своему произведению не изменилось и спустя десятилетия. И все же конъюнктурно ли это произведение?

М.Х.: Безусловно. Оно создано под влиянием того времени, когда война определяла свои правила и жизни, и творчества. Именно этим в первую очередь диктовались сюжет и образы, созданные Гумером Башировым в романе. Произведение написано широкими мазками, в нем мало лирических отступлений, нюансов, психологических полутонов, оно чрезвычайно пафосно.

Б.Х.: Автор, по всей видимости, не задавался целью высветить острые жизненные конфликты?

М.Х.: Его задача состояла в другом — предельно обнаженно показать самоотверженный труд в татарской деревне в период войны. Этой главной идее были подчинены и колоритно выписанные писателем характеры и образы героев романа — люди, способные на крайнее самопожертвование. Так автор видел и обобщал образ народа-победителя. О значении романа «Честь» для татарской литературы говорит один очень красноречивый факт. В течение нескольких десятилетий он издан общим тиражом около одного миллиона экземпляров на многих языках мира. Читатели различных стран узнавали о татарской литературе именно через произведение Гумера Баширова. В этом смысле оно имеет большую национально-культурную ценность.

Б.Х.: После войны Гумер Баширов активно занимался общественной деятельностью, работал председателем Союза писателей ТАССР. Он неоднократно избирался депутатом Верховного Совета СССР и ТАССР.

М.Х.: Видимо, не последнюю роль в этом сыграло его широкое признание как писателя и в первую очередь как автора романа «Честь», имевшего огромный успех в стране. Роман был признан одним из лучших национальных литературных произведений тех лет о войне. В общественной и государственной деятельности писатель достиг больших высот, проявил себя очень талантливым организатором. Но эта работа отвлекала его от литературного творчества, и все-таки Баширов принимает решение посвятить себя только литературе.

Б.Х.: Зачастую писатели становятся заложниками своих ранее написанных произведений. «Выстрелив» однажды одним блестящим творением, они долго, а порой никогда, не могут перешагнуть через очень сложный психологический и творческий барьер этой зависимости. Некоторые скептики относили это и к Баширову.

М.Х.: Но он, не обращая внимания на все эти домыслы и догадки, неторопливо, основательно работал. И в литературной, и в культурной жизни республики произошло очень яркое и запоминающееся событие. Увидела свет повесть Баширова «Родная сторона — зеленая колыбель». Он предстал в совсем ином виде, так не похожим на автора «Честь».

Раскрывшийся новыми гранями талант писателя показал, что Гумер Баширов является не только мастером крупных эпических форм в татарской литературе. Он продемонстрировал себя писателем глубоко лирическим, способным очень тонко, ажурно выписывать внутренний мир, психологию своих персонажей, с удивительной глубиной и простотой раскрыл самые потаенные черты национального татарского характера.

Б.Х.: Чем примечательна эта повесть с точки зрения художественной ценности или новых литературных находок?

М.Х.: Прекрасный и сочный язык, выверенная стилистика позволяют ей до сегодняшнего дня оставаться одним из самых читаемых татарских литературных произведений. Но помимо этого повесть несет большой внутренний смысл, который легко увидеть. Баширов обратился к очень важной проблеме национальных традиций татарского народа, его морально-нравственных ценностей. Он, не навязывая своего мнения, через описание дореволюционной жизни татар, еще свободной от тотального влияния всевозможных культур и идеологий, пытается привести читателя к самостоятельной оценке прошлого и настоящего нации. Он дает возможность разобраться в самом себе и во времени, в котором он живет. Эта глубоко философская, мировоззренческая сторона повести Гумера Баширова выдвигает ее в число наиболее ярких и значимых произведений в татарской литературе.

Б.Х.: Характерной чертой творчества Наки Исанбета является его удивительная многогранность. Он успешно работал во многих литературных жанрах: поэзии, прозе, драматургии, публицистике, литературной критике. Много и плодотворно Исанбет занимался научной деятельностью. Все это, несомненно, говорит о высоком таланте, огромном творческом потенциале «последнего татарского энциклопедиста», как его часто называли.

М.Х.: Наки Исанбет учился в знаменитом уфимском медресе «Хусания». Это джадидистское учебное заведение было широко известно в мусульманской России как одно из передовых, где наряду с религиозными знаниями шакирды получали и хорошее светское образование. Именно здесь Н. Исанбет близко знакомится с произведениями татарских писателей и в первую очередь с творчеством Г. Тукая, которое во многом предопределило всю его дальнейшую судьбу. Там же он начал писать свои первые стихи. Опыт оказался настолько удачным, что Шаехзаде Бабич, прочитав тетради шакирда со стихами, эпиграммами, песнями, предрек ему большое литературное будущее. Затем Исанбет продолжил учебу в казанском медресе «Мухаммадия». Произведения молодого поэта стали появляться в знаменитых журналах «Ак юл» и «Ан», которые

всегда отличались хорошим литературным вкусом. На их страницах рядом публиковались произведения Г. Тукая и Н. Исанбета, а это уже было признанием его дарования.

Б.Х.: На становление Н. Исанбета как писателя, несомненно, оказали влияние революционные события 1917 года. Их он восторженно встретил.

М.Х.: Он, как и большинство деятелей татарской культуры нового поколения, был искренен в своих чувствах. Его стихи, баллады, песни тех лет полностью отражают отношение к произошедшим в стране событиям. Но он не «увяз» в революционной тематике, его литературный талант ярко раскрылся и в лирике. Поэтические произведения Исанбета о родном крае, природе, любви, созданные в те годы, были весьма популярными. Некоторые песни стали поистине народными и часто исполнялись без указания имени автора. А песни «Уракчы кыз» («Жница»), «Син сазыңны уйнадың» («Ты играл на сазе»), «Бормалы су» («Извилистый ручеек»), «Илкәем» («Родина моя»), «Гармонь-гармонь» звучат на концертах и в наши дни.

Б.Х.: И все же широкую известность и популярность Исанбет как литератор получает с середины 1920-х годов, когда начинается новый яркий этап в его творчестве, связанный с драматургией.

М.Х.: Он автор 30 пьес, многие из которых несколько десятилетий ставились в Татарском театре им. Г. Камала и других театрах республики. Исанбет, несомненно, вошел в число татарских драматургов, которые определили целую эпоху в национальной культуре XX века. Драматургия Исанбета имеет широкий спектр как по тематике, так и по жанру. Он легко, талантливо писал и комедии, и драмы, и трагедии. Они пользовались огромной популярностью среди любителей театрального искусства. А некоторые из них, такие как комедия «Ходжа Насретдин», трагедия «Муса Джалиль», пьесы «Зифа» и «Райхан», били все рекорды по числу постановок.

Б.Х.: Что являлось причиной и основой успеха пьес Н. Исанбета?

М.Х.: Прекрасное знание законов драматургии, татарского фольклора, народного быта и национальной психологии. Плюс к этому филигранное владение языком. К тому же он был превосходным переводчиком. Именно в его переводах, исполненных сочным, не искажавшим оригинал языком, татарский читатель знакомился с произведениями Пушкина, Грибоедова, Мольера, Шекспира, Низами¹⁴⁶. Исанбет обладал разносторонним дарованием.

¹⁴⁶ Низами Гянджеви (около 1141 – около 1209) — классик персидской поэзии,

Б.Х.: Отдельный, большой пласт творчества Н. Исанбета составляет научная деятельность в области татарского языкознания и фольклора

М.Х.: Любовь и интерес к устному народному творчеству зародились в нем еще в детские годы. Мальчишкой он начал записывать в свою небольшую самодельную тетрадь услышанные от своих родителей и односельчан народные песни, шутки, поговорки. Эта небольшая тетрадь в будущем переросла в огромный научный труд. На протяжении всей своей жизни Исанбет, где бы ни находился и где бы ни работал, постоянно пополнял все более разрастающуюся с годами картотеку новыми фольклорными записями. Он выезжал в экспедиции, совершал длительные пешие переходы по деревням Татарстана, Башкортостана, Новосибирской области. Везде Исанбет находил новые прекрасные образцы национального фольклора.

Б.Х.: Собранные им материалы по народному творчеству требовали кропотливой обработки, систематизации и, наверное, какого-то научного анализа. Все это Исанбет сумел проделать, не имея высшего образования.

М.Х.: Итогом этой колоссальной исследовательской работы стали три тома «Татарских народных пословиц», за которые в 1968 году он получил Тукаевскую премию. Более чем заслуженно. Далее был издан сборник «Детский фольклор» и двухтомный «Фразеологический словарь татарского языка». Большой научный интерес представляют не только сами эти издания, но и комментарии к ним. Все это, несомненно, ставит Исанбета в ряд самых ярких татарских ученых-языковедов.

Б.Х.: Жизнь и творческая судьба Исанбета складывалась не легко. По природе своей человек искренний и независимый, он никому не угождал и, похоже, пострадал от этого.

М.Х.: Он не стремился любыми путями занять первые позиции в татарской литературе, хотя всегда доказывал своим творчеством, что его многогранный талант заслуживает этого. Его обличали как буржуазного националиста, «джидигеновца». Пьеса «Идегей», написанная в 1941 году, стала объектом нападок, многочисленных разбирательств и угроз в его адрес. Исанбет избежал трагической участи многих репрессированных деятелей татарской культуры, хотя некоторое время ему было запрещено заниматься литературной деятельностью.

Б.Х.: И все же никакие внешние обстоятельства не смогли уничтожить в нем желание творить.

один из крупнейших поэтов средневекового Востока, поэт-романтик в персидской эпической литературе, привнесший в персидскую поэзию разговорную речь и реалистический стиль.

М.Х.: Исанбет в этом сродни выдающимся деятелям дореволюционной татарской культуры. Он не только был писателем и ученым, но и продолжил их великую просветительскую миссию, без которой невозможно было сохранить и развить духовную жизнь нации.

Б.Х.: И все же значение творчества любого писателя, его вклад в духовную жизнь нации определяются очень важным и объективным критерием — временем.

М.Х.: Несомненно, и многие произведения Наки Исанбета выдержали это испытание, стали национальной литературной классикой.

Б.Х.: Такой личностью, человеком, олицетворявшим боль и надежды нации, писателем, ярко показавшим в своих произведениях красоту, талант своего народа, его необычайно богатую духовность, был и Амирхан Еники.

М.Х.: Если говорить о человеке, наполненном огромной духовной бодростью, чья жизнь лишена суетливости, проникнута добротой и искренностью, то это Амирхан Еники. Его писательское дарование раскрылось не сразу. К своему успеху он продвигался постепенно, не суетясь, основательно, не размениваясь на проходные произведения.

Родился он в Уфимской губернии, там же в крупном татарском селе прошли его детские и ученические годы. События юности оказали очень большое влияние на формирование личности Еники, о чем он напишет много лет спустя в одном из произведений мемуарного характера. В середине 1920-х годов появляются его первые рассказы. Он сменил десятки профессий, работая во многих уголках страны, прежде чем стать профессиональным литератором. На это судьба ему отмерила долгих 20 лет жизни.

Б.Х.: Путь к настоящей славе, всеобщему признанию у Амирхана Еники оказался очень длинным. Но только ли жизненные обстоятельства заставляли его многие годы отказываться от того, к чему он имел огромный талант?

М.Х.: По всей видимости, нет. Все же решающую роль здесь сыграли его внутренние переживания, желание найти свое место в татарской литературе. Это означало для Еники остаться самим собой, быть объективным в суждениях, знать предельно точно и ясно, во имя чего и о чем пишешь.

Он был восхищен бурными событиями, происходившими в культурной жизни республики тех лет. Но многое его и смущало, зарождало в его душе сомнения. Еники, наверное, один из немногих национальных писателей, кто обладал очень важным для профессионального литератора качеством — чувством сомнения. Он не поддавался сиюминутной

конъюнктуре. Его произведения — это плоды многих лет раздумий, взвешенного, а в силу этого правдивого описания жизненных ситуаций, человеческих характеров. В его книгах трудно найти готовые ответы, казалось бы, на самые несложные жизненные вопросы. Любой его рассказ или повесть заканчивается «многозначием», некоторой недосказанностью.

Б.Х.: Амирхан Еники дает возможность читателю самому разобраться в своих чувствах и мыслях, не пытается навязать своей точки зрения.

М.Х.: В этих «сомнениях» проявляются не только талант и специфика его видения мира. Здесь вся его мудрость, писательское мастерство, а также вера в разум своего читателя. Воспитанный на примерах татарской классической литературы, Амирхан Еники тяжело воспринимал новомодные течения, которые в различных вариациях пронизывали национальную литературу тех лет. Нет, он не отвергал этих явлений, а искренне пытался их понять. Видимо, это обстоятельство сыграло определенную роль в том, что он не находил в те годы своей ниши в творческом процессе.

Б.Х.: Сын торговца Еники на себе испытал последствия классового подхода в решении социально-политических проблем, в том числе и вопросов культурного развития. Эта политика не давала ему возможности не только активно заниматься литературной деятельностью, но и получить высшее образование.

М.Х.: Но не это больше волновало Амирхана Еники. Начавшаяся активная критика, а затем и откровенная травля выдающихся дореволюционных татарских литераторов еще больше убедила его в невозможности оставаться писателем со своим лицом, вне рамок идеологических штампов, которые душили национальную литературу. Еники никогда не уходил, не отворачивался от сложных жизненных обстоятельств. Он замыкался, пытаясь понять и объяснить причины своих сомнений, разочарований в людях и во времени. Стремился найти нравственный стержень, который при всех обстоятельствах не дает людям впасть в бездуховность. Для Еники человек всегда оставался величайшей загадкой, способной вобрать в себя и самое красивое, и самое уродливое. Он был великим романтиком, искавшим идеалы любви и добра. Эти поиски заняли у него и те долгие 20 лет вынужденного «молчания», да и всю его жизнь.

Б.Х.: Наверное, нет ничего удивительного в том, что Амирхан Еники вернулся к активному литературному творчеству в годы Великой Отечественной войны, ведь она до предела обнажила многие человеческие чувства.

М.Х.: Война разрушила отлакированные, отшлифованные до неестественного блеска идеологические штампы о всеобщем благополучии, потерявшие в годы репрессий всякий смысл понятия нравственности, морали и долга. Человек был поставлен в условия, когда добро и зло приняли свое естественное, первоначальное значение. Именно в эти годы Амирхан Еники, участник войны, пишет свои блестящие рассказы, которые сразу же завоевали сердца и умы читателей, стали ярчайшим явлением, а некоторые — и классикой татарской национальной литературы: «Бала» («Ребенок», 1941), «Ана белән кыз» («Мать и дочь», 1942), «Бер генә сәгәткә» («Только на один час», 1944), «Мәк чәчәге» («Цветок мака», 1944), «Кунакчыл дошман» («Гостеприимный враг», 1945).

Но была еще и победа Амирхана Еники над самим собой. Он нашел свое место в профессиональной татарской литературе, сумел разобраться в своих чувствах и желаниях, нашел причины многих своих сомнений, которые, впрочем, останутся у него до конца его долгой жизни. Видимо, таков удел любого мыслителя.

Б.Х.: Признание и любовь читателей сделали его одним из самых популярных мастеров художественного слова в татарской литературе. Но Амирхан Еники не создал большого количества произведений.

М.Х.: Да, он писал медленно, основательно, тщательно выписывая каждый сюжетный ход, создавая каждый персонаж, пейзаж, даже самую незначительную бытовую деталь. У него не было проходных произведений. Все его книги без исключения становились ярким событием в татарской литературе, бесценными жемчужинами национальной культуры. Амирхан Еники никогда не был конъюнктурным писателем, не гнался за злободневностью. Это философ, мыслитель, которого в первую очередь интересовал внутренний мир человека, вся гамма его переживаний и чувств.

Б.Х.: Можно сказать, что любимым жанром писателя, где он проявил настоящее профессиональное мастерство, был рассказ?

М.Х.: Пожалуй, да. Рассказ — один из самых сложных литературных жанров, он требует особого таланта, особого видения мира. В коротком произведении затронуть темы, которые не только всколыхнули бы читательское внимание, но и заставляли вновь и вновь его перечитывать, пристально, вдумчиво, наслаждаясь многокрасочным языком писателя, находя в нем новые нюансы. Амирхан Еники справлялся с этим прекрасно. В истории татарской литературы равных ему, видимо, нет. Еники — прекрасный стилист, его произведения узнаваемы с первых строк. Удивительная музыкальность фраз, неизменная лирическая взволнованность, светлая и нежная грусть создают особое настроение всем его

творениям. Они легки, прозрачны, пронизаны тончайшим психологическим рисунком, поэтичностью, теплотой.

Б.Х.: Великий мастер слова Амирхан Еники, к сожалению, так и не получил должной известности за пределами Татарстана.

М.Х.: Его прекрасный язык и изысканный стиль очень много теряли при переводах на другие языки, хотя многие его произведения, несомненно, являются достоянием российской и европейской литературы. Он и сам был мастером художественного перевода. Им переведены с русского на татарский язык драмы А. Островского, романы и рассказы К. Паустовского, И. Гончарова, Э. Казакевича, Ч. Айтматова.

Б.Х.: Да уж, если не его переводили, так он сам переводил других, а в последние годы своей жизни Амирхан Еники обратился к публицистике и воспоминаниям.

М.Х.: Здесь раскрылась еще одна грань его огромного таланта. Размышляя о прошлом и настоящем татарского народа, его культуре, традициях, он с необычайно убедительной простотой и мудростью пишет о многочисленных проблемах и возможных путях возрождения нации. Говорит он об этом без надрыва, напряжения и назидания, не раздавая советов. Он лишь тонко и необычайно уважительно ведет читателя за своей мыслью, щедро делясь с ним своими душевными переживаниями и сомнениями, снова и снова убедительно подтверждая, что только большой писатель способен заставить работать и человеческий разум, и его душу.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Хасанов Мансур Хасанович — государственный деятель, литературовед, доктор филологических наук (1971), профессор (1972), академик АН РТ (1992), заслуженный деятель науки РТ (1995).

Родился 25 июня 1930 г. в д. Бегишево Челнинского кантона ТАССР (ныне Заинский район РТ).

Окончил Елабужский библиотечный техникум (1948); Казанский университет (1955). После окончания университета работал там же, с 1955 г. аспирант, ассистент кафедры татарской литературы, заместитель декана историко-филологического факультета, с 1972 г. профессор кафедры татарской литературы.

С 1961 г. в Татарском обкоме КПСС: в 1961–1964 гг. заведующий отделом культуры, в 1964–1971 гг. заведующий отделом науки и учебных заведений.

В 1971–1992 гг. заместитель председателя, первый заместитель председателя Совета Министров ТАССР, Кабинета Министров РТ.

В 1992–2006 гг. президент Академии наук РТ; одновременно, в 1994–2010 гг., директор Института Татарской энциклопедии АН РТ.

Внес значительный вклад в развитие общеобразовательной, профессионально-технической и высшей школы, библиотечной, музейной, кинопрокатной сети Татарстана. При его непосредственном участии в республике были открыты медицинские, педагогические и музыкальные училища (гг. Набережные Челны, Нижнекамск и др.), Казанский институт культуры, Казанский филиал Московского энергетического института, Казанский филиал Волгоградского института физической культуры и спорта, музеи Г. Тукая (с. Новый Кырлай Арского района, 1971; Казань, 1986 и др.); установлены памятники А. М. Бутлерову (1978), М. М. Вахитову (1985) и др.

М. Х. Хасанов был одним из организаторов (1991) и первым президентом Академии наук Республики Татарстан. Сыграл большую роль в создании системы академических институтов и центров в

Татарстане: Института Татарской энциклопедии, Института истории, Института языка, литературы и искусства и др.

При его активном участии были приняты Декларация о государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики (1990), решение о проведении референдума о государственном статусе Татарстана (1992), Конституция РТ (1992), решение о праздновании 1000-летия Казани и др.

Автор трудов по истории татарской литературы, методологическим проблемам литературоведения, истории татарской общественной мысли (Г. Ибрагимов, Ш. Марджани, Г. Тукай, Ф. Амирхан, Г. Камал, К. Тинчурин, Г. Исхаки, С. Максудов и др.). Автор научной концепции и главный редактор «Татарской энциклопедии» (в 2002–2010 гг. при нём издано 5 томов из 6), учебников татарской литературы для средних школ (1973; 5 изд., 1990); председатель редколлегий по подготовке собраний сочинений Г. Ибрагимова (т. 1–8, 1974–1987), Ф. Амирхана (т. 1–4, 1984–1986), Г. Тукая (т. 1–5, 1985–1986); «Истории татарской литературы» (т. 1–6, 1984–1989) и др.

Депутат Верховного Совета ТАССР в 1963–1990 гг., председатель Постоянной комиссии ВС ТАССР по народному образованию и культуре (1963–1971). Председатель Комитета по Государственной премии ТАССР им. Г. Тукая в области литературы и искусства (1971–1990), председатель Комиссии при Президенте РТ по Государственным премии РТ в области науки и техники (1993–2005).

За особый вклад в создание «Татарского энциклопедического словаря» на русском (1999) и татарском (2002) языках удостоен Государственной премии РТ в области науки и техники (2005). Награждён орденами Трудового Красного Знамени (дважды), Дружбы народов, «Знак Почёта», «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени, «За заслуги перед Республикой Татарстан», медалями.

Умер 13 марта 2010 г. в г. Казани, похоронен на Арском кладбище.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абай 190, 195
 Абдраязов А. А. 77
 Абдрахманов М. И. 38, 70, 95
 Абжалилов Х. Г. 53
 Аблялимов А. 29
 Абсалямов А. 212
 Агишев Я. Х. 36, 37
 Аглям М. 228
 Аздуни С. Т. 39
 Айни С. 156
 Айнутдинова Л. М. 203
 Айтматов Ч. 148, 158, 159, 200, 244
 Акаев А. А. 86
 Аксенов В. П. 171, 172
 Аксенов П. В. 171, 172
 Александров А. П. 94
 Алемасов В. Е. 92
 Алиев Г. А. 86, 160
 Альтшулер С. А. 42, 79
 Амирхан Ф. 167, 246
 Андропов Ю. В. 135, 142, 157
 Апанасовы 159
 Арбузов А. Е. 61, 63, 79, 86, 169
 Арбузов Б. А. 42, 86
 Аристов А. Б. 57, 58, 60
 Арсланов А. 181
 Арутюнян Ю. В. 112
 Асфандиярова Ш. 181
 Ахмадуллин А. 50
 Ахметзянов Роберт 228
 Ахметова-Урманче Ф. 189, 194
 Ахунзянов Т. И. 160, 161, 164, 165
 Ахунзянов Э. М. 36

 Бабич Ш. 169, 210, 238
 Батыев С. Г. 54, 64, 77, 80, 94, 97, 98,
 100, 103, 130, 170, 195
 Батыева Э. 201
 Баширов Г. 167, 170, 212, 235–238
 Белавин А. М. 151
 Беляев Р. К. 101, 118, 134, 135, 140,
 142–144
 Берлин И. 186

 Бестужев-Лада И. В. 111
 Биктемиров Ш. 181
 Бичурин А. Х. 118
 Блохин Н. Н. 126
 Бондаренко А. И. 100, 146
 Боратынский Е. А. 124
 Бородин А. П. 61, 63
 Брагинский И. С. 117
 Брежнев Л. И. 71, 113, 135, 142, 156, 159
 Бунин И. 104
 Бутлеров А. М. 245
 Бухараев З. Г. 132
 Бухараев М. И. 114

 Валеев М. Ф. 74, 83, 99, 130, 131, 147,
 161–163, 184
 Валеев Н. М. 199
 Валеев Ю. С. 129, 146, 147, 157
 Валеева З. Р. 201
 Валиев К. А. 108, 152
 Вахитов М. М. 245
 Виноградов В. 178
 Вознесенский А. Н. 38
 Вульфсон Г. Н. 48

 Габдулвалиев И. 159
 Гайнуллин Ф. Г. 129, 142
 Галеев Г. Г. 30
 Галимова Э. М. 203
 Галимов М. И. 92
 Гапуров М. Г. 154
 Гаспринский И. 156, 162
 Гаташ Р. 228
 Гафури М. 169, 209, 210
 Гафуров Б. Г. 116, 117, 156
 Гегель Г. В. Ф. 37, 38
 Гельмс Э. 91, 181
 Герцен А. И. 225
 Гете И. В. 124
 Гизатдинов Л. В. 29
 Гизатуллин Б. 181
 Гилельс Э. 180
 Гинзбург Е. С. 171, 172
 Гнеденков А. В. 95, 114

- Гончаров И. 244
Горбачев М. С. 67, 86, 106, 109, 113, 159, 160
Греков Б. Д. 37
Григорьев В. А. 112, 113
Гулям Г. 155, 156
Давыдов Э. 228
Данилов А. И. 70, 74, 75, 111
Даули Н. 187
Даутов Н. 189
Дашкевич М. Н. 45, 47
Демирель С. 167, 168
Демичев П. Н. 54
Дергунов В. С. 134, 135
Джалиль М. 140, 185, 186, 209, 215, 225, 234
Дробилева Л. М. 112
Дугин А. Г. 148
Дэрдменд 169, 191, 208, 209, 227, 230
Дюков И. А. 32
Ельцин Б. Н. 109, 110
Елютин В. П. 80–82, 84, 88
Еники А. 167, 209, 235, 241, 244
Ермаков В. В. 130
Есенин С. 214
Жиганов Н. Г. 53, 82, 83, 131, 133, 170, 173–176, 179, 185
Жиганова Н. И. 173
Жилина Е. Е. 53
Зайнашева Г. 187
Зайнуллин С. 26
Зайцев С. Н. 102, 103
Закиев М. З. 50, 62, 88
Залая Л. 36, 37
Зарипова Д. 189
Заслонов К. 164
Застела Ю. К. 89, 90, 92, 93
Зимницкий С. С. 125
Зыкина Л. Г. 160
Ибрагимов Г. 39, 117, 167, 169, 188, 208, 209, 221, 230, 234, 246
Ибрагимов И. И. 64
Ибрагимов Р. И. 54
Ибрагимов Ш. Ш. 94
Иванов В. В. 70, 74–76, 81, 125
Игнатъев С. Д. 56–58, 60, 61, 64–66, 72, 97, 98, 134, 146
Ильская Ф. 212
Исаев Б. М. 109, 130, 139, 157
Исанбет Н. 235, 238–240
Исанбет Ю. 187
Ислюков С. М. 82
Исхак Ахмет 154
Исхаки Г. 167, 208, 246
Исхаков К. Ш. 119, 149, 152, 201
Казакевич Э. Г. 244
Камал Г. 246
Камал Ш. 20, 21
Каменков Г. В. 93
Кант И. 188
Карим М. 163
Каримова Р. 212
Кемине 154
Кинелев В. Г. 144
Кириленко А. П. 142, 143
Кирилов В. К. 127, 139, 157
Кирпичников А. Н. 150
Кирпичников П. А. 83, 95, 100
Кирсанов А. А. 58
Ключарев А. С. 177, 178, 181, 183
Кляшторный С. Г. 150
Козлов И. И. 66
Козырев Б. М. 42
Колбин Г. В. 159
Коненков С. Т. 196
Коновалов А. И. 86, 201
Котов А. М. 139, 141, 157
Кочемасов В. И. 161
Крестовников К. К. 43
Кудаш С. 164, 165, 169, 212
Кузнецов Н. 181
Кулеев М. Т. 88
Куликов В. Г. 128
Кунаев Д. А. 156, 157, 159, 173
Курляндская Г. Б. 38, 39
Курмашев Ю. В. 23
Куропатенко Д. С. 49
Кутуй А. 211, 215, 216, 222
Кутуй Р. 228
Лавров К. Ю. 160
Леман А. С. 177
Ленин В. И. 18, 71, 83, 104, 211
Леонардо да Винчи 191, 198
Лещенко Л. В. 54
Ливанов Н. А. 43, 44
Лигачев Е. К. 145, 147
Липужина В. Н. 130
Лихачев Д. С. 37
Лобачевский Н. И. 80, 111
Лосев А. Ф. 191
Лундстрем О. Л. 175, 178

- Максудов С. 246
Малинкин Н. И. 66
Мангал Х. 132
Марджани Ш. 161, 162, 246
Марков М. В. 33
Марков Н. В. 111, 112
Маркс К. 187
Марр Н. Я. 35
Мартынов Д. Я. 79
Махмутов М. И. 58, 65, 73, 74, 76–78, 130
Махмутова Л. 169
Мацюшевич К. Т. 180
Маяковский В. 213
Медведев В. А. 113
Месяц Г. 200
Микоян А. И. 53
Минниханов Рифкат Н. 203
Миннуллин Т. 140
Михайлов М. К. 129
Михалков С. В. 126, 127, 160
Михеева А. А. 70
Мицкевич А. 39
Моллаева М. 154
Молотов В. М. 18, 145
Монасзон Э. А. 180, 182
Мордюкова Н. В. 160
Морозов В. В. 79
Морозов Д. Г. 37
Музафаров М. 176, 183
Мунчаев Р. М. 151
Муратов З. И. 53, 56, 60, 98
Муратов Р. Ф. 152
Мусин М. М. 81
Мусин Р. М. 75, 83, 85, 129–134, 142, 143, 157, 159
Мусифуллин Б. Я. 45
Мухамедьяр 231
Мухаметшин Ф. Х. 118, 148, 167, 201
Мухамматов Х. 62
Мухтаров К. Г. 171
Мухутдинов И. З. 125, 126, 128
Навои А. 221
Наджми К. 21, 215
Наджми Н. 163
Насретдинов Г. 187
Насретдинов Ф. Х. 53, 54, 56
Нафигов Р. 59, 62
Нигматуллин Р. Ш. 84, 88, 92–96
Низами Г. 239
Низамов Р. 26
Никонов В. П. 108, 109
Никсон Р. 119
Нишанов Р. Н. 106
Норден А. П. 40, 79
Носов Е. Н. 150
Нугман М. 186, 187
Нужин М. Т. 33, 44, 79, 80, 82–88, 95
Нури З. 164
Овчинников Ю. А. 100
Оден У. Х. 196
Ойстрах Д. 180
Островский А. Н. 244
Палютин Х. Р. 96
Паустовский К. Г. 244
Петров А. З. 40, 42
Полющенков Г. Г. 132
Примаков Е. М. 116
Пугачева А. Б. 54
Пудовик А. Н. 42
Пуленк Ф. 185
Пушкин А. С. 43, 222, 239
Рамеев М. К. 135
Рамиев С. 169, 210, 213, 216
Рахим Г. 228
Рахлин Н. Г. 174–176, 184
Рахманинов С. 182
Рахманкулова М. 180
Рахматуллин И. 125
Рашидов Ш. Р. 106, 155, 156, 158
Рихтер С. 180
Рождественский Б. П. 45
Розенгартен М. Ю. 121, 122, 124
Румянцев А. М. 111
Румянцев С. В. 93
Рыбаков Б. А. 149
Сабиров М. Г. 137
Савельева Л. 36, 50, 59
Сагдеев Р. З. 84–86, 200
Садрижиганов Д. Г. 175
Садыков И. Х. 101, 135, 137, 142
Садыков М. Б. 129
Садыков Ф. А. 66, 129, 135
Садыкова С. 176
Сайдашев С. 138, 174–176, 188
Сайкин С. Ф. 82
Салахов Т. 189
Салимжанов М. 181
Сахи 24
Седов В. В. 151
Сибгатуллина М. Ш. 203
Сикейрос Д. 195
Ситников К. П. 33, 79

- Слободская Е. А. 39
Сталин И. В. 18, 35, 47, 56, 57, 69, 111, 116, 117, 225
Столетов В. Н. 89, 111
Султан-Галиев М. 166, 194
Суслов М. А. 75, 103, 104, 142, 147
Сюнчелей С. 208
Табеев Ф. А. 34, 43, 45, 47–49, 56, 61, 64, 66, 67, 71, 72, 74, 75, 77, 78, 80, 81, 83, 85–87, 92, 93, 97–104, 106, 107, 114, 115, 129, 132, 135, 138, 139, 142, 143, 146, 147, 162, 184, 199
Табеева Д. М. 43
Такташ Х. 67, 208–211, 213–218, 220, 222, 224, 227, 234
Таняев А. П. 170, 172
Тарле Е. В. 37
Тимерханов А. А. 203
Тинчурин К. 21, 246
Тинчурин Ф. 3. 88
Тишков В. А. 151
Ткачев А. П. 141
Толстой Л. Н. 39, 104
Трапезников С. П. 113
Троицкий М. Т. 143
Тукай Г. 60, 61, 156, 169, 170, 188, 190, 197, 198, 208, 209, 213, 216, 222, 227, 245, 246
Тумашева Д. Г. 40
Тургенев И. С. 38, 39
Тутаев М. З. 48, 226
Туфан Х. 181, 209, 212, 220–227, 234
Улик В. И. 182
Урманче Б. 146, 170, 188–198
Усманов Г. И. 99, 104, 108, 109, 114, 115, 122, 126, 127, 129, 131, 133–143, 157, 167, 201
Усманов М. А. 149
Усманов Х. У. 33, 35, 36, 39
Усманов Ш. 21
Файзи Д. 176, 181
Файзуллин Р. А. 163, 228, 229–232
Фарукшин М. Х. 118, 201
Фасеев К. Ф. 54, 60, 162, 170, 189
Фаттах Н. 228
Фешин Н. И. 195
Фирдоуси 221
Фукс К. 177
Фурсенко А. А. 151
Фурцева Е. А. 81
Хабибуллин З. В. 181, 183
Хабибуллин Ш. Т. 33
Хайям О. 221
Хакимова Р. А. 33, 35
Хакимов Р. С. 148
Халиков А. Х. 149
Халитов Ф. 219
Хамидуллин И. Х. 73
Хамитов Х. 125
Харис Р. 228
Харитонов А. П. 49
Хасанов Ф. Х. 9–11, 15, 18, 24, 27
Хасанова (Мусифуллина) Р. Б. 45, 46, 73, 132
Хикмет Н. 225
Хрущев Н. С. 47, 52, 53, 57–60, 66, 67, 69, 71
Хузин Ф. Ш. 150
Царегородцев А. Д. 127, 128
Чазов Е. И. 128
Чаушеску Н. 104
Черненко К. У. 132
Черненко Н. У. 134
Четаев Н. Г. 93
Чижик К. Б. 23
Чиликин М. Г. 113
Шаймиев М. Ш. 109, 136, 149, 152, 199, 201
Шакиров М. З. 165
Шамсутдинов Я. 64
Шамшибаева (Айтматова) К. 158
Шарафеев С. М. 145–147, 170
Шафигуллин А. Г. 79
Шафиков Я. 97, 101
Шеварднадзе Э. А. 86
Шерман И. Э. 177
Шишков А. С. 72
Шкаратан О. И. 112
Шостакович Д. Д. 160
Шофман А. С. 48, 76
Эйзенхауэр С. 200
Юдин И. Н. 64
Юзеев Н. 50
Юльметова С. 59
Ярми Х. 37
Ярмухаметова Р. Ю. 77
Яруллин Ф. 176
Яруллин Х. Я. 23
Яхин Р. М. 176, 178–180, 182, 183, 185–187

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редколлегии	3
Вместо предисловия	5
ГЛАВА 1. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ: Бегишево и Елабуга	9
1. Вспоминая деда и отца	9
2. Предвоенные и военные годы	16
3. Учеба в библиотечном техникуме и первая работа	22
ГЛАВА 2. КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ: учеба и работа	32
1. Мои университеты	32
2. Вступление в члены ВКП(б) и партком	43
3. Аспирантура, редактор газеты и замдекана	52
ГЛАВА 3. В ОБЛАСТНОМ КОМИТЕТЕ КПСС	66
1. Переход на работу в партийные органы	66
2. Заведующий отделом науки и учебных заведений	79
3. Фикрят Табеев	97
ГЛАВА 4. ПРАВИТЕЛЬСТВО. Совет Министров ТАССР	111
1. Назначение на должность	114
2. Новая сфера деятельности — медицина и здравоохранение ..	121
3. Гумер Усманов	129
4. Тысячелетие Казани	145
5. Татары в братской семье народов СССР	154
ГЛАВА 5. ИСКУССТВО И ТАТАРСКАЯ МУЗЫКА	173
ГЛАВА 6. ТАТАРСКАЯ СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПОЭЗИЯ	207
Биографические сведения	245
Именной указатель	247

Хасанов Булат Мансурович

Диалоги с Мансуром Хасановым

Биографические и литературные размышления

Литературное редактирование и корректура:

Л. Т. Мухаметшина, Л. Т. Нигъмәтзянова

Дизайн обложки: *Ф. А. Ибрагимова*

Обработка иллюстраций: *Г. Р. Давлетьянова*.

Техническое редактирование и компьютерная верстка: *Р. Р. Салахиев*

Подписано в печать 17.06.2025. Формат 70×100/16.

Усл. печ. л. 20.48. Тираж 500 экз. Заказ 17.6/25

ОСП ГНБУ «Академия наук РТ»

«Институт татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова»

420015, г. Казань, ул. Пушкина, 56.

E-mail: info-ite@mail.ru

Издательство Академии наук Республики Татарстан

420111, г. Казань, ул. Баумана, 20.

E-mail: izdat.anrt@yandex.ru